
Россия, Русь! Храни себя, храни!

5-6
2017

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

Правительственная телеграмма

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Валерий ХАТЮШИН. Почти вековой юбилей	4
Всеволод ТРОИЦКИЙ. Великое слово — народ	94
Денис СЕЛЕЗНЁВ. Что делать с Украиной?	142
Михаил ДЕЛЯГИН. О денацификации украинской зоны	147
Андрей ФУРСОВ. Мир будущего. Беседа с историком	184

ПОЭЗИЯ

Виктор КОЧЕТКОВ. Хлеб войны. Стихи	19
Александр ГОНЧАРОВ. Через огонь, через завесу дыма... Стихи	109
Анатолий АВРУТИН. Круг тревоги и печали. Стихи	156
Эмма МЕНЬШИКОВА. О, как люблю я эту землю!.. Стихи	202
Стихи поэтов России	236

ПРОЗА

Владимир ПРОНСКИЙ. Послушание во славу. Роман. Окончание	30
Аркадий МАКАРОВ. Рассказы	116
Николай КОКУХИН. Гаврилыч. Рассказ	165

ДОРОГИ И СУДЬБЫ

Владислав КОВАЛЁВ. Голоса былого. Фрагменты книги	209
---	-----

УРОКИ ИСТОРИИ

Андрей ИВАНОВ. « Личный политический друг Керенского »	245
---	-----

ЭКСПЕРТЫ

Валентин КАТАСОНОВ. Экономика от лукавого	254
--	-----

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Валерий ФИЛИМОНОВ. Маразм Европарламента	268
Андрей ЛУКЪЯНЧИКОВ. Неолиберальное святотатство	271
Татьяна ШАБАЕВА. Большая история в городе Авдеевке	274
Владимир МОЖЕГОЕВ. Пушкин и 37-й	278

ИСКУССТВО

Нина БОЙКО. Рассказы о русских художниках	281
--	-----

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

Уважаемые коллеги! Поздравляю вас с 95-летием со дня выхода в свет первого номера журнала «Молодая гвардия»! Со дня своего основания журнал нацелен на патриотическое воспитание молодого поколения, вместе со страной прошел большой и непростой путь, пережил взлёты и трагические испытания.

Сегодня журнал «Молодая гвардия» продолжает диалог со своими читателями и остается верен своим принципам и целям.

От всей души желаю редакции журнала и ее авторам крепкого здоровья, благополучия и творческого настроения.

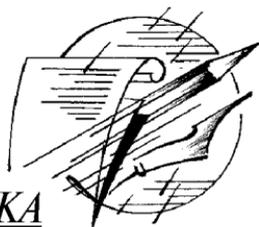
Руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

М.В. СЕСЛАВИНСКИЙ

ПОЧТИ ВЕКОВОЙ ЮБИЛЕЙ

Как уже не раз приходилось писать, журнал «Молодая гвардия» — один из старейших литературных журналов России. Свой 95-летний юбилей журнал отмечает, находясь на передовой борьбы за русскую нацию и русские национальные интересы. История этой борьбы — это история всего русско-го движения XX и XXI веков. И тут нельзя не вспомнить главные, наиболее значимые вехи того трагического пути становления и укрепления национального самосознания, который прошла страна и наш журнал за этот почти вековой срок.

В 1922 году, как известно, журнал наш был основан с подачи самого Лейбы Давидовича Троцкого. И главным редактором был рекомендован тоже его человек, точнее, даже его родственник — Леопольд Авербах, который в 1937 году был расстрелян за троцкистскую деятельность. Журнал наш долгое время был космополитичным изданием, отстаивавшим пролетарский интернационализм, воинствующий атеизм и классовую ненависть к врагам Октябрьской революции. Ни о каких национальных русских проблемах заикаться на его страницах долгие годы

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

было просто невысказано. Чаще всего в нём печатались такие авторы, которые сейчас забыты или давно отвергнуты русской литературой: Безыменский, Багрицкий, Светлов, Лелевич, Николай Асеев, Семен Кирсанов и т.п.

Мы все прекрасно знаем, что делала новая власть с русскими национальными поэтами, а также с русскими представителями гуманитарной науки. В 1921 году был расстрелян Николай Гумилев, в том же году был доведен до гибели Александр Блок. В 1925 году по сфабрикованному делу под названием «Орден русских фашистов» был расстрелян крестьянский поэт, друг Есенина Алексей Ганин. В том же году был убит и сам Сергей Есенин. В эти же 20-е годы начались гонения на учёных-славистов, преподавателей гуманитарных вузов, которые остались в России и не покинули ее на известных философских пароходах осенью 1922 года, когда вышвырнули из страны более 200 человек по личному указанию Ленина. Среди этих учёных-славистов, подвергшихся репрессиям, были академики, люди с мировыми именами, такие, как выдающийся русский историк Сергей Федорович Платонов и учёный-литературовед, этнограф, филолог, русист, профессор Московского университета Михаил Несторович Сперанский. В 1933 году эта волна репрессий против учёных-русистов повторилась в еще большем масштабе, было арестовано более ста русских преподавателей гуманитарных вузов, историков, философов, филологов, среди которых оказался еще один выдающийся ученый, академик, исследователь русской литературы, в том числе трудов Аввакума и стилистики прозы Пушкина, Виктор Владимирович Виноградов. В 1937 году расстрелян великий русский поэт Николай Клюев. В 1938 году арестован и осужден на пять лет лагерей Николай Заболоцкий. Космополиты во власти фабриковали дела на пустом месте, не позволяя заикаться ни о чём русском. Я уж не говорю о поэтах, служивших в Белой гвардии, которые были вынуждены скрываться за границей. Один из них, Арсений Несмелов, был арестован в 1945 году в Харбине и расстрелян. А вспомним сфабрикованное Берией «Ленинградское дело» в конце сороковых — начале 50-х годов, по которому было расстреляно более двухсот русских партийных работников. Я напоминаю об этом, чтобы было понятно, в какой атмосфере приходилось жить и работать творческим людям, помнящим о своих национальных корнях, когда помнить о них было строжайше запрещено.

В первые десятилетия своего существования «Молодая гвардия» действительно была комсомольским журналом, четко следовавшим партийным установкам. И так длилось до

середины 60-х годов, когда главным редактором, в 1963 году, был назначен фронтовик, журналист и писатель, закончивший исторический факультет МГУ, Анатолий Васильевич Никонов.

Хотя, конечно, и до этого в «Молодой гвардии» выступали очень известные, крупные и даже великие русские писатели. В 20-е годы здесь печатались Сергей Есенин, Владимир Маяковский, Максим Горький, Михаил Шолохов, Леонид Леонов, Вячеслав Шишков, Серафимович, Фурманов, Фадеев. В 1932 году в «Молодой гвардии» была опубликована первая книга романа Николая Островского «Как закалялась сталь». В 1934-м — вторая книга. Здесь же начал печататься его новый роман «Рождённые бурей», который автор не успел закончить. А в конце сороковых здесь увидели свет главы из романа Шолохова «Поднятая целина». И уже тогда журнал воспитывал молодежь в духе советского патриотизма. Но всё же, повторяю, национальных проблем русского народа тогда касаться на страницах печати было еще nepозволительно. Космополиты ужасно боялись всего национально русского. Ведь они пришли к власти с целью разрушения Русского государства и очень много успели сделать на пути к этой цели. И потому главными их врагами были носители национального сознания — люди, знавшие и помнившие русские национальные и культурные традиции. Вот их-то и нужно было или изолировать от населения, или физически уничтожить. Они, космополиты, вели себя здесь как оккупанты во всех смыслах.

Но, как это ни странно будет звучать, окончательно добить национальное чувство в нашем народе помешала война. Эта страшная война, унесшая столько русских жизней, тем не менее спасла Россию от моральной, от духовной гибели. Война заставила эту космополитичную власть обратиться к национальному чувству народа. Когда Сталин обратился с воззванием: «Братья и сестры!» и народ откликнулся на эту мольбу, внутренний враг вынужден был прикусить язык. И война действительно разбудила в народе национальное чувство, которое оказалось сильнее нацистского чувства германцев и всей фашистской Европы. И когда Сталин в 1945 году провозгласил тост «За великий русский народ!», внутренний враг молчал, хоть и затаил дикую злобу.

Во время войны журнал не выходил. Возобновил свою деятельность журнал в 1948 году. Между прочим, в год моего рождения.

Но с середины 60-х годов произошел перелом в политической и духовной линии журнала. Вокруг Анатолия Нико-

нова начал формироваться стойкий патриотический авторский коллектив. Ведущие посты в редакции заняли талантливые молодые русские писатели: Викулов, Чалмаев, Сорокин, Ганичев, Петелин, Цыбин. На страницах журнала начали появляться материалы, о которых раньше даже подумать было нельзя. То есть «Молодая гвардия» первой пробила эту брешь, она стала первым реальным, общедоступным журналом в России, в котором заговорили о возрождении русской национальной культуры и русских культурных традиций.

В 1964 году был снят со всех руководящих должностей Никита Хрущев, невежественный, бескультурный, мстительный, безбожный человек, разрушавший храмы и раздаривавший исконные российские земли другим республикам СССР, которые потом от нас отделились вместе с этими землями. Хрущев уничтожал культурное наследие прошлого под лозунгом десталинизации и обещания жизни при коммунизме. Нужно было воспользоваться сменой власти и отвоевать у т.н. «шестидесятников», этих либералов того времени, нашу Победу, ее героев и памятники культуры, а точнее говоря — вернуть народу Память. И редакции «Молодой гвардии» во главе с Анатолием Никоновым это в большой степени удалось.

В 1965 году на страницах журнала было опубликовано обращение выдающихся деятелей отечественной культуры к молодежи под заголовком «Берегите святыни наши!» Это обращение было подхвачено другими изданиями, его стали обсуждать в клубах, библиотеках, школах. В этом воззвании говорилось, что надо беречь памятники нашей культуры, истории, архитектуры, сохранять храмы, дворцы, любить и сохранять русскую классику, одним словом, всё, в чём заключена история страны. Кстати сказать, это обращение как раз и стало толчком к созданию Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Так что «Молодую гвардию» можно считать одним из основателей этого уникального возрожденческого союза, с которого как раз и началось организационное русское национальное движение. «Молодая гвардия» стала как бы первой русской партией, которая не подверглась физическим репрессиям.

Именно в те годы на страницах журнала появились знаменитые, вызвавшие широкую полемику «Письма из Русского музея» Владимира Солоухина, патриотические публикации Леонида Леонова, В. Чивилихина, художника Глазунова, скульптора Коненкова, исследователей литературы М. Лобанова, В. Чалмаева, В. Кожина, Олега Михайлова. С журналом стали сотрудничать писатели послевоенной поры:

М.Алексеев, Ю.Бондарев, А.Иванов, В.Федоров, П.Проскурин, В.Шукшин, Н.Кузьмин, Б.Примеров, Н.Рубцов, Ф.Чуев, Э.Володин. Казалось, возрождение русской культуры, русского национального самосознания будет стремительно нарастать.

Однако наши враги тоже не дремали. Они окопались вокруг этнолиберального журнала того времени «Новый мир», который возглавлял, к сожалению, замечательный поэт, но безвольный и очень зависимый человек — Александр Твардовский. Именно в «Новом мире» то и дело публиковались самые русофобские критические статьи А.Синявского, В.Войновича, В.Лакшина, Ст.Рассадины и других активных ненавистников русской традиционной культуры. Именитых авторов «Нового мира», да и некоторых их кремлевско-партийных покровителей очень раздражала патриотическая, почвенническая, традиционалистская направленность публикаций «Молодой гвардии». Они прекрасно понимали, к чему это может привести в идеологическом плане. И они очень испугались того, что восславление русского патриотизма может привести к отстранению их от власти в стране и к восстановлению в русском человеке национальных чувств, национального сознания. А это для них было просто недопустимо, смерти подобно, не для того они разрушали Российскую империю с ее гордостью великороссов, чтобы теперь так легко сдаваться каким-то «русопятским» почвенникам. Против «Молодой гвардии» начались прямые выпады на страницах «Нового мира», обвиняющие ее авторов в отступлении от завоеваний Октябрьской революции, в увлечении патриархальщиной, деревенщиной, в игнорировании этого самого пролетарского интернационализма. Доносы и сигналы поступали и в идеологический отдел ЦК партии.

В конце концов эти деятели решили нанести теоретический удар по русскому направлению, нарождавшемуся в советской литературе. Критик Александр Дементьев, который в прошлом работал в «Новом мире» и был постоянным его автором, выступил в апрельской книжке «Нового мира» за 1969 год со статьей «О традициях и народности». В своей статье он изложил эти либеральные опасения по поводу слишком пристального интереса авторов «Молодой гвардии» к национальным традициям, к национальной культуре и ее соотношению с техническим прогрессом, к чертам национального характера, сформированным природными и историческими условиями, высказался об их якобы «узко национальном» отношении к Родине — большой и малой, к интеллигенции и народу.

Дементьев и его покровители опасались, что эти общественные настроения будут использованы возрождающимися русскими националистами. Это была, по сути, первая попытка характеристики позиции «Молодой гвардии» как органа определенного направления общественной мысли. Дементьев, по словам Солженицына, пошел тараном на «Молодую гвардию». А заканчивал он свою статью цитатой из программы партии, утверждавшей обязанность «вести непримиримую борьбу против проявлений и пережитков всякого национализма и шовинизма». То есть это был такой открытый, официальный донос на людей, заговоривших о своей русскости. И Твардовский статью Дементьева подписал в печать.

В ответ на эту хамскую публикацию 11 русских писателей, авторов «Молодой гвардии», среди которых были А. Иванов, М.Алексеев, С.Викулов, П.Проскурин и другие, опубликовали в журнале «Огонёк» письмо под названием «Против чего выступает «Новый мир»?». Одиннадцать литераторов обвиняли «Новый мир» в том, что он идёт против «главных духовных ценностей нашего общества», являясь проводником буржуазной идеологии и космополитизма.

Реакция, как обычно это происходит у господ либералов, была истеричная и визгливая. Письмо одиннадцати писателей они назвали «фашиствующим манифестом мужиковствующих». Новомировцев поддержали Симонов и Гранин. Но в поддержку письма русских писателей в «Огонёк» шёл поток писем простых людей со всей страны. Письма эти публиковались в центральных газетах, а копии этих писем отправлялись в «Новый мир» Твардовскому. Даже газета «Правда» выступила на стороне авторов письма, напечатанного в «Огоньке». Как ни странно, но и Солженицын оказался сторонником письма русских писателей, несмотря на то, что сам являлся автором «Нового мира».

В ЦК партии срочно было проведено совещание редакторов, на котором выступил будущий «архитектор перестройки», заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС А.Н. Яковлев, который сказал, что виноваты и те, и другие. Но из опубликованных воспоминаний Яковлева можно сделать вывод о его неприязни к национальной позиции молодогвардейцев и сочувствии к «Новому миру».

Однако партийная верхушка с настороженностью и недоверием относилась ко всякому не санкционированному ею движению. Не могли не реагировать в партийных верхах и на общественный резонанс, вызванный публикациями в «Новом мире» и в «Огоньке». Всё это привело к ряду организа-

ционных мер по отношению к «Русской партии». Было принято специальное постановление ЦК КПСС о журнале «Молодая гвардия» (почему-то засекреченное по сей день). Журналу вменялось в вину отступление от ленинских принципов партийности, внеклассовое, внесоциальное толкование народности, идеализация дореволюционной России и т.д. В 1970 году А. В. Никонов был снят с поста главного редактора, произошли увольнения в редколлегии журнала «Наш современник» и в ряде редакционных советов изданий, подконтрольных национал-патриотам. В том же году пришлось и Твардовскому по настоянию партийных верхов уйти из «Нового мира», редакция которого была расформирована. То есть власть наказала и тех и других: мол, нечего вам тут без нашего разрешения обсуждать столь важные проблемы. Мы лучше вас знаем, что делать и что говорить народу. Вот эта двойственная позиция партийных верхов в конце концов и сгубила партию.

В 1972 году в «Литературной газете» с большой критической статьей, называвшейся «Против антиисторизма», выступил уже сам Яковлев. В своей статье он открыто встал на сторону позиции Дементьева и «Нового мира» и обрушился с критикой на русское национальное направление журналов «Молодая гвардия» и «Наш современник». Но вылез он не вовремя, поспешил. Тогда еще партия не была готова к либеральному перевороту, и он был снят со всех своих партийных постов и отправлен послом в Канаду, откуда в конце концов вернулся уже полностью подготовленным к своей работе по разрушению Советского Союза.

После Никонова главным редактором «Молодой гвардии» был назначен критик Феликс Овчаренко, но он пробыл на этой должности недолго, полтора года, и неожиданно умер. И главным стал заместитель Никонова, уже к тому времени известный писатель, подписавший то самое письмо 11-ти в «Огоньке», Анатолий Иванов, автор книг «Вечный зов» и «Тени исчезают в полдень». Анатолий Иванов продолжил национально-патриотическую линию журнала. Все лучшие литературные силы русского направления вновь потянулись к «Молодой гвардии».

Правда, тут нельзя не вспомнить о еще одной волне идеологических репрессий, произошедших в 60-е и 70-е годы. Достаточно сказать о судьбе уже ушедшего из жизни русского писателя Леонида Бородина. В 1968 году он был арестован и осужден на 6 лет как член Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа (ВСХСОН). Вместе с ним были осуждены и все остальные участники этого Союза. Освободился он в 1973 году.

В 70-е годы начал выходить рукописный журнал «Вече», который издавал В.Н. Осипов. Среди авторов этого журнала были Илья Глазунов, Сергей Семанов, Вадим Кожин, Алексей Марков, Геннадий Шиманов, Леонид Бородин и др. Несмотря на то, что журнал вообще не касался политики, а говорил только о русской истории, культуре, наших культурных традициях, КГБ во главе с Андроповым журнал разгромил, а против его авторов было заведено уголовное дело. Журнал был признан судом антисоветским и славянофильским. Издатель журнала Вл. Осипов был осужден и приговорен к 8 годам лагерей, а Сергей Семанов был уволен с должности главного редактора журнала «Человек и закон». После освобождения из мордовских лагерей В.Осипов стал выпускать другой рукописный журнал такого же плана под названием «Земля». Первый номер вышел в 1987 году, всего было выпущено 10 номеров. С 1988 года В.Осипов уже активно ушел в политику и создал организацию под названием «Союз христианского возрождения», которая действует по сей день.

В конце 80-х, во времена т.н. гласности и перестройки, за интерес к русской культуре уже не сажали и тем более не расстреливали. Об этом уже можно было писать открыто и без последствий. Литературная критика и публицистика того времени стали самым востребованным чтением среди широких слоев нашего народа. Тиражи русских журналов тогда достигли своего апогея. В «Молодой гвардии» печатались самые острые, самые откровенные статьи, в том числе раскрывающие сущность и преступления сионизма. В конце 80-х годов я опубликовал в этом журнале несколько своих литературно-критических статей и в начале 1990 года был приглашен в этот журнал на работу — заведующим отделом критики, несмотря на то, что имел к тому времени несколько изданных поэтических книг, то тесть меня знали в основном как поэта.

Я принялся расчищать «авгиевы» завалы материалов отдела критики после уволенного за безделье А.Фоменко. И наткнулся на статью поэта Ивана Лысцова «Убийство Есенина», поступившую в отдел еще два года назад. В ней подробно, откровенно и доказательно говорилось о том, кто травил, преследовал и кто в прямом смысле убил великого русского поэта. Я отредактировал статью и подготовил ее для печати. Анатолий Иванов меня сразу же поддержал и даже попросил написать послесловие от редакции, в котором мы обращались к МВД и КГБ СССР с предложением нового, объективного расследования обстоятельств гибели С. Есенина. В том же 1990 году статья была опубликована, однако,

естественно, никакого нового расследования, согласно нашему обращению, со стороны властей не последовало. Более того, т.н. «перестроечная» пресса обрушилась на журнал и на автора, И.Лысцова, с обвинениями в домыслах и клевете. Тем не менее это была первая в советской печати публикация, в которой опровергалось самоубийство Есенина. (В 1994 году Иван Лысцов погиб при невыясненных обстоятельствах.)

Я стал активно привлекать известных русских авторов патриотического направления к сотрудничеству с журналом. Это было время надежд на изменения к лучшему в стране, а журнал возбуждал огромный интерес у читателей, пользовался спросом сотен тысяч наших людей. Авторами журнала стали сильнейшие на то время русские критики и публицисты: Аполлон Кузьмин, Михаил Лобанов, Галина Литвинова, Татьяна Глушкова, Всеволод Сахаров, Михаил Лемешев, Олег Платонов, Владимир Юдин, Виталий Канашкин, Юрий Власов, Владимир Васильев, Марк Любомудров, Эдуард Володин и даже Вадим Кожин, хотя вскоре он переключился на «Наш современник», куда главным редактором пришел Станислав Куняев.

В том же году я начал публикацию в журнале статей А.Кузьмича (Анатолия Кузьмича Цикунова), которые произвели ошеломляющее впечатление раскрытием тайных планов международной мафии в отношении России, пророческим трагизмом, глубиной и ясностью мышления и своей документированностью. Его статьи ставились в номер без промедления. «Рынок России в свете нового законодательства», «Хлебная карточка или петля на шее», «Почему финансы не поют романсы», «Как нас грабят ценами» и другие — били в цель одна за другой, как тяжёлая артиллерия, и вызвали настоящий шок у архитекторов и прорабов катастрофы. Их ждали, они перечитывались и перепечатывались в других изданиях — в газетах «Русский Вестник», «Воскресение», «Домострой» и т.д. Эти материалы, конечно, уже не могли остановить набравший силу разрушительный поток, но их автор стал крайне опасен предателям, находившимся у власти в стране. Во время командировки в Нижневартовск 20 мая 1991 года он был найден в гостиничном номере мертвым.

В первом номере «МГ» за 1991 год я напечатал свою статью «О лжепоэтах и русской поэзии», вызвавшую громкий резонанс. Статья эта, с одной стороны, поднимала на щит, открывала талантливых, но малоизвестных в то время русских поэтов, а с другой — низвергала с поэтического олимпа баснословно раскрученных кумиров советской поэзии, которым поклонялись миллионы читателей: Евтушенко, Воз-

несенского и Ахмадулину. Журнал Юность», «Независимая газета», «Московский комсомолец» злобно огрызнулись, а так называемая «либерально-демократическая общественность», насквозь антисоветская и русофобская, четко приметила и взяла на заметку автора статьи... Журнал наш явно действовал ей на нервы.

В 1991 году Анатолий Иванов попросил меня помимо отдела критики временно возглавить и отдел публицистики. Но, как известно, всё временное неизбежно становится постоянным. Отделом публицистики «Молодой гвардии» я заведовал до 1999 года, когда стал заместителем главного редактора.

И вот наступил август 1991 года. В начале месяца подписчики и читатели получили №8 «МГ», где стояла моя статья «Откройте глаза!!!» (тогда же она вышла в «Русском Вестнике»), в которой давался анализ жуткой моральной и экономической ситуации в стране и были предсказаны события ближайших лет. Как говорили мне знакомые, этот номер они прятали от посторонних глаз, чтобы, не дай Бог, кто-то не донёс на них в следственные органы как на читателей «антиперестроечной» прессы...

Утром 19-го я собирался на работу в редакцию. И вдруг по радио услышал сообщение о введении в стране чрезвычайного положения, о вводе военной техники в Москву и об отстранении М.Горбачева от должности президента. Сердце мое радостно встрепенулось: «Слава Богу!..» Казалось, что теперь-то горбачевский бардак будет остановлен.

В редакции «Молодой гвардии» в тот день все мы пребывали в приподнятом настроении и ожидали ареста Ельцина. Однако прошел первый день ГКЧП, истекла смутная, полная больших ожиданий ночь, но ничего не происходило. На следующий день толпы ельциноидов полезли на танки и бэтээры, бесцельно стоявшие в центре столицы. Я был там и видел это своими глазами. Вот тут в меня закралось сомнение в происходящем. А когда эти же толпы стали собираться у Белого дома и перед ними развязно и самоуверенно выступил пьяный Ельцин, окруженный своими еврейскими прихлебателями, я понял, что всё рухнуло, что гэкачеписты ни на что не способны. Вечером 21-го они были арестованы.

Помню состояние жуткой душевной подавленности и безысходности. Уже в тот день мне было ясно, что прежней стране пришел конец. Такое же состояние испытывали почти все мои знакомые и тысячи патриотов по всей России. А жулики, подонки, русофобы и все аферисты, объединенные одним названием «демократы», нагло и вызывающе праздновали свою пиррову победу.

Нашему журналу со всех сторон посыпались угрозы, в том числе и с экрана ТВ. Кто-то из соседних еврейских изданий нашей 20-этажки прилепил на стене редакции «МГ» листовку с требованием убираться из здания подобру-поздорову. (В ближайšie несколько лет они сами все позакрывались и разбежались по экономическим причинам.) Анатолий Иванов вызвал меня к себе и поручил подготовить материал с ответом на эти угрозы и с объяснением произошедшего в стране нашим читателям. Буквально за один день я написал статью «Ответ погромщикам», которая тут же была поставлена в ближайший номер.

Всеобщий хаос, хозяйственный развал и разрушение государства, описанные в статье «Откройте глаза!!!», после спланированного августовского государственного переворота уже были видны и понятны всем, способным видеть и думать. Наш журнал в каждом номере публиковал жёсткие, прямые публицистические статьи, разоблачавшие вражеские силы, захватившие власть в стране. «Молодая гвардия» стала одним из главных форпостов борьбы за Россию с распоясавшейся русофобско-демократической эпидемией.

Каждый номер «Молодой гвардии» был как глоток свежего воздуха для русского читателя-патриота. А для разрушителей и врагов страны каждый номер был все эти годы как настоящая бомба. Просматриваешь материалы, публиковавшиеся в них в начале 90-х годов, и видишь, как фактически на всех стоит печать трагизма. Это состояние не могло длиться бесконечно, безысходно, что-то должно было произойти, какие-то действия должны были прорваться сквозь накопившиеся внутри русских людей обиды, злость и проклятья к лжецам и наделенным властью проходимцам. Русское восстание вызревало и в сентябре 1993 года прорвалось в центре Москвы, на Красной Пресне. Вслед за восставшим Верховным Советом восстал народ.

Все эти двенадцать дней противостояния с ельцинско-гайдаровской нелюдью я находился у Дома Советов. Я был и свидетелем и участником этой великой, хоть и неудавшейся русской революции. Затем, после расстрела Белого Дома, всё, что я видел и знал, всё, что пережил и о чем думал в эти дни, я описал в двух статьях: «Москва, кровью умытая» и «Ритмы расстрела», которые вышли к читателям в «Молодой гвардии». Затем в течение целого года мы в каждом номере давали статьи, очерки, письма, стихи, рассказы под рубрикой «Чёрный октябрь».

После событий 3—4 октября над русской прессой вновь нависла опасность разгрома. С экрана ТВ т.н. «демократы» с

перекошенными от злобы лицами требовали «раздавить гадину» и ликвидировать патриотические газеты и журналы. С аналогичным обращением к Ельцину они же выступили в газете «Известия». Под этим расстрельным письмом стояли сорок две известные фамилии. Многие русские газеты действительно были закрыты.

Однако русская печать не дрогнула, более того — она стала еще смелее и прямее. Все вещи и всех мерзавцев она еще упорнее стала называть своими именами, несмотря на оскорбления, угрозы, доносы, провокации и прямые воздействия наших идейных врагов и русофобов. Переходя из номера в номер, в «МГ» печатались совершенно уникальные для своего времени произведения, приковывавшие внимание многих тысяч русских людей, — духоподъемные работы митрополита Иоанна (Снычева), документальные повествования Николая Кузьмина «Возмездие» и «Чёрные тюльпаны перестройки», главы романа Владимира Успенского «Тайный советник вождя», яркие литературные портреты современников, созданные Владимиром Цыбиным, Феликсом Чуевым, Станиславом Золотцевым, хлесткие публицистические статьи Валентина Распутина, Эдуарда Володина, Анатолия Ланщикова, Николая Федя, Эдуарда Хлысталова, Виктора Илюхина, Николая Коняева, Сергея Семанова, Юрия Воробьевского, Михаила Антонова и многих других известных русских писателей. Это была истинная Гвардия лучших представителей народа, сражавшаяся на переднем фронте с коварным и жестоким противником.

1999 год стал для коллектива нашей редакции в прямом смысле трагическим. В мае не стало А.С. Иванова, а в октябре ушел из жизни заменивший его А.А. Кротов. Этот тяжелый моральный удар мог переломить направление и всю работу журнала. Нужно было брать груз ответственности на себя, чтобы сохранить влияние «Молодой гвардии» на общественное сознание России и не потерять связи с нашими испытанными, авторитетными авторами, чтобы не уронить высокой планки профессионализма в творческой и редакторской работе журнала.

Финансовое положение журнала к тому времени стало очень трудным. Денег от подписки уже не хватало на выпуск ежемесячных номеров, на выплату зарплаты, за аренду кабинетов и коммунальные услуги. Мы, новое руководство, вынуждены были пойти на кардинальные действия и серьезные изменения в работе, потому что иначе журнал прекратил бы свое существование. Пришлось отказаться от выплаты гонимых, пришлось приступить к выпуску сдвоенных но-

меров, пришлось ужаться до минимума, оставив редакции лишь два кабинета на этаже, который мы занимали, ну и, само собой, пришлось сократить рабочий коллектив. Это дало нам возможность устоять, не рассыпаться в удушающей атмосфере того экономического и морального гнёта, при котором нас в прямом и в переносном смысле очень хотели задуть. Погубить журнал нашим недругам не удалось. И самое главное, мы удержали поднятый вес национального издания, мы не отступили ни на шаг от ранее выбранного пути. А наши авторы, нужно отдать им должное, не отвернулись от нас, с пониманием отнеслись к проблемам журнала и продолжили сотрудничество с нами.

Прошедшие с тех пор годы стали временем невероятных жизненных и нравственных испытаний для нашего народа, для страны и для русского национального движения. Журнал наш ни разу не дрогнул, не поступился верностью русским интересам и не пошел на службу олигархической власти, как бы нам ни было трудно все эти годы.

В 2009 году я стал главным редактором боевого и ставшего мне родным патриотического журнала, сохранившего традиции русской классической литературы.

Журнал наш живёт, с прежней энергией борется с фальшью и пошлостью псевдокультурных дельцов и с подлостью русофобствующей «пятой колонны». Но главная задача русского национально-патриотического журнала — в каждом номере давать материалы, раскрывающие правду нашей великой истории и показывающие реальную действительность нашего времени как в художественной форме, так и в общественном звучании.

Свой удивительный юбилей «Молодая гвардия» отмечает с прежней уверенностью в правоте своего дела.

Сердечно поздравляю читателей, авторов и друзей «Молодой гвардии» с почти вековым юбилеем!

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
ПРАВЛЕНИЕ

Дорогие «молодогвардейцы»!

Ваш журнал — одно из наиболее значительных явлений не только русской литературы, но и отечественной истории. Вместе с такими легендарными авторами журнала, как Михаил Шолохов и Леонид Леонов, Юрий Бондарев и Михаил Лобанов, Петр Проскурин и Анатолий Иванов, Владимир Солоухин и Николай Рубцов страна наша обретала высокие духовные смыслы, а народ наш укреплял основы своей национальной жизни.

Особую роль в пробуждении русского национального самосознания журнал сыграл в 60-е — 80-е годы прошлого века, когда его возглавляли Анатолий Никонов и Анатолий Иванов.

В последующие десятилетия, ознаменованные, к сожалению, также и многими потерями, «Молодая гвардия» не только выстояла, но и сохранила свои созидательные традиции. Журнал продолжает собирать на своих страницах многие наиболее значимые литературные имена. Проза, поэзия и публицистика «Молодой гвардии» — это ценнейший духовный клад нашего времени, поистине золотой фонд современной культуры и русского мировоззрения.

От всей души поздравляю редакцию журнала «Молодая гвардия», всех ее авторов и читателей с 95-летием!

Желаю журналу и впредь оставаться одним из наиболее значимых, смелых и ярких литературных изданий.

**Председатель Союза писателей России,
Заместитель Главы
Всемирного Русского Народного Собора**

В.Н. ГАНИЧЕВ

ДАЛЁКОЕ СЧАСТЬЕ

Детство и юность — это детство и молодость писателя, возраст неповторимый, неуправляемый. Не управляемый, так сказать, ни солнцем, ни луной, ни весенним воздухом.

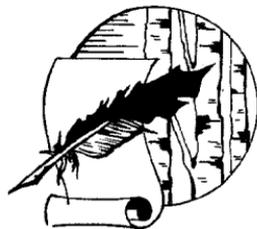
...Я не раз был поражён неустанной силой, дерзостью Некрасова, его песнями, в которых в неожиданном затишь сельского сказания слышал впервые не только степные анекдоты, легко запоминаемые, а истории с задумкой. И лишь потом понял, как это пригodiлось в моей профессии — под открытым небом, где были самые близкие слушатели, в шинелях, жадные до песен, до плача, до пляски, до отчаянной любви.

И я хочу понять и вспомнить те годы, когда — не в сновидениях! — мы выпускали совсем молодых из нагульников и говорили им: «Счастья вам!»

С 95-летием всех вас, молодогвардейцев!

Я с вами.

Юрий БОНДАРЕВ

Виктор КОЧЕТКОВ

Виктор Иванович Кочетков родился 24 октября 1923 года в старинном селе Балахоновка Самарской губернии в семье потомственных крестьян. В 1940 году начал работать учителем математики в своей школе. В 1941 году ушёл добровольцем на фронт. В 1942-м попал в окружение и в плен под Харьковом. Затем — побег и штрафбат. После войны был реабилитирован, но как побывавший в плену не смог поступить в МГУ.

Переехав в Кишинев, закончил КГУ и ко времени его окончания уже был известным поэтом. В 1960 году переехал в Саратов, работал в журнале «Волга», затем перебрался в Москву и работал в журнале «Наш современник» на различных должностях.

Автор более десятка книг стихотворений и переводов. Среди них: «Тепло земли» (1973), «Отзывается сердце» (1975), «Моё время» (1980), «Крик ночной птицы» (1981), «Весть» (1988), «Былинка в поле» (1995), «Прощание с Волгой» (1997) и др.

Умер 14 октября 2001 г. в Москве.

ХЛЕБ ВОЙНЫ

ВЕСТЬ

«Поэзия — весть», — утверждает Овидий.
Судьбою приказано мне
Быть вестником тех корпусов и дивизий,
Что в Вечном сгорели огне.

Я — воин, которого шлют Фермопилы,
Чтоб знали во все времена,
Какую огромной ценою купила
Победу родная страна.

Грядущему весть я несу из былого
О тех, кто не может прийти.
Мне надо сказать их заветное слово,
Чтоб право на смерть обрести.

ПОТОМКИ ПОТОКА

Как жизнь посмеялась над нами жестоко
Удачи не будет, проси не проси.
Мы реки без устья, потомки потока,
Который когда-то шумел на Руси.

Когда-то могучей державы осколки,
Разметаны мы по унылой стране.
Не мужество властвует нами, а толки,
Пугливые толки о завтрашнем дне.

Мы ныне живём от подачи к подачке,
Мы ищем теперь, у кого бы занять.
Не битвы ведём, а решаем задачи —
Как больший процент из рубля выгонять.

И Западный ветер и ветер Востока
Деды одолели, а мы слабаки.
Мы мёртвые русла — потомки потока,
Великой и славной славянской реки.

Зерно на исходе. Осталась полова.
Да жалкие сметки остались на дне.
Победы былого и славу былого —
Всё нынче спускают по сходной цене.

Нас немощь и старость согнули до срока.
Нам ранний снежок обсыпает виски.
Мы птицы без неба, потомки потока,
Который зыбучие съели пески.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я иду молодой и тверёзый,
С непокрытой иду головой.
Пахнет берегом, пахнет берёзой,
Пахнет мокрой лесною травой.

Я дорожкой иду полевою,
Коноплянка токует во ржи.

И над белой моей головою
Потревоженно вьются стрижи.

И вечерняя хмарь над овсами
Всё густеет, дорогу темня.
И отец с молодыми усами
Из-за тына глядит на меня.

Я уже возле дома родного
На шешминском родном берегу.
С губ обветренных просится слово,
А сказать ничего не могу.

Вход досками закрыт кресторуко,
А из окон глядит темнота.
Ни единого слова, ни звука
Не могу протолкнуть изо рта.

* * *

В лесной стороне ленинградской,
На хуторе русском Стрелец,
В траншее — могиле солдатской —
Навеки уснул мой отец.

Скрипучей январскою ночью
Сюда он с боями пришёл,
Плечистый сержант-пулемётчик,
А в мирные дни — мукомол.

Подкошенный снайперской пулей,
Он пал возле крайней избы...
В бессменном стоят карауле
У светлой ограды дубы.

Над отчей, родной стороною
Весна соловьями звучит,
И кажется: здесь, над землёю,
Отцовское сердце стучит.

* * *

Жаркий полдень. Пыльная дорога.
Сельский храм. Полуоткрыта дверь.
Целый век прожившему без Бога,
Что же мне сказать Ему теперь?

Много ль смысла в запоздалой вере?
Болью сердце стиснуло в груди.
Слышен голос тихий из-за двери:
— Заходи, раб Божий, заходи...

* * *

Белоголовый сип
Летит на свет заката
Над медленной рекой,
Над красною водой...
Вот здесь они лежат,
Ровесники-солдаты, —
За чёрствой и седой
Прибрежную грядой.

Под каменной плитой
Лежат они в посёлке
Средь стынущих берёз,
На глинистом краю.
А те, что их прожгли, —
Железные осколки —
Летят,
 летят,
 летят,
Летят сквозь жизнь мою.

ВНУК ПОЛИТРУКА

Приехал он ко мне издалека,
Малец, видать, решительный и хваткий
Внук друга моего — политрука,
Погибшего в бою под Ольховаткой.

Берёт быка он сразу за рога,
Летит он к цели яростным намётом:
— А правда, роту целую врага
Под Харьковом скосил он пулемётом?

Для паренька те давние года —
Лишь пьедестал загадочному деду.
Он родился в тот самый год, когда
В тридцатый раз отметили Победу.

Он распяляет юные мечты,
Он всё плюсует к той победной дате,
Угадывая дедовы черты
Едва ль не в каждом бронзовом солдате.

Зачем ему подробности войны,
Суровый быт задымленной землянки,
Связного храп, ворчанье старшины,
Болотный запах сохнувшей портянки.

Что для него какой-то третий взвод,
В гнилой трясине дрогнувшей ночами.
Великое не в частностях живёт.
Бессмертное красно не мелочами.

Ты, реализм, сегодня помолчи,
На время я тебя лишаю слова.
Романтики высокие ключи
Пусть бьют из рощи каменной былого.

Пусть встанут вновь окопные друзья,
Изваяны из ярости и муки,
Такие, чтоб немели сыновья,
Такие, чтоб завидовали внуки.

ХЛЕБ ВОЙНЫ

Колючая выцветь морозного дня.
Январь сорок третьего года.
На «тридцатьчетвёрке», в разводах огня,
В Оскол привели мы свободу.

В стремительной сшибке отброшен был враг.
Утихло неистовство грома.
И старый, истыканный пулями флаг
Взметнулся над зданьем райкома.

Продрогшие пленные жались к стенам,
Проход очищая для танков.
И старая женщина вынесла нам
С поклоном ржаную буханку.

И всех нас, любви материнской полна,
Дрожащей рукой осеняла.

На чёрный свой хлеб вместо соли она
Счастливые слёзы роняла.

Бессонною памятью жив человек.
Былое — как минное поле.
Я хлеба того не наемся вовек
С кристаллами жгучими соли.

* * *

Что мне, солдату, осталось
После Второй мировой?
Ночи траншейной усталость,
Холод зари фронтовой.

Памяти тесная полка —
Перебирай до утра.
Ноющий след от осколка
Возле второго ребра.

В мирной толпе разноликой
Рвущее вдруг тишину
Эхо последнего крика
Друга, что пал на Дону.

Тёмная даль перелеска.
Стаи пролётной шнурок.
Солнцем омытый до блеска
Отчего дома порог.

Отсветы волжской излуки,
Месяц над старой вербой...
Горькая мука разлуки
С тяжкой и честной судьбой.

ИЮЛЬ 41-го ГОДА

Нет, вовсе не из уст всеведа-мудреца,
Она из уст солдат, та истина, звучала:
«Чтоб знать, кто победит, не надо ждать конца,
Умеющий судить поймет и по началу».

Пылающий июль. Тридцатый день войны.
Всё глубже, всё наглей фашист вбивает клинья.

В раинах* хуторок на берегу Десны,
Просторные дворы, пропахшие полынью.

Разрывы редких мин. Ружейная пальба.
Надсадный плач детей. Тоскливый рев скотины.
На сотни верст горят созревшие хлеба —
Ни горше, ни страшней не видел я картины.

Не утихает бой за лесом в стороне.
Густеет черный дым над поймою приречной.
И мечется фашист в бушующем огне,
На факел стал похож мешок его заплечный.

Закрыта жаркой мглой последняя изба,
И солнце в этой мгле едва-едва мигает.
На сотни верст горят созревшие хлеба —
Последний страх в себе Россия выжигает.

И плавятся в ночи, как свечи, тополя,
И слышен орлий крик над потрясённой далью.
От Буга до Десны пропитана земля
И кровью, и бедой, и горькой хлебной палью.

Вся впереди еще смертельная борьба —
Москва, и Сталинград, и Курск, и штурм Берлина.
Но тот, кто видел их — горящие хлеба, —
Тот понимал, что Русь вовек необорима.

ПРИ ПОСЕЩЕНИИ ВОИНСКОГО КЛАДБИЩА

Надгробий каменные стелы
Да трепет Вечного огня...
Душа от боли онемела.
О Родина, прости меня.

Прости меня, прости, Россия,
Что я не пал на той войне,
Хоть ветры Дона голосили
В январский полдень и по мне.

* Р а и н ы — тополя (укр.).

А я лежал на поле брани,
На рыхлом мартовском снегу,
От огнестрельной корчась раны,
Лицом к врагу, лицом к врагу.

Вблизи донской деревни Лиски
Я был поземкой заметён
И в убывающие списки
Был старшиною занесён.

На склоне берега покатою
Лежал, впадая в забытьё,
И немец тыкал автоматом
В лицо обмерзлое моё.

Потом по лагерям мотался,
Судьбу горчайшую кляня.
Но уцелел, но жить остался.
О Родина, прости меня.

Прости меня, прости, Отчизна,
Что я сошел на полпути,
Что только кровью, а не жизнью
Я за победу заплатил.

И вот иду, при звуках мерных
Седую голову клоня,
Средь смертных, а не средь бессмертных...
О Родина, прости меня.

* * *

В белой роще птица откричала.
Белый сад забылся кратким сном...
Вот оно, судьбы моей начало—
Низкий дом с калиной под окном.

Старый дом, сосновый пятистеноч,
С тяжким скрипом ходких половиц,
С гулким мраком выстуженных сеноч,
С тонким писком мышек-полевиц.

Я давно знаком здесь с каждой вещью.
Этой жизни я изведаль вкус.

Дедовского посоха наверхше
Приткнуто к дверному косяку.

Печь с высокой задоргой, полати.
Стол дубовый. Флоксы на окне.
О Христе и Понтии Пилате
Пять наклеек старых на стене.

Зеркальце, мигающее слепо,
Да печной заглушки медный круг.
И неистребимый запах хлеба.
Вечный запах материнских рук.

Тонкою провздёрнута струною,
Занавеска выцвела давно.
Горечью полынною, земною
Тянет в приоткрытое окно.

Отчий дом!
Никак не надышусь я
Этим горьким запахом земли.
Бури века, что прошли над Русью,
Выдуть этот запах не смогли.

ИСПОВЕДЬ СЫНА ЗЕМЛИ

Поле рассветное. Скрип дергача.
Шорох берёз над рекой беловойдой.
Как и когда я расторг сгоряча
Это согласие с великой природой?

Где и когда я воскликнул: «Не трусь!
Ты не пылинка, а гвоздь мирозданья»?
Словно Батый покорённую Русь,
Я обложил её тяжкою данью.

Добрым советом, что дал нам Плотин, —
Не переписывать книгу природы —
Я пренебрёг. Я настроил плотин,
Горы пустой понасыпал породы.

Я возомнил себя высшим творцом
В этом воздвигнутом вечностью храме.

Русское поле засеял свинцом,
Русское небо завесил дымами.

Долгим сомненьем себя не томил,
Горьким раздумьем себя не тревожил,
Всё не прямое упрямо спрямил,
Всё непокорное смело стреножил.

Вырубил тысячеверстья тайги,
Тысячекратно умножил ловитвы.
Ныне мы, смертные, с нею враги,
Без передыха ведущие битвы.

Сколько же надо мне было пройти
И обольщений, и бед многократных,
Чтобы победы свои занести
В Красную книгу потерь безвозвратных.

Чтобы вот здесь у весны на краю,
Наедине с вековой тишиною,
Думать горчайшую думу свою,
Мучиться вечной своею виною.

* * *

Ф.Сухову

Героем нашим был не Дюруа, а Данко,
Мы Блока наизусть читали у костра.
Наш говорил комбат: «Из вас ещё «гражданка»
Не выбита, как пыль из старого ковра».

Мы падали от пуль и поднимались в бой мы,
Мы похлебали шей пустых из котелка.
Но так и не смогли нас, как патрон в обойму
Вогнать в безликий строй пехотного полка.

Всё время нам с тобой чего-то не хватало
В привычных для военного азах.
То блеска в сапогах, то в голосе металла,
То выучки в восторженных глазах.

Давным-давно уже мы возвратились с фронта,
Под вражеским огнём отползав по земле.

Уже который год весёлым топором ты
За домом строишь дом в саратовском селе.

Как будто мимо нас летят событий стаи,
Где верх теперь берут говоруны.
Ни к левым не пришли,
Ни к правым не пристали,
Окопной нашей юности верны.

Когда по всей стране идут на стенку стенка,
Мы памятью спешим в солдатское вчера.
Нам нынче говорят: «Из вас ещё «военка»
Не выбита, как пыль из старого ковра».

ПОСЛУШАНИЕ ВО СЛАВУ

РОМАН

15

Без него в Свибле ничего сильно не изменилось, да и не могло. Лишь прибавилось несколько пролётов ограды вокруг храма, оштукатурили ещё одну колонну внутри. И будто сам собой возник вопрос: разбирать в скором времени леса или нет. Всё зависело от того, будут расписывать храм или обойдутся побелкой. Если на роспись пока нет ни денег, ни времени, то надо белить стены и думать о настилке пола. В конце концов, так и решили, хотя Елисея это не очень радовало. Ведь что такое расписанный храм? Это — единая по стилистике художественная картина с несколькими сюжетными линиями, передающая эпизоды церковной жизни. Из этих картин издревле складывалось общее восприятие внутреннего убранства храма: необычное для малопосвящённых, и привычное, родное — для воцерковлённых прихожан. Для них это родной дом, где они были детьми Божьими. В век электроники никого не удивишь цветными доступными картинками — они в каждом доме в нескольких видах, но

Окончание. Начало в №4 за 2017 г.

ПРОЗА

что чувствовал человек век тому назад, приходя в храм из отдалённой деревни, где в избах под божницей лишь по праздникам горела лампадка, а на стене чадила лучина, теперь и представить трудно. Приходил, если это было лето, из экономии босиком, и лишь перед храмом обувался. В ту пору душа такого прихожанина, надо думать, воспринимала убранство храмов как нечто недостижимое, которое может быть только в таком Божественном месте, и нигде более. Во все века храм был доступной картинной галереей, но со временем ловкие торговые люди научились получать выгоду от работ художников, устраивая выставки за пределами храмов, на которые простому человеку было не попасть. А в храме — пожалуй-ста: смотри и радуйся, сопереживай, надейся.

Все эти отвлечённые проблемы и вопросы проходили для Елисея будто бы стороной, издалека. Коснутся, заставят сосредоточиться — и будто нет их. Зато иная мысль о Елене, о поездке во Владыкино жила постоянно, и он не знал, как долго она будет терзать, прекрасно понимая, что подобные мысли бесплодны, ничего иного, кроме разрушающих чувств, не приносящие душе. Но и совсем не думать о поездке было выше сил. Лишь заботы о храме отвлекали. В эти иссушающие дни он усерднее молился и помогал рабочим, находя в совместном с ними труде успокоение душе.

В какой-то момент он понял, что его собственные усилия и не нужны особенно-то, казалось, всё завершится само собой. Ему надо думать о другом: как всё окончательно организовать, свести воедино. Он вспомнил о певчих. Их необходимо готовить заранее, чтобы они знали ход богослужений, чтобы имелось у них полное творческое единение со священником, чтобы в недалёком будущем они составили обряд с ним ансамбль, а для этого необходимо распisać голоса на все праздничные и заупокойные молитвы. По учёбе в семинарии Елисей помнил, участвуя в богослужениях псаломщиков, насколько это трудно. Иного человека и за год не подготовишь. И если с колоколами, плохо ли, хорошо ли, но есть некая ясность и уверенность в том, что они заработают в нужный момент по-настоящему, то с певчими ситуация создавалась тревожная. Как-то спросил у Варвары, может, она имеет в виду кого-то на эту роль, но та лишь отрицательно мотнула головой:

— Да откуда у нас такие... Не из музыкальной же школы приглашать!

О музыкальной школе Варвара сказала вроде бы несерьёзно, но Елисей буквально ухватился за её слова, как за соломинку.

— Варвара, какая же ты молодец! Что же я ранее-то не подумал об этом. Да и во Дворце культуры, думаю, имеется художественная самодеятельность! Два-три голоса — и пожалуйста, клирос не пустой.

— В Свибле есть одна старушка, она всю жизнь псалтырь читала и в слободской церкви стояла на клиросе, — загадочно произнесла староста.

— Что же ты ранее-то молчала, садовая голова?!

— Почему же, как-то упоминала её в самом начале, когда вы только приехали, — это бабушка Жаворонкова. Ну, та, что десять тысяч на храм пожертвовала. Она, конечно, в возрасте, сама-то давно не поёт, но подсказать, подучить — это ей наверняка по силам. У неё и ноты песнопений, знаю, сохранились. Только согласится ли?

— Согласится. Как не согласиться помочь нашему храму. Тем более что она такая преданная. Как, кстати, её звать-величать?

— Мария Петровна Жаворонкова она.

— Вот и прекрасно. А вообще-то было бы неплохо, если ты лично встретишься с ней — всё-таки знакомый человек. А я бы навёл справки в музыкальной школе, где, уверен, найдутся желающие. Или мне самому сходить к Жаворонковой?

— Не надо пока, сама с ней поговорю, подготовлю.

После такого разговора, загоревшись возможностью привлечь певцов, Елисей сразу отправился к директору музыкальной школы. Ведь он лучше знает возможности своих преподавателей, их устремления. Спросив у вахтёра, как пройти к директору, Елисей поднялся на второй этаж, постучался в дверь с табличкой. Услышав возглас «Войдите» — прошёл и увидел почтительно поднявшегося навстречу коренастого, подвижного мужчину средних лет, внешне похожего на Михаила из Владыкина, почтительно подавшего руку и отрекомендовавшегося:

— Владимир Владимирович.

Елисей тоже представился, назвав себя и свою церковную должность, услышал в ответ:

— Наслышан-наслышан о вашей деятельности, отец Елисей, наслышан! Очень рад, рад, очень рад — наконец-то в Свибле появится действующий храм. Рад, очень рад, что расширяется культурное поле.

Директор говорил суетливой скороговоркой, повторяя слова, словно суетой и подвижностью придавал им особую значимость, хотя происходило это у него непроизвольно. Елисей знал, что он служил десантником-спецназовцем, поэтому не стал затягивать с вопросом, сразу напористо высказал суть визита:

— Владимир Владимирович, очень рад вашему отношению к храму, поэтому не буду нести околесицу, а сразу объясню суть визита, чтобы не отнимать времени. А суть такова: рано или поздно храм будет освящён, начнутся службы, а какая служба без молитвенных песнопений. Не вам говорить, как подобные песнопения радуют прихожан и придают богослужениям возвышенность, помогают духовному наполнению и проявлению чувств. У вас, я знаю, есть хор, есть преподаватели с музыкальным образованием, поэтому вы лучше знаете, кто склонен к религии, кто готов взять на себя почётную миссию служения церкви и помощи нашим прихожанам. Естественно, что эта работа — а это тяжёлая работа! — будет оплачиваться. Поговорите с такими людьми, вдруг, кого-то из них заинтересует это предложение!

— Обязательно, отец Елисей, обязательно поговорю. О результатах обязательно доложу, и долго ждать не заставлю. Обязательно!

— Прекрасно. Буду надеяться на положительный результат. Вот моя визитка — звоните!

— Обязательно, обязательно — в любом случае.

Елисей распрощался с суетливым директором, вышел на улицу, подумал: «Какой отзывчивый человек, как приятно с ним говорить. Ведь и говорили-то две минуты, а он весь как на ладони. Пусть даже ничего не получится из общей с ним затеи, но ведь не стал чваниться, показывать себя недоступным чинушей! Эх, все бы были такими!»

Решив разделаться с вопросом о певчих, Елисей, отправившись далее по центральной улице, решив заодно наведаться во Дворец культуры, где недавно участвовал в живой и искренней встрече, даже не испорченную выкриками местного всезнайки. Хотя час был не самый удобный и в ДК почти никого не было, но директора — строгую женщину с причёской, крашенной в цвет спелых каштанов и увенчанной старомодным пучком, всё-таки обнаружил. Коротко изложил суть визита, сказав, что в их хоре есть очень сильные голоса. Подыграл, конечно, но по тому, как она сердито отвечала, понял, что вряд ли выгорит что-то определённое. Скорее всего, ничего не скажет своим хористкам, чтобы не отвлекать их, а если и скажет, то что-нибудь не так и не то. Поэтому, объяснив суть визита и попросив о содействии, торопливо распрощавшись с директрисой, Елисей вспомнил о Варваре, решил ещё раз попросить её, как знающую местных жителей, навести справки о хористках и самой доверительно поговорить с теми, с кем считает нужным, постараться убедить их и заинтересовать.

Елисей хотел было вернуться в храм и обо всём этом поговорить с Варварой, а глядь, она сама чуть ли не бежит навстречу, и сразу с воплями:

— Ой, батюшка, беда! Большая беда!

— Что случилось? Что? Говори, садовая голова!

— Да как же. Николай-то ваш Зельцов, сатинская душонка, в храм пса привёл!

— Какой он мой! И как это — «привёл»?

— Натурально. Зашёл к строителям узнать, когда откроют храм, и кобелька за собой на цепке притащил! Что же теперь будет?!

— И где Николай-то теперь?

— Строители прогнали. Геннадий сказал ему, что если ещё раз увидит около храма — ноги повыдергает! Ну и что теперь делать-то? Ведь вы и храм освящали малым чином, и купол-то с крестом освящали!

— Это так, но сам-то храм пока в ожидании. Но мы всё равно обнесём его иконой.

— Ранее-то, сказывали, в таких случаях ходили Крестным ходом!

— Ну а мы пока обойдёмся молебном. Вот соберутся прихожане, и совершим это благое дело. Не переживай. У меня к тебе есть другая забота: поговори с участниками городского хора — ведь наверняка знаешь кого-то из них, спроси, есть ли желающие петь в храме. Прежде всего, поговори с теми, кто постарше.

— Поговорить-то поговорю, может, и подскажут что-то дельное. Хотя одна такая есть в нашей общине, Наташка Родионова. Она всю жизнь в художественной самодеятельности заводилой была. Даже на баяне играла! Думаю, будет не против!

— Это хорошо, что баянистка. Значит, нотную грамоту знает.

— Да она и без нот может играть.

— Играть-то в храме не надо, а знание нот пригодится в песнопениях. Да и, помимо всего прочего, надо поговорить с бабушкой Жаворонковой, спросить, согласна ли она будет помочь певчим.

— Конечно, поговорю, батюшка! Мы же договорились. Понятно, что надо всё заранее предусмотреть. А чтобы не откладывать этого дела, прямо сейчас и схожу!

— Вот и правильно! — согласился Елисей и осенил её крестным знаменем, как послушную девочку.

Расставшись со старостой, Елисей пошёл к храму и вдруг увидел мотающуюся из стороны в сторону седоватую соба-

чонку с обвисшими ушами, а рядом с ней Зельцова. И сразу захотелось всё высказать, что думал о нём в последнее время, и не только в последнее, но в очередной раз сдержался, заставил себя не обращать на него внимания, а тем более укорять и стыдить. Лишь перекрестился и прошептал, проходя мимо:

— Помоги ему, Господи!

16

Два дня у Зельцова не проходила обида на Варвару, опозорившую перед людьми. Да и ладно бы заслуженно, а то ведь навет с её стороны получился. А ещё старостой считается, церковным человеком. Должна быть справедливой, всем примером давать, а она напраслину гонит. Хотя услышал-то эту напраслину Николай не от неё самой, а от собственной жены, где-то переговорившей с Варварой и теперь всячески досаждавшей. И хорошо ещё, что лишь дома грызёт и позорит, не выноса склоку на улицу. Так прямо и сказала, словно навсегда рвала все отношения:

— Я хотя и защищала тебя всегда, а в этот раз не подумаю. Чем больше о тебе заботаешься, тем ты становишься нахальнее. Догадался, Байкала в храм привёл! Вот спасибо — хорошая новость! И чего ты всё вокруг храма-то болтаешься без причины, людям мешаешь работать?!

— Сама же послала, когда узнала, что у батюшки можно деньги сшибить!

— Не выдумывай! Ты уж какой раз ходишь «сшибаешь», только что-то денег не видно! Что молчишь? Опростоволочился — погнажи впереди собственного позора. Всё ведь о тебе известно, как ни скрывай! — наседали она и наседали, а Николай не знал, чем ответить, хоть немного защитить себя, — слова вставить не давала.

И ладно бы высказала разок и успокоилась. А то в обед начала, а вечером, когда вернулась с работы, продолжила терзучить. Чуть чего, сразу о собаке вспоминает. Словно говорить более не о чем. Даже дочь настроила против. Потом и внучку. А вот зять, конечно, молодец: молчит и посмеивается втихую. Потому что по-настоящему нельзя: тогда и ему достанется на орехи, как частенько доставалось.

Поэтому и Николай стал молчать, по опыту зная, что спорить с Елизаветой бесполезно, даже если она и не права. Было время — спорил, когда моложе был и зарплату солидную приносил. А как вышел на пенсию, то вроде и существовать перестал. Жена с утра насуёт заданий и отправляется в администрацию бумажки переключать — вот и вся её работа. А уж такой уставшей придёт — тарелку за собой не помое. Вся

и забота, что стирать. А что — это самое любимое занятие. Запустит машинку — и на диван, да так грохнется и окончательно придавит его телесами, что все пружины того и гляди до потолка повывскакивают. И слова поперёк не скажи, что, мол, бездельничает. Как же: при деле — стирает. А он-то знает, какое её дело — десять раз выспаться можно, пока машинка жужжит. Николай в такие моменты мимо ходит, злится до невозможности. И на машинку, и на Елизавету. Злится, а сделать ничего не может.

Вот и сегодня та же картина: поужинала и стирать принялась. И все ни гугу. А он и тем более, хотя хочется спокойно поговорить и доказать, что нет его вины в недавнем происшествии. Неосторожность — есть, неосмотрительность — в наличии, но только не злой умысел. Он и сам не думал, что всё так получится. И чем закончится. Если бы Елизавета знала, то молчала бы, не совала нос, куда не просят. А то умная нашлась: «Пса в храм привёл!» Что, специально его завёл? Голова-то пока имеется на плечах. Конечно, у добрых хозяев собаки не срываются с ошейника, ну а если сорвалась, если хозяйева разгильдяи, то что тогда: казнить их прилюдно?

Николай переживал, ругался сам на себя и не знал, как объяснить происшествие, и если жене что-то пытаться втолковать — бесполезное занятие, то с Варварой просто необходимо переговорить, попросить, чтобы она и далее слух не распускала.

Он знал, что в полдень староста носит обед рабочим, и решил её перехватить и поговорить по душам. Среди улицы, конечно, не будешь выяснять отношения, поэтому решил устроить засаду в сквере около памятника Ленину, где есть скамеечки, на которые, в остром случае, можно присесть и поговорить. Но подумав так, вдруг вспомнил, что у памятника Елизавета запросто может увидеть, когда пойдёт домой на обед. Так что надо менять диспозицию.

Поэтому на следующий день за полчаса до полудня Николай занял наблюдательный пост в другом сквере, в меньшем — в «бунгало», где летом молодёжь распивает пиво и бренчит вечерами на гитаре, и мимо которого обязательно должна пройти Варвара. Пока Зельцов рассуждал, действительно, появилась Варвара с объёмистой сумкой. Он было приготовился окликнуть старосту, а она возьми да заговори с какой-то невзрачной встречной бабёнкой. Опять ожидание. Минут пять болтали, а как только растались, Николай пошёл следом за Варварой и окликнул её.

— Погоди, Непряхина, притормози — разговор есть!

Варвара остановилась, сердито посмотрела на Зельцова, а спросила так едко, словно ржавым шилом уколола:

— Ну и чего хотел?

— Чего-чего — поговорить надо...

— О чём?

— О том, чтобы впредь языком не болтала невесть что! За чем моей доложила о собачонке? А? Было бы тебе известно, что не приводил я её в храм, а она сама сорвалась с привязи и пулей за мной увязалась — я даже дверь не успел закрыть... Тем же моментом попытался схватить её, а ты тут как тут! И чего, спрашивается, крик подняла, не разобравшись? Опозорила перед всеми. Я что, порядков не знаю?

— Молодец! Сам же смутил народ, и теперь виноватого ищешь. А зачем, спрашивается, в храм направился, если с собачонкой шёл мимо? Пылил бы себе мимо и пылил на здорье

— А что, нельзя? Я её в отдалении привязал, через дорогу. И моей вины нет, что она сорвалась.

— Есть! У крепких и заботливых хозяев собаки не срываются... Ну, ладно, я пошла — обед охынет!

— За пять минут не остынет. Болтай поменьше с кем ни попада.

— Тебя не спросила. Указчик!

— И напраслину не гони почём зря. А то жена теперь житья не даёт. Поговори с ней как-нибудь, поверни и направь слова свои несурзные в обратную сторону. Конкретно говорю!

— И не подумаю! Пусть тебе перцу задаст, чтобы впредь умнее был! — резко высказалась Варвара и пошла далее, заполоскав на ветру длинной юбкой.

Николай лишь скрипнул зубами. Пришла мысль самому поговорить с Елисеем, чтобы прижал хвост этой Варваре, но как к нему подступишься. Надолго запомнится его равнодушие, когда недавно встретился с ним, а он и глазом не повёл, будто мимо пустого места просквозил. Так что надеяться на его внимание нет возможности — всё будет впустую. А что надо совершить полезного или героического, что-то такое, чтобы Елисей обратил внимание, снизошёл так сказать, Николай не знал. Ну не падать же на колени и просить прощения, размазывая слёзы по щекам и судорожно цепляясь за рясу. За полоумного примет, вообще отвернётся.

«И вот так всегда. Всю жизнь. Со всеми, — огорчительно думал Зельцов. — Будто кто с великим умыслом подталкивал в пропасть. Нет бы одёрнуть, подсказать, подучить, помочь идти правильным шагом, в ногу со всеми — нет, обязательно или посмеются, или пристыдят, или что-нибудь подстроят немислимое. И главное, свои же — родные и близкие люди, хорошие знакомые. И в первую очередь жена. С ней

просто невозможно ни о чём договориться, она то добрая и бросается на защиту, а то наоборот — сама все жилы вытянет. Разве это справедливо? Уж лучше бы не защищала, но и не грызла, а была бы ровной, предсказуемой. Уж, помнится, в молодости такой уважительной казалась — и полслова, бывало, поперёк не скажет. Всё пела: «Коля, Коля, Мыколай — черёмушку не ломай. Черёмушка гнётся — Мыколай смеётся». Споёт нескладуху и чего-то хохочет полчаса — настоящая хохлушка. Смешно ей, видите ли. Ну, пусть хоть так. А то с годами ни песен не стало, ни доброго взгляда. Одна маета!»

Зельцов мог бы думать о себе и собственной жене бесконечно, но, сколько ни будоражешься, надо возвращаться домой, пусть и без особенного результата после разговора с Варварой. А чтобы не усугублять паршивого настроения, в дом не сразу зашёл, а дождался за сараем, когда жена пообедает и уйдёт на работу. Видеть её совершенно не хотелось, особенно сегодня, сейчас.

Когда же, замёрзнув, юркнул домой, то собрал разбросанные утром дочерью и внучкой вещи, похлебал куриного супчика, а потом оделся, принёс из сарая старые ремни, шило, снятый с Байкала ошейник, а саму собаку запер в сарае, чтобы не сбежала. Решил для неё новый ошейник сделать. Всё вроде приготовил, а дратву найти не может. Ведь была же, за газовым обогревателем, в сухом месте хранилась. Делать нечего — пришлось жене звонить, когда вспомнил, что она отдавала дратву соседям. Позвонил и получил нагоняй.

— Эх ты, горе-хозяин, — приглушив голос, зловеще шептала Елизавета, так как не одна находилась в комнате, — на терраске, за зеркалом лежит — сам же туда положил, когда сосед вернул. На место-то сразу было трудно определить, всё няньку для себя ищешь!

Ничего не ответил Николай жене, молча бросил трубку на аппарат, заглянул за зеркало — на месте оказалась дратва, правда, пучок пожиже стал, подумал неприязненно о соседе: «Этот охламон просил лишь сапог зашить, а небось на радостях про запас оставил. Всю жизнь под себя гребёт!»

Часа два возился Зельцов с новым — крепким и широким — ошейником из ремня от шкива, подогнав его под старую пряжку, намертво прошив дратвой, а для надёжности ещё и две глазастых заклёпки забил и расплющил. Подёргал готовое изделие и улыбнулся сам себе: «На таком ошейнике можно танк буксировать!»

Когда вернулся к собаке с обновкой, то Байкал сперва не захотела терпеть тугой ошейник, но после окрика Николая: «Что, порядка не любишь!» — смирился, позволил застег-

нуть на себе ошейник и забрался в будку, посмотрел на хозяйку бесконечно печально и отвернулся. Чтобы уж совсем не портить с ним дружбы, Николай принёс ковш супа с потрохами. Вылив похлёбку в миску, сказал, всё прощая:

— Поешь и перестань скулить. Спасибо скажи, что в прошлый раз вовремя поймал тебя, а то добегаешься, попадёшься ребятам с живодёрни — пошады от них не жди. Учти это.

17

Фамилия Любомировых, как сказала Варвара, — известная в Свибле, со старыми, чуть ли не дворянскими корнями. Но родословная — ни своя, ни чужая — в здешнем околотке мало кого интересовала: люди более переживали о сегодняшнем дне и не думали о завтрашнем. Не горевали и о днях минувших, а вспоминали о них, как о библейской воде протекшей. Хотя имелись и такие, кто всё-таки интересовался историей и блюл её в неравнодушных сердцах, но такие были не на виду. Их совсем мало, уж так устроено природой, и подходили они на пугливых серых пташек, нашедших пристанище в музее, или библиотеке, или в ином тихом присутствии. Жили всегда в экономном режиме, но сильно не бедствовали, помня книжную мудрость: богат не тот, кто много зарабатывает, а тот, кто мало тратит. Кто-то уважал их за это, а кто-то посмеивался: чудаки, мол, чего с них взять.

Именно к таким чудакам Любомировым Варвара отвела на жительство Елисея через неделю после его возвращения из Владыкина.

— Вот вам, дорогая Ангелина Георгиевна, жилец, берегите его, помогайте, — едва поздоровавшись, заявила Варвара с порога. — Человек он одинокий, а потому заслуживает особенного внимания.

— Ну что же, — отозвалась по-девичьи стройная хозяйка, с лёгкой курносинкой и несимметричной седой завитушкой у правого виска. — Если рекомендуете, мы не против.

Варвара ещё немного потараторила и распрощалась, словно хотела поскорее передать батюшку с рук на руки. Правда, пояснила:

— Предлагала ему у меня жить, но он отказался, мол, времени нет таскаться из пятиэтажек через весь город. А у вас то как хорошо будет: чуть спустился от храма под бугорок — и на месте.

Когда Варвара ушла, Елисей, осмотревшись, заметил, что дом устроен добротно, но без излишеств. Крепкий пятиестенник из толстых сосен поделён на три комнаты. В большой — божница с ликами святых, на подоконниках герани, на по-

лах ковровые дорожки, на диване и кровати — покрывала, а на дверях в смежные комнаты — занавески, отороченные кружевами. В просторной кухне, на месте которой в прежние времена, видимо, стояла печь, белым пеньком возвышался газовый отопитель, гнавший тепло по дому и в пристройку, где находился санузел с ванной. В общем, городская квартира со всеми удобствами. Елисей сразу оценил это преимущество после надоевшей жизни в кинобудке, занял меньшую комнату, в которой стоял высокий шкаф, очень удобный для одеяний, стол, тумбочка и кровать. Ну и, конечно, выключатель к единственной лампочке под вылинявшим абажуром, имевшим когда-то оранжевый цвет. И более ничего, кроме тишины и покоя. Да, ещё электрическая розетка у тумбочки.

Оценив бытовое преимущество, Елисей понял, что окончательно устал от походной жизни, особенно в последние дни, когда по-настоящему заглохло и подчас голова раскалывалась от угарного тепла раскалённых самодельных печек, которыми было забито их временное жилище. Строители же, экономя деньги, отказались от возможного переселения, хотя Варвара подыскала жильё и для них, остались в будке, решив в ней перебиваться до завершения работ и отъезда.

В самый первый вечер, когда зашёл разговор о еде, Ковшов сразу отказался от услуг Ангелины Георгиевны, зная, что для рабочих Варвара по-прежнему будет приносить обеды, и для него, конечно, в том числе. Ведь где трое, там и четвёртый прокормится. А уж утром и вечером можно попить чаю и на квартире.

— Ну и зря отказываетесь! — слегка укорила хозяйка. — Вместе бы питались.

— Вам это будет неудобно. Ведь скоро начнётся Рождественский пост, и что же — для меня одного тогда готовить?!

— Вот этого как раз и не надо опасаться. Мы с Владимиром Борисовичем вегетарианцы, и круглый год, можно сказать, постимся.

— И давно ли?

— Да всю жизнь почти. Ещё с той поры, когда дети были маленькими. Работали мы тогда оба в библиотеке: я на абонементе сидела, а Владимир Борисович в отделе комплектования. Сами понимаете, зарплаты маленькие, из хозяйства лишь несколько грядок в крошечном огороде. И как-то само собой получилось, что мы из экономии стали «травоядными». С годами привыкли. Деток, конечно, кормили, как положено, а сами картошечкой, помидорчиками питались, щи любили зелёные, капустку квашеную; летом грибами запасались. С тех пор дети выросли и разбежались — у нас две

дочки — а мы так и не стали переучиваться на привычную всем еду. И не страдаем от этого. Нам за шестьдесят, а давление, как у молодых. В общем, не жалуемся. Так что зря вы от нас отдаляетесь.

— Не совсем отдаляюсь. Вот как строители уедут и Варвара перестанет варить обеды, то мне, хочешь не хочешь, придётся задуматься о своём пропитании...

Пока они разговаривали, им никто не мешал, а как наступила пауза, то из большой комнаты вышел высокий и худой, с залысинами до затылка, но так же молодо выглядевший хозяин и хмуро сказал, обратившись к жене:

— Так в свою веру не обращают! Пусть батюшка осмотрится, поживёт маленько, а уж потом будем решать, что с ним делать! — Хозяин подошёл к Елисею, поцеловал его руку и с поклоном принял благословение, представился: — Владимир Борисович, а вот эта хлопотливая дама — моя супруга, как вы догадались. Она ещё в детстве выбражулей была. Уж такая заковыристая — под стать имени. Мы тогда, ребяшня, дурачками были. Увидим её, и ну дразнить Ангелочком. Мол, помаши, Ангелочек, крылышками, а она нам в ответ непременно язык покажет и покраснеет от обиды... Нам смешно, а если уж и пальцем у виска покрутит, то вообще закатываемся со смеху. А вот если повеличаешь Ангелиной Георгиевной, то непременно улыбнётся, а в глаза всё равно не посмотрит — ни-ни!

Елисею стало приятно, что хозяин по-доброму относится к религии, не манерничает и вполне открыт для разговора, и о домашних делах говорит с юмором. Правда, недолго: принёс из почтового ящика газету и, извинившись, вернулся в комнату, сказал на ходу:

— У каждого, батюшка, своё послушание!

Елисей не понял, о каком послушании идёт речь, но хозяйка пояснила:

— Всемирную летопись создаёт! Уж много лет записывает, что произошло в мире, стране, в районе. У него, например, есть запись о начале восстановления нашего храма.

— А, в этом смысле...

— И не только, — отозвался Владимир Борисович из комнаты. — У каждого оно своё с самого детства, когда человек учится, работает, воспитывает детей. Он и к Господу Богу ходит, находясь в послушании.

Елисей улыбнулся:

— Вы, Владимир Борисович, философ оказывается... Свой взгляд на жизнь имеет!

— О чём вы? Это каждому известно. Моё послушание заключается в самом простом: запечатлеть на бумаге основные

события. Чтобы наши потомки знали, что было до них, чтобы не были теми самыми Иванами... Вот взять, к примеру, ваше появление в Свибле. Когда оно произошло? Спроси любого — никто теперь не скажет, когда именно. А у меня зафиксировано в первой записи о приезде священника, то есть вас, уважаемый отец Елисей, и относится эта запись ко вторнику, 17 мая. А вторая по факту освящения креста надвратной колокольни — к восьмому сентября, как раз на праздник Иконы Божией Матери Владимирской. Пока, как говорят журналисты, только два значимых информационных повода для записи. Вот когда освятят и откроют храм, будет третий — самый важный по этой теме. Так что ждём, отец Елисей!

— Откуда же вы о праздниках-то церковных знаете?

— Всё просто. Купил церковный календарь и пользуюсь.

— А в храме-то бываете? Что-то я не замечал вас.

— Георгиевна за двоих молится. Прежде-то по большим праздникам в слободу ходила, а теперь к вам... Да и некогда мне — дел-то сколько. Надо бы, конечно, ноутбук освоить. Второй ведь год прозябает без дела, как младшая дочь подарила, а мне нет на него времени. Да и некому особенно подсказать. Так что мне по старинке проще, привычнее.

Поговорив, будто сам с собой, хозяин замолчал, и было слышно, как он зашелестел страницами.

— А вас, Ангелина Георгиевна, я действительно замечал в храме. Да и делом, помню, вы помогали, спасибо.

— Да и как же не заметить, если я в общину записана.

— Это хорошо. А дочки-то ваши как относятся к религии?

— Ох, батюшка, у них своя жизнь, как обе вышли замуж, детей нарожали, так и отдалились. Ведь обе в Москве живут. Беда. Хотя жаловаться не могу — зятя рукастые, зарабатывают хорошо. Это они нам дом-то весь переделали, газ подвели.

— Навешают?

— Летом постоянно. Домик себе сделали гостевой, на два входа. С семьями заявятся, отоспятся, потом на речку. Наплаваются, позагорают, а вечером обязательно огород поливают; хотя сейчас это несложно, когда водопровод есть, но всё равно ворчат, что, мол, всё можно на рынке купить. Купить-то, конечно, в наше время можно легко, но со своего-то участка полезнее — химией-то мы не пользуемся.

Елисей понял, что с хозяевами можно болтать бесконечно — так они соскучились по обычным разговорам. Но как потом оказалось, разговорчивыми были только в первый день. Или он их попросту не видел, потому что пропал в храме. А ког-

да возвращался поздним часом, то сил оставалось только на молитву, а потом сразу проваливался в сон.

Распознав его распорядок, хозяйка квартирному не досаждали, каждый занимался своим делом. Владимир Борисович, откушав по утрам овсянки на воде и попив чаю с душицей, закрывался у себя, изучая вчерашние газеты, если они были, и смотрел телевизионные новости, выбирая для записей наиболее важные, прежде всего политические. Иногда записывал курьёзные, поучительные случаи. В общем, всё, что, на его взгляд, имело значение для потомков. Для потомков он собирал и вырезки из газет, и, по словам Ангелины Георгиевны, скопилось десятка полтора коробок с этими вырезками, и она не знала, что с ними делать. Говорить же с мужем на тему того, что коробки являются прекрасными сборщиками пыли — бесполезно. «В музей отдашь, когда меня не будет, это же бесценный материал для будущих поколений!» — как-то иронично пожаловалась хозяйка словами мужа. — Но я узнавала в музее — подобные приобретения, если можно так сказать, они не делают».

Сама же Ангелина Георгиевна не всуе жаловалась на пыль от коробок. Как заметил Елисей, каждое утро она начинала с неперменной влажной уборки, и не просто протирала шваброй доступные места, а, ползая на коленях, мокрой тряпкой истребляла несуществующую пыль под шкафами, диваном, кроватями. И это ей доставляло явное удовольствие.

— Не тяжело? — как-то жалеючи спросил Елисей.

— Это вместо зарядки, — улыбнулась она. — Не могу поиному. Как-то попробовала делать уборку через день — места себе не находила. Даже с Борисовичем поссорилась, когда попросила отнести коробки в сарай! Нет, не понёс. Говорит, там мыши хозяйничают, всё погрызут! Вот как, спрашивается, с таким человеком жить?! — без обиды, шутливо спросила она.

Что мог ответить Елисей. Конечно же, тоже отшутился, не отваживаясь принимать чью-то сторону. Хотя жизнь чужой семьи его особенно не касалась, но очень скоро он сделался в ней своим, даже, как понял, привычным, когда стал замечать, что вечерами Ангелина Георгиевна ждала его, расположившись в кресле и придвинув настольную лампу. Услышав его и отложив книгу, она радостно встречала постояльца.

— Опять из-за меня не спите? — спрашивал-укорял он.

— Почему же... Я — «сова». Чтобы меня рано уложить, должно произойти что-то необыкновенное. Это Борисович у нас «жаворонок» — ни свет ни заря, а он уж в своих тетрадках пишет, а потом, как солнышко к горизонту, — сразу же на боковую.

И действительно, Елисей ни разу не видел Владимира Борисовича бодрствующим по вечерам, но как-то застал. Пришёл из храма, а хозяин отварным картофелем ужинает, миска грибочков перед ним стоит.

— Присоединяйтесь! — пригласил он Елисея за стол. — В кои-то веки совместно поужинаем!

Елисей отказываться не стал: помыл руки, умылся, расчесал бороду и подсел к хозяину. Ангелина Георгиевна сразу поставила перед жильцом тарелку с картошкой-пюре и двумя сосисками, положила грибков в отдельную посудинку, попросила:

— Кушайте, пожалуйста!.. Борисович, тебе, может, добавка нужна? А то часа два, наверное, бродил по городу — проголодался, поди. Все лампочки сосчитал или половину?!

Елисей непонимающе посмотрел на хозяйку, а она пояснила: — Учёт сегодня делал городским фонарям... Ну и как? — спросила она у мужа.

Тот сперва отмолчался, а потом сердито ответил:

— Радоваться нечему! Год назад, например, на центральной улице было 24 фонаря, а ныне лишь пять: два у администрации, по одному у музыкальной школы, Дворца культуры и у Заставы. Вся остальная Свибла утопает в темноте. Это о чём говорит? — спросил он, и сам же ответил: — О том, что деградируем мы, превращаемся в пещерных людей, для которых факел был высшим достижением сумрачной мысли. Даже у храма на кинобудке всё лето лампочка горела, а теперь и она пропала. Экономите, отец Елисей?

— На этом не сэкономишь... А с освещением, конечно, в Свибле обстоят дела неважно.

— Не то слово. Никак они не обстоят! Так и запишу сейчас в тетрадь в назидание, так сказать, потомкам. Придётся и в газету сообщить о такой вопиющей безалаберности.

Действительно, торопливо попив чаю, Владимир Борисович сразу же отправился к своим тетрадкам. Более в этот вечер Елисей его не видел, да и в последующие вечера они редко пересекались. Более общался с хозяйкой. Обычно, поговорив по возвращении, она заставляла ужинать, если это было возможно, скромным, а Елисей всякий раз, стесняясь, отговаривался.

— Так Варвара меня со строителями кормит!

— Пусть даже и так... День-то большой. Сколько в хлопотах сил-то тратите — пропасть! Так что не упрямитесь, батюшка, а живо за стол!

Мало-помалу Елисей привык к домашним ужинам, тем более что до Рождественского поста оставалось совсем немного и можно было побаловать себя. Но однажды заупрямился.

— Дайте слово, что при расчёте за месяц это всё учтётся! — как-то сказал он, неожиданно засмушавшись.

— Перестаньте.

— Не перестану. Потому что это несправедливо, и вы ставите меня в неловкое положение, а значит, не уважаете. Вот Варвара, к примеру, не на свою же пенсию покупает продукты. Да и приготовить — это тоже чего-то стоит. Так что, не упрямитесь, а согласитесь со мной, назначьте цену!

— Мне что, тетрадку, не хуже супруга, завести и всё записывать?!

— И всё-таки я настаиваю. В противном случае...

— Что «в противном случае...» — забастовка, восстание?! — улыбнулась хозяйка.

— Тогда я сам установлю цену, а вы не посмеете возразить. Иначе Варваре нажалуюсь, что, мол, не к тем людям определила, словно совесть мою решила проверить.

— А что, она, ваша совесть, нуждается в проверке? Если это так, то считайте, что вы её прошли с положительным результатом.

Далее спорить было бесполезно, спор бы выглядел кокетством с его стороны, а ему это не нужно было, и всё-таки последнее слово оставил за собой:

— И всё-таки будет по-моему! И не спорьте, пожалуйста! — Желая сменить разговор, спросил: — Вы всегда на ночь читаете?

— Начала читать, вас вечерами ожидаючи, вернее перечитывать. И что интересно: казалось бы, известные авторы, известные произведения, известные герои — всё известное, а воспринимается по-иному: более глубоко, свежо, с совершенно иным ароматом и почти необъяснимым послевкусием, словно встретила давних прелестных знакомых, поговорила с ними, обменялась новостями.

— Это в вас говорит прежняя работа.

— Несомненно, хотя не только. Когда-то приходилось много читать, но что это за чтение. Классику, конечно, знала, а поступит новинка — пробежишь глазами по диагонали, поймёшь, в чём суть, и за следующую книжку. И как можно скорее, а то иной читатель спросит что-то новенькое, а как толково ответить, если сама не читала. Поэтому и приходилось ночами сидеть, а иначе какой я библиотекарь. Вы-то, наверное, тоже много читаете?

— В юности да, много читал... А в семинарии — церковные книги, жития... Но сейчас не до них, сами понимаете.

— Ну что же — всему своё время.

В последующие дни подобные разговоры возникали сами собой, и чем чаще они повторялись, тем острее Елисей про-

никался новыми для себя мыслями. Но думал в похожие моменты не о себе, нет, а о жителях Свиблы. Чем более расширялся круг его знакомств, тем отчётливее он начинал понимать сущность свибловчан: разных, не похожих один на другого, но вместе составлявших единое целое. Собственной непохожестью они словно добавляли свои характеры в общий характер. К каждому из них ему хотелось прикоснуться душой, с каждым поговорить откровенно обо всём том, что мучило и не давало покоя. Ведь мысли о Елене у него не пропадали ни на минуту. И о чём бы он ни говорил с Варварой или с Любомировыми, всё-таки понимал, что они чужие для него люди, и никогда он им не расскажет, что мучает по-настоящему, о чём невидимыми слезами плачет его душа. А уж что будет потом — лишь Господу известно.

Ангелина Георгиевна, наверное, замечала его состояние, иногда будто случайными вопросами пыталась выведать его мысли и чувства, даже рассмешить.

— Батюшка Елисей, посоветуйте, как поступить? — будто бы серьёзно однажды спросила она.

— А что случилось?

— Сегодня знакомая в магазине спросила, когда увидела, что я купила сыр и сосиски: «Вы же скромное не употребляете! Или конец диете?!» Я, растерявшись, что-то промямлила, но что мне ответить, если в следующий раз кто-нибудь спросит об этом?

— Ответьте, что, мол, у нас гость необычный — уж такой мясоед, каких свет не видывал! — попытался улыбнуться он, но не очень-то это у него получилось.

И Любомирова поняла, что в шутливом ответе он так и не раскрыл себя, свои настоящие мысли, но не решилась более надоедать, показаться навязчивой.

18

Закружившись в повседневной суете, Елисей Ковшов иногда начинал сомневаться в своём предназначении, ибо не понимал, кто он на самом деле: священник или прораб и снабженец, а может, и того солиднее — директор строительства, хотя это так и получалось. Ведь все заботы, в конце концов, сваливались именно на него, и никто, кроме него, не мог что-то решить. Обсудить — да, посоветоваться — да, но последнее слово оставалось всё-таки за ним.

Когда оштукатурили колонны, стены и своды, дважды покрыли их побелкой с ультрамарином, возник конкретный вопрос: чем настилать пол? Геннадий предлагал уложить плитку орнаментом, но Елисею хотелось дощатый пол. Ведь что

может сравниться с теплом дерева, его смоляным запахом. Он хотя и городской по рождению человек, но однажды увидел во владыкинском доме одной из прихожанок сосновые некрашенные половицы, светившиеся шафрановой желтизной, помнится, удивился: «Это вы чем же так покрыли полы, что они как солнышко горят?» — «Кирпичом, батюшка, натёрла да песком речным!» — «А не практичнее ли покрасить?» — «Нет, батюшка, от краски воздух тяжёлый, особенно первое время, а сосновым-то дыши — не надышишься!» — «Да ведь утомительно всякий раз натирать полы песком!» — «А мне это даже в радость, для себя же стараюсь. Да и не каждый раз натираю, а перед большими праздниками. Только для храма такой пол не подойдёт — затопчут!»

Далее спорить казалось бесполезным делом, и Елисей всё-таки в душе согласился с хозяйкой, что да, такой пол, конечно, хорош для дома, но для общественного места непригоден: изнашивается быстро, сучки начнут выпирать, да и не станешь натирать пол в храме речным песком. Поэтому сперва согласившись с Геннадием, всё-таки решил покрыть пол ламинатом, что и по цене выходило дешевле, чем укладывать орнаменты из плитки, да и по скорости — хотелось отпустить рабочих к Новому году, как они просили.

Елисей знал, что вскоре ему предстоит окончательно расплачиваться со строителями, которые уже обустраивали алтарь, и надо было думать, где раздобыть денег, но в эти студёные дни начала зимы его преследовала совсем другая забота, отвлекавшая от основного дела. Теперь он чуть ли не каждый день стал ходить на холм, с которого просматривалось чуть ли не пол-России. Но взгляд свой простирали лишь на юго-запад — туда, где покоилась на погосте матушка Елена... Зачем он это делал, что это ему давало — он не мог объяснить себе. Это, необъяснимое, постоянно влекло на обрывистый холм, заставляло смотреть и смотреть в заснеженную даль, расписанную тёмными жгутами лесополос и разделённую пополам скрывающейся за горизонтом лентой шоссе, словно от этого могло что-то измениться, приблизить хотя бы мысленно место упокоения Елены.

Иногда от мыслей и чувств он не сдерживался, проливался слезами, пытался затворить их — и не мог. В какой-то момент приходили холодные, неподъёмные мысли о самом себе, от них закрадывалось сомнение в том пути, который он когда-то выбрал, вопреки воле близких людей. И может, пришло время пересмотреть взгляды и отношение к самому себе, к собственной жизни. Ведь это легко сделать: доложить благочинному, встретиться с митрополитом — ведь никто же не

будет удерживать силой. Поговорил, высказался, очистил совесть — и свободен, как птица небесная, лети куда хочешь! И всякий раз, рассуждая так, он понимал, что подобное поведение теперь невозможно. И не из-за боязни послушания, а от собственного ощущения, подсказывавшего, что окончательно растеряется, изгнав себя из Православия, уподобится никчёмному Николаю, приведшему пса в храм, погибнет в искушениях. И как, как тогда жить, смотреть людям в глаза, если будет страшно заглянуть даже в собственную душу, в которой поселится мрак и холод, и окончательное опустошение и отчаяние человека, сродни оказавшегося среди бурных волн моря, отчалившего от одного берега и не причалившего к другому. Как жить без Бога в полном одиночестве?! Пока Он с ним, душа не одинока, она всегда будет чувствовать поддержку и защиту. А без этого он и сам будет неприкаемым, никому не нужным... От беспощадных мыслей и чувств он переставал сдерживаться, вновь и вновь давал волю слезам, зная, что никто его не видит, и, заплакавшись, окончательно замёрзнув, возвращался в храм и долго не мог отогреться. И лишь молитвами согревал себя и свою тревожную душу.

Отогревшись в работе и заботах, он забывался на день-другой, но потом его вновь влекло в окраину Свиблы.

Его походы заметила Варвара, как-то укорила:

— Батюшка, вы почему-то часто стали ходить на бугор, возвращаетесь замёрзшим, выглядите не ахти, и подкрепиться не можете — Пост ведь идёт. Вам надо силы беречь, а вы ходите с красными глазами, и бледные до невозможности. Вас того и гляди ветром снесёт!

Елисею не хотелось что-либо объяснять, он вяло отнекивался, но когда староста уж очень наседала, отговаривался:

— Не называй, пожалуйста, святое место бугром. Это — холм, овейанный славой, политый кровью древних защитников города, не пожалевших своего живота. И эта слава будет передаваться из поколения в поколение. Ну а то, что навещаю туда, — так у каждого есть свои причуды. Не обращай внимания.

— Ой ли... Замечать я стала, что после поездки во Владыкино вы уж очень изменились. Уезжали одним, а вернулись совсем-совсем другим. Может, вас подменили там? Или что-то сердечное заставляет переживать и волноваться. Если это так, то и в нашей Свибле можете подыскать себе матушку.

— Варвара, говорил же тебе: я теперь в чёрном духовенстве, а это значит, что мне необязательно думать о своей личной жизни.

— Может, и не обязательно, но это только пока. Она такая, кручина: не хочешь, да заставит!

— На то и существуют правила, голова твоя садовая, чтобы придерживаться их. Ведь неспроста они писаны мудрыми старцами не для потехи, а для исполнения.

— Ну, смотрите сами. Я от сердца, — вздохнула Варвара. Ей очень хотелось сказать, что Елисей ей стал за сына, самого младшего, заботиться о котором надо более всего, если уж свои поразъезжались и носа не показывают.

— Спасибо, что печёшься, но нам с тобой надо более думать о другом — о том, как подготовиться к освящению храма. Ведь основные работы закончены, и, стало быть, в скором времени надо ожидать прибытия митрополита. А ведь это экзамен всем нам. И хорошо, что нашлись певчие, и бабушка Жаворонкова занимается с ними. А вот, взять, к примеру, наличие диакона. Где он? Нет пока, и неизвестно когда будет. Допустим, что на освящение храма диакон прибудет с митрополитом, или благочинный пришлёт кого-нибудь из местных, а как далее нам быть? Службу, конечно, можно вести и без диакона, это допускается, но это совсем не та будет служба: без должного течения и, осмелюсь сказать, без должного впечатления. Ведь в церковной службе всё важно. И пусть она кому-то кажется затянутой, непонятной, но это лишь тому, кто всё делает в спешке, в том числе и участвует в богослужении. Тот же прихожанин, который понимает суть происходящего, знает его ход, получает душевное расположение и умиротворение... Это я к тому говорю, что священник с момента рукоположения и принятия им божественного сана не принадлежит себе. У каждого из них складывается своя судьба. Вот мне, например, выпала именно такая, какая имеется.

— Простите, батюшка! Ведь душа болит за вас, вы родней родного нам всем стали. Как же не заботиться-то!

— За заботу спасибо, но давай поговорим об этом в другой раз.

— О ком же мне заботиться, как не о вас.

— Не продолжай более...

Елисей понимал, конечно, что Варвара словоохотливая и по природе своей, и по обстоятельствам. Живёт одна, хотя имеет детей, внуки есть, но приезжают они к ней почему-то редко. По крайней мере, Елисей за минувшие полгода не видел и не слышал, чтобы она говорила о гостях. Ладно, сейчас зима идёт. А летом-то почему не навестить мать и бабушку? Никогда он не спрашивал об этом, а теперь решился на вопрос, который кому бы иному не задал, но если уж пошёл такой откровенный разговор, спросил:

— А что же дети тебя не жалуют вниманием? Ведь это не по вере нашей!

— Занудой считают. У меня ведь мама была богомольной, ни одной службы, бывало, в слободском храме не пропустит. А ночами псалтырь читала по усопшим, с Жаворонковой на пару ходила. За 10—15 километров мотались и в дождь, и в стужу. Никому не отказывали. Когда же пришла пора пенсию оформлять и пошла мама по инстанциям, то тогдашняя председатель горсовета прямо ей сказала: «Ты, — говорит, — Иванникова, стажа не имеешь! Поэтому тебе самая маленькая пенсия полагается как тунеядке». — «Какая же я тунеядка, если всю жизнь людям служу?!» — «Покойникам ты служишь. Вот с них и спрашивай пенсию! А от государства — только минимальную по старости получишь, хотя, будь моя воля, я бы и такой не дала!» — «А я до войны в колхозе работала. Это что — не в счёт?» — «Может, и работала, а документов соответствующих не представила!» — «Где же их взять, если сгорели?!» — «Во всех архивах не могли сгореть!» — «Если не верите мне, тогда никакой вашей подачки не надо!»

— Так и отказалась?

— Отказалась. Повернулась и ушла. Но пенсию ей всё равно оформили, а я получала за неё по доверенности... Райфинотделу надо было как-то отчитываться.

— Интересная история. Только не ответила, почему тебя дети и внуки не жалуют?

— Всё потому же — правду в глаза говорю. А мама заставляла читать церковные книги. Когда её Бог призвал к себе, я стала внуков приобщать, но не очень-то у меня это получилось. Да и дети были против. Мол, чего я к ним цепляюсь. А как же не цепляться-то, если видела, что происходит. Старший-то внук лет с пятнадцати курить стал в открытую, потом к наркотикам пристрастился. И никто ему стал не указ. В армию его не взяли, он и совсем распустился. Прошлым летом схоронили. Девятнадцать лет всего было. После этого я же оказалась перед детьми виноватая: мол, вместе со своей матерью обкормила ребят религией. А как это можно кого-то чем-то обкормить. Это только гусей перед забоем насильно пичкают. Мои-то не понимали этого, вели себя так, словно я их в чём-то обманывала. А кто верит в Бога искренне, тот никогда не станет обманывать, потому что обмануть можно кого угодно, даже себя, но не Господа. Он всё видит и знает!

Елисей вздохнул:

— Правильно, Варвара, всё так и есть. И можно только сожалеть, что многие это слишком поздно понимают.

— Чтой-то я всё о себе да о себе. Мне тут как-то бабушка Жаворонкова намекнула, что хочет поговорить с вами. Как-нибудь зашли бы к ней, она будет рада. А то ведь из-за больных ног живёт затворницей, а ведь когда-то уж такая шустрая была.

— Как-нибудь вместе сходим. Так, наверное, лучше будет. Познакомимся, посмотрим тексты песнопений.

— Насчёт этого не сомневайтесь! Они все по уставу! Когда пойдём?

— Варвара, не торопи. В ближайшие дни обязательно!

От услышанного староста оживилась:

— Зайду к ней сегодня, скажу, чтобы ждала вас! Так?

— Сейчас же и отправляйся, чего же медлить, — отговорился он поспешно, желая прекратить затянувшийся разговор.

И Варвара не могла ослушаться, словно из-за ослушания потеряла бы Елисея. Они хотя и не очень-то откровенничали друг перед другом, но она понимала, чувствовала, что у них есть что-то общее, что сближало их, хотя они люди разных поколений, и имя этому сближению — душевная неустроенность. Да и Жаворонкова такая же обездоленная, одинокая и всеми забытая. Поэтому Варвара и тянулась к ней, всегда помогала, наперёд зная, что никогда не бросит её, не найдётся на это сил, даже если вдруг и захотелось бы этого.

На пути к Жаворонковой она, совсем неожиданно для себя, расплакалась. Шла и чуть ли не в голос ревела, вспоминая свою матушку, детей и внуков — всю семью. Почему-то вспомнилось, что горести начались после гибели мужа, работавшего в лесничестве и угодившего на валке леса под падающее дерево. Ей тогда и тридцати не было, а на руках двое детишек остались. А их, плохо ли, хорошо ли, надо накормить, одеть-обуть, в школу в августе собрать. А заработка особого не было, хотя и убиралась в трёх конторах. Частенько ходила с матерью читать псалтырь, да только какой это заработок. Хорошо, если когда трёшку заплатят, а так и двумя рублями довольствовались. Деньги небольшие, но и они казались хорошей прибавкой к нищенской зарплате да мизерному пособию на детей, потерявших кормильца. Хотя и семидесятые годы начались, а в стране только-только в себя пришли после войны, жирком не успели обрасти и привыкнуть к зажиточности. Поэтому и отдавали детям всё лучшее — и в еде, и в одежде. А те выросли и не особенно чттили бабушку и мать, даже укоряли, называли монашками, но от денег не отказывались даже и тогда, когда женились и у самих появились детки, росшие вольно, сами по себе — вот и доросли, оперились. Не стало у старшего одного сына, да и со вторым тоже не всё в порядке. Хорошо, что хотя бы внучка у младше-

го более или менее правильного поведения. Хотя замуж недавно вышла, а на свадьбу так и не позвала, называется — пожалела. Мол, бабушке тяжело ехать в Сибирь. Эх, вздохнёшь и ничего не скажешь. Или взять летний случай, о котором могла, но не стала рассказывать Елисею, спросившему о детях: мол, почему не навешают? Как же — навешают, ещё как навешают. Последний приезд старшего сына надолго запомнится. Ехал с семьёй на машине из Крыма, да опаздывал на работу, потеряв двое суток в дороге на ремонт. Обещал заехать не денёк-другой, а пробыл всего полчаса. Попили чаю гости дорогие, посмотрела Варвара на сноху и внука-старшеклассника — и пора расставаться. Зато оставили на память арбуз. «Вот, мол, тебе, бабушка, что заслужила, то и получай!» А чтобы не попутно заскочить, но прибыть ранней задумкой, да погостить, да спокойно рассказать о своей жизни, — об этом и догадки нет. Мол, позвоним! А когда — неизвестно. Может, к следующему лету догадаются.

Еле-еле Варвара успокоилась от мыслей, от вернувшейся обиды, но не до конца, поэтому и к Жаворонковой не пошла в таком виде — решила, не хуже батюшки, отложить визит.

Елисей же, расставшись с Варварой, почувствовал себя виноватым перед ней, словно начал тяготиться общением, и не потому, что оно оказалось неприятным, а по причине других забот и нехватки времени. Хочешь не хочешь, а через несколько дней надо расплачиваться с рабочими, заканчивающими благоустройство алтаря. А чем расплачиваться — вопрос. Небольшой запас средств имелся, но их явно не хватит на расчёт и на окончательное обустройство храма. В такой ситуации остаётся одна надежда — на брата. Даст Фёдор денег — можно будет планы строить, не даст — закавыка!

Не откладывая разговора, Елисей позвонил ему, ни на что особенно не надеясь, а как позвонил, то оказалось впустую, хотя и услышал голос Фёдора, но не более того.

— Еля, — назвал он Елисея по-домашнему, ничего не объясняя, — позвони позже. Сейчас форсмажор!

От поспешных слов брата, показавшихся небрежными и неуважительными, Елисей будто съёжился. В другой бы раз обиделся, но сейчас не тот случай. Обижайся не обижайся, а кланяться всё равно придётся — деваться некуда. «Поклонился» после обеда. Голос у Фёдора стал совсем иным: спокойным, даже вальяжным и слегка ироничным.

— Молодец, брат! Знаешь, когда названивать. Только что подписал контракт, так что я сейчас добрый. Ладно, сразу уж говори, сколько просить будешь. Ты ведь только по этому поводу вспоминаешь обо мне.

-
- А может, я в долг хочу попросить!
- Не смейся. С каких доходов будешь отдавать и когда?
- С каких-нибудь когда-нибудь... когда Бог пошлёт.
- Вот именно — когда-нибудь. И сколько на сей раз нужно?
- Со строителями расплатиться и храм внутри обустроить.
- Пол-лимона, конечно, мало?
- Почему же. С избытком, думаю!
- Не говори так. Денег никогда много не бывает. Ладно, договорились: в ближайшие день-два деньги перечислю. Только учти — это в последний раз!
- Учёл. Спасибо за напоминание. А вообще-то ты не знаешь, как я благодарен тебе. Буду молиться за твоё здоровье до окончания своего.
- За это, конечно, спасибо, хотя я знаю об этом, но лучше скажи, когда за здоровье мамы молился и звонил ей? Чего молчишь-то?! Она ведь переживает. Никогда не спросит, как у меня идут дела, а всё о тебе печётся: как там Еля в своей Свибле, не голодный ли, не болеет ли?!
- И за неё всегда молюсь... И сейчас же позвоню!
- Всё, пока, будь здоров, звони ей!
- Елисей выключил телефон и включил его вновь. Услышав голос матери, тихо и радостно сказал, купаясь в прекрасном настроении:
- Мам, это я, твой Еля...

19

Собираясь поговорить со старушкой Жаворонковой о певчих для клироса, Елисей попал к ней лишь через неделю — на второй день Николая Зимнего, морозным крепким днём, когда немного освободился от забот.

Строители к этому дню настелили пол, окончательно обустроили алтарь и получили расчёт. Интересным получилось прощание с их бригадиром.

— Вы уж, батюшка, помните человека по фамилии Дацкало! — сказал Геннадий. — Ведь «дацкал» — в переводе с нашего языка — дьячок, диакон. Так что я тоже, можно сказать, церковный человек. И вера у нас одна. И работал на совесть, как и мои товарищи!

— Спасибо, дорогой! Я это сразу заметил, и никто из вас не роптал, когда скудна была наша трапеза, но теперь, думаю, ко мне нареканий нет.

— Что вы, батюшка. Их и не было никогда.

— Ну и слава Богу! Буду молиться за вас!

Елисей по-братски обнялся с Геннадием и двумя рабочими, собравшимися домой к Новому году, следом за другими земляками.

После отъезда рабочих женщины из общины несколько дней наводили в храме лоск, Елисей поспешно смотался, не заезжая в матери, в Софрино, запасася необходимой утварью, свечами — всем, что нужно для освящения восстановленного храма. Как только вернулся — староста Варвара прицепилась, напомнила о Жаворонковой, а та ей, в свою очередь, все уши прожужжала: мол, когда, когда же придёт батюшка исповедовать.

— Ей что, так немоготу, если несколько дней подождать не может? Я уж полгода в Свибле, а она только вспомнила?! Сейчас ведь самое горячее время в храме, — сердился и выговаривал Елисей старосте по дороге.

Собственно, дороги не было, а петлял крутой спуск среди бурьяна к заснеженной, приплюснутой крыше, хорошо видимой с холма, белым пятном выделавшейся среди чёрных зарослей узловатых кустов акации, с которыми они, и сами узловатые, будто высохшие, почти сливались одеяниями.

— Не сердитесь, старенькая она, почти не ходит, каждый день плачет, — поясняла Варвара, семена на спуске и невольно цепляясь за Елисея. — Видно, девчата-певчие душу ей разбередили, вот она и слезится от радости, когда они приходят на спевки. Их ведь четверо подобралось — на все голоса. Одна из музыкальной школы, две из районного хора, а девчушка-старшеклассница сама по себе пришла. Голосок у неё просто ангельский: слушаешь — не наслушаешься.

— Надо будет посмотреть, что они распевают.

— Что вы, батюшка, Жаворонкова надёжный человек, устав знает.

Елисей понимал, что сердится напрасно, говоря о Жаворонковой, но и не сердиться не мог. Он хорошо помнил её первоначальную, солидную для пенсионерки помощь храму, благодарил в душе неоднократно, но ведь нельзя же всё замыкать на одном человеке. Значит, ей — отдельное внимание, а другим в порядке общей очереди!

Скользя и спотыкаясь, они добрались до нужного дома, и, остановившись перед крыльцом, Елисей вздохнул:

— Ну, стучи своей старице!

— Да у меня ключ есть! — похвалилась Варвара и щёлкнула замком, открыла скрипнувшую дверь. — Пойдёмте! — С порога крикнула: — Марь Петровна, ты жива ли?!

— Жива, жива, — донёсся из комнаты слабый голос.

— Я не одна — с батюшкой...

— Ой, ой, ой, — радостно заойкала хозяйка, пока невидимая. — Проходите в зал, я здесь.

Варвара шепнула Елисею:

— Идите первым.

Путаясь в гардинах, они прошли в крохотный зал, где громоздился шкаф в углу, рядом с ним кровать, загораживавшая его, стол со стульями и высокое кресло, с прислонёнными к нему «ходунками», а в самом кресле Елисей увидел совсем седую скукоженную старушку. Хозяйка подалась навстречу гостю, попыталась встать, а он, зная, что она почти не ходит, опустил перед ней на колено, подставив руки для поцелуя, а когда она, дрожа от напряжения, прикоснулась к ним сухими губами, перекрестил её.

Мария Петровна беззвучно плакала, а они стояли рядом и не знали, как успокоить, сказать что-то в утешение.

— Всё хорошо, всё хорошо, — приговаривал Елисей, прикасаясь к вздрагивающему плечу Жаворонковой. Повторил это неоднократно, и она понемногу успокоилась, перестала вздрагивать, попросила Варвару:

— Напои батюшку чаем!

Варвара отправилась в кухню, следом за ней, привычно подхалимничая, убежала серая кошка, а Мария Петровна села повыше, вздохнула:

— Как же я долго вас ждала... — и вновь затряслась, засморкалась.

— Вот и дождались, что же плакать?!

— Грех на мне, большой грех всю жизнь несла, а сегодня, видно, с Божией помощью очишусь. Вы бы исповедали меня...

В этот момент в комнату заглянула Варвара, спросила:

— Петровна, варенье-то какое взять?

Но ответа она не получила, лишь увидела жест Елисея, попросившего не мешать...

Елисей накрыл седую голову епитрахилью, произнёс разрешительную молитву и выслушал хозяйку. Узнав, что она «грешна», не стал допытываться и уточнять причину её греха. Жаворонкова вновь заплакала. Елисей же молчал, понимая, что старушке надо выплакаться. Когда она вздохнула, достала из-за кружевного манжета кофты платочек и промокнула остаток слёз, то остановила Варвару, пытавшуюся подавать чай.

— погоди, Варя. У нас дело посерьёзнее есть. Пока батюшка будет исполнять мою просьбу, ты приготовь полотенце.

— Это для чего ещё?

— Сейчас увидишь и поймёшь. А вас я попрошу, — обратилась она к Елисею, — исполнить долгожданное для меня

дело, уж извините, связанное с пыльной работой... Отодвиньте кровать и загляните за шкаф. Там увидите всякий хлам — он не гробственный. Кошку я туда не допускаю.

Елисей неуверенно заглянул за старинный, с растрескавшимися фанерными боками шкаф, и ничего не увидев конкретного, вопрошающе и с укоризной посмотрел на хозяйку, словно сказал, что такие шутки неуместны:

— И что дальше?

— Под хламом покоится рогожный куль. Давно покоится. Доставайте его. В нём икона.

Елисей отодвинул кровать и принялся молча и аккуратно, чтобы не пылить, убирать тряпье и бумаги, складывать их рядом со шкафом. Когда же увидел объёмный пакет, перевязанный крест-накрест пыльной бечевой, и начал извлекать его, Мария Петровна предостерегла:

— Поаккуратнее, поаккуратнее, ради Бога...

Пакет оказался почти в половину человеческого роста. Освобождая его от ломких рогожных лент и пыльных тряпок, Елисей пока не знал, что за икона откроется ему, но чувствовал по таинственному молчанию Жаворонковой, что это не обычная икона, а с какой-то загадкой. Аккуратно переворачивая её, Елисей по полям на лицевой стороне и шпону на тыльной понял, что она старинная. И действительно, когда освободил, увидел почерневшие лики. По ним легко определил икону Божией Матери «Благовещение Пресвятой Богородицы». Вот же Дева Мария, а рядом с ней Архангел Гавриил! Правда, икона слегка треснула посередине и требовала реставрации, но и в таком виде казалась чудом.

— Откуда она у вас? Ведь это престольная храмовая икона! — спросил Елисей, удивлённо рассматривая лики.

— Сохранила вот. Она из нашего храма. Дождалась своего часа, слава Богу! А я дождала до этого благодатного случая! — и вновь заплакала, заслезилась.

— Беда мне с вами! — вздохнул Елисей, вытирая руки о полотенце, и попросил Варвару, тоже в изумлении склонившуюся над иконой: — Подай, пожалуйста, хозяйке воды!

Варвара принесла бокал воды, Жаворонкова смочила губы, вздохнула, тревожно поглядывая на гостей.

— Ну и как же эта икона оказалась у вас? — повторно спросил Елисей, а Мария Петровна промокнула глаза, вздохнула.

— Икона эта действительно из нашего храма, а досталась от моей матушки, я-то лишь хранила её всю жизнь, дожидаясь момента, когда можно будет передать в надёжные руки, — сказала она, как повинилась.

— А каким образом оказалась у вашей мамы?

— Когда начали глумиться над храмом — снесли надвратную колокольню, стену проломили и начали выбрасывать утварь, — тогда мама и спасла икону, припрятала, долгое время держала на чердаке, а в войну, когда крыша стал протекать, нашла сухое место в доме. Крышу потом починили, а икона с тех пор так и хранилась за шкафом.

— Петровна, чего же ты раньше-то молчала? — укорила Варвара, но её возгласа хозяйка словно не слышала, но ответила, не поднимая глаз:

— Чего же буду языком-то зазря трепать. Ко мне уж сколь раз лихие люди приходили, интересовались иконами, да только я всякий раз выпроваживала их: мол, какие такие иконы? Те, что на божнице? Так они из картонок. У меня даже лампадки к ним нет! Поэтому и тебе, Варвара, не говорила, прости уж за это. Боялось, где-нибудь ненароком проговоришься, и слух пойдёт. Помнишь, был случай, когда бабушке Иониной в слободе по голове надукали, а иконы все вывезли. Так что, прости ещё раз. Конечно, были бы детки, то им обо всём поведала бы, но я девушка, и поэтому у меня нет такого счастья, а Архангел Гавриил не удосужился сообщить благую весть! — Жаворонкова улыбнулась собственной шутке, но по всему чувствовалось, что улыбалась она не от этого, а от сегодняшнего замечательного события, о котором давно мечтала, и вот успела лицезреть его, дождалась, и теперь безмерно радовалась неповторимому случаю.

Варвара ничего не сказала, шмыгнула носом, как обиженная девчонка, а Жаворонкова продолжала говорить, спешила высказаться перед верными людьми:

— Мама-то моя представилась после войны, а перед смертью указала на икону и заклонила сохранить её до лучших времён. Долго я ждала, и вот дождалась, когда отношение к религии изменилось. Думала, вот-вот начнут восстанавливать храмы. Ведь у нас, в Свибле, помимо Благовещенского, были и иные. Собор Казанской Божией Матери чего стоил! Но снесли все под корень. Только и уцелел, и то наполовину, наш Благовещенский, когда решили из него клуб сделать. А ведь в этот храм моя мама гимназисткой на службы ходила. Прогимназия-то рядом стояла. Её, ставшей при советской власти школой-десятилеткой, тоже снесли, не так уж и давно, а кирпичики с холма раскатали на монастырском спуске... — Она вздохнула, перевела дух и замолчала.

— Ну а далее-то как развивались события? — не сразу спросил Елисей, не желая торопить хозяйку.

— Ну вот, когда пришло новое время, а ничего не изменилось, я и приуныла. Думала, что так и не пригодится нашему храму икона, хотела в слободскую церковь передать, а тут Варвара весточку принесла о том, что начали строить новый Дворец культуры, а старый со временем собираются вернуть церкви... Но слухи так и оставались слухами, и долгое время вновь ничего не менялось, а нынешней весной неожиданно батюшка прибыл в храм... то есть вы... Помнишь, Варя, как мы радовались?

— Помню, помню. Как же не радоваться-то, хотя про икону я ничего не знала. Надо бы тогда сразу и передать!

— Не хотелось спешить... Там же стройка, пыль, с места на место начнут переставлять, не дай Бог, повредили бы. А у меня ей спокойнее. Даже если и померла — всё равно нашли бы свои. А теперь самое время, чтобы передать икону в надёжные руки. Пусть она вновь дарит прихожанам радость и награждает их благами вестями. Так что, батюшка, принимайте её. А ты, Варвара, помоги завернуть. Возьми в шкаф тканевое одеяло, упакуйте икону, а после пусть батюшка руки от пыли отмоет и чаю с нами попьёт ради такого сказочного случая! Но сперва хлам на улицу вынеси — не в пыли же сидеть.

— Тогда уж и за шкафом надо убрать — чего же откладывать. — Варвара начала уборку и потихоньку ворчала, будто для себя: — А я-то думала, чего это она за шкафом убираться не разрешает? Вот голова-то премудрая!

— Уберись, милая, теперь уберись, — не обращая внимания на ворчание Варвары или не слыша его, попросила Мария Петровна.

Пока гостя вжикала за шкафом шваброй и мыла полы, Елисей слушал хозяйку, и, казалось, каждое слово из её торопливого монолога являлось важным и поучительным. Даже управившаяся с делами Варвара не смогла отвлечь, когда помыла руки из умывальника и дала чистое полотенце Елисею.

За чаем Мария Петровна успокоилась, говорила ровнее, и лишь раскрасневшиеся от поднявшегося давления щёки выдавали недавнее волнение. Но даже в этот момент она выглядела именинницей, когда многолетнее ожидание завершилось для неё незабываемым праздником. Может, поэтому она говорила и говорила, и не нашлось бы в этот момент сил, какие могли её остановить. Елисей слушал, не перебивая, лишь иногда что-то уточнял, но даже и он, терпеливый, в какой-то момент дал сигнал Варваре, что, мол, пора расставаться, дать возможность Жаворонковой успокоиться и отдохнуть.

Когда поднялись из-за стола, хозяйка вновь прослезилась, начала благодарить Елисея:

— Спасибо вам, батюшка, за всё. А в гору-то не стремитесь, нижней дорогой обойдите — как раз к храму выйдете, а то, не дай Бог, сверзитесь и икону повредите — на улице-то сколезь невозможная. Ну, с Богом, с Богом!

Расставшись с хозяйкой, Елисей вспомнил, что так и не поговорили о певчих, не посмотрел тексты, но разговор о них, заведи он его, казался бы мелким и необязательным в этой необычной ситуации. Даже лишним.

«В следующий раз обязательно поговорю. Будет прекрасный повод встретиться!» — решил он, несколько не огорчившись.

20

После ухода гостей Жаворонкова почувствовала себя неважно. Сперва даже не поняла, что изменилось, почему сделалась иной, сама себе непонятной. Ведь радость великая должна расцвести в душе оттого, что произошло сегодня, но в ней почему-то поселилось опустошение, будто потеряла то, чего теперь никогда не вернёшь. Она опасалась думать об иконе, но это было так. Пока икона хранилась у неё, жизнь казалась обычной, хотелось и далее скрывать свою тайну, но, оказывается, теперь её нет. Мечтала расстаться, передать в надёжные руки, а когда это случилось — загоревала от осознания того, что не могла теперь в любую минуту прикоснуться к заветной иконе, зная, что к ней прикасались руки матери. И пусть последние лет пять не видела её воочию, тем не менее она находилась рядом, только руку протяни — и пожалуйста: доставай и смотри, радуйся. А теперь неизвестно, когда и как попадёт в храм, если дальше крыльца сама никуда не ходит, — лишь Богу известно.

Вся радость, что хотя бы «ходунки» есть. Поставит она их перед собой, шажок-другой сделает, переставит — и опять шажок-другой. Если погода тихая, выберется на крыльцо, полчаса подышит вольным воздухом — ей и этого хватало, чтобы почувствовать себя равной иным людям, считавшим её затворницей, и, наверное, никто не думал, что она стала затворница поневоле.

Вчера-то Жаворонкова не смогла отправиться в поход из-за усталости, а сегодня отважилась. Тем более что за ночь голова перестала гудеть, и солнце за окном светилось по-вчерашнему, радостные синички через стекло заглядывали, будто вызывали. Оделась потеплей, и потихоньку-помаленьку добралась до крыльца. Кошечка рядом: не отстаёт, но и не обго-

няет. Постелила Мария Петровна кусок поролона на лавочку, чтобы не примёрзнуть, сидит, радуется. А на улице-то красота: тихо, морозно. Солнце не греет, но кажется тёплым — душа согревается от него. Прохожих почти не видно — не прежние времена — но всё равно кто-то нет-нет да промелькнёт, а если знакомый появится, то и вовсе на душе радость. Правда, сверстники-то давно подобрались, а тех, кто помоложе, Мария Петровна знала через одного. К тому ж, много переселенцев появилось в последние годы: кто на квартирах жил, кто занимал пустующие дома родственников, а квартиры в больших городах сдавал. Так что мало-помалу и в Свибле народ шевелился — не всем же в столицах жить.

Жаворонкову знали, конечно, все. Иногда, посмеиваясь, называли её «скульптором» за пристрастие к лепке. А чего же не лепить, когда глины вокруг усадьбы вдоволь — только копни. Вот только все скульптурки у Жаворонковой на одно лицо. Если девушка, то в платочке и длинном платьице, если парень, то в матросской бескозырке и в широких штанишках. Почему в бескозырке — никто не знал, а сама она никому не рассказывала, не называла причину своего чудачества, как это виделось многим. И никогда не расскажет, потому что это не для чужих ушей. Даже перед Варварой ни разу не обмолвилась о своей девичьей любви — чего попусту душу огорчать, если ничего не изменится. Да и интересно ли это кому-то, как она в начале пятидесятых ждала своего Никиту. Служили на флоте тогда четыре года, и всё это долгое время молодая и румяная Маша, работавшая в ту пору в больнице санитаркой, дожидалась своего моряка-водолаза. Иногда ходила в гости к его родителям. Матери у Маши к тому времени уж не было, и родители Никиты считали её своей дочкой, даже предлагали жить у них. Но она никогда на такое не согласилась бы. Вот демобилизуется Никита, сыграют они свадьбу, тогда можно снохой стать. Ведь до его отправки на флот у них, кроме нескольких поцелуев, ничего не было особенного, они и не думали ни о чём таком, от чего могли пойти по Свибле кривотолки. Упаси Господь от такой славы. Но не дождалась она жениха. Всего полгода. Привезли его из Мурманска в закрытом гробу, и командир, сопровождавший Никиту в последний путь на родину, сказал, что погиб он геройски, при исполнении воинского долга — какой-то клапан в его скафандре то ли не закрылся, то ли не открылся на большой глубине. Маша тогда не запомнила, что именно произошло, да и какая особая разница — от чего именно он погиб. Отрыдав на похоронах, Мария замкнулась: только работа и дом. Не сразу познакомилась с Варвариной матерью, сдружилась, нашла в её сло-

вах утешение. Вместе в слободскую церковь ходили, потом вместе начали читать псалтырь. Так и бежал год за годом. О себе она в ту пору не думала, лишь хранила память о Никите да пристрастилась лепить фигурки жениха и невесты. И никто не догадывался, что лепила она себя и Никиту. Если к фигуркам привыкала, лепила новые, и всякий раз они получались у неё разными, но обязательно выглядели молодыми. Она-то знала, на кого они похожи. Ведь Никита с тех пор не изменился. Да и она с ним заодно, оставаясь в душе молодой. Так и текло время: то замедляясь, то ускоряясь, а с годами оно так и вовсе помчалось без оглядки.

Правда, в последние годы Мария Петровна глину копать сама не могла, а просить Варвару совестно. И без того, можно сказать, на шее у неё тяжёлым хомутом повисла. Сколько раз просила отправить в интернат — она ни в какую: «Пока жива, не допущу!» А каково ей почти каждый день мотаться на Нагорную из пятиэтажек, особенно последние год-два. Поэтому отговаривала, а та своё твердит: «Мне на тебя, Петровна, Бог силы даёт. Закалённой я становлюсь на старости лет. Катай меня — не раскатаешь, ни за что не поддамся!» Поэтому приходится надеяться только на неё. Прежде-то в одно время приходила, а теперь, когда начали храм восстанавливать, урывками забегала — некогда, мол, всё на бегу да на бегу. Продуктов принесёт и далее спешит-торопится, даже чаю не попьёт. Вот и сегодня собиралась прийти, обещала заказ выполнить: недорогих яблок принести. Сезонными называются. А Мария Петровна не понимала, почему именно так называются — новый сорт, что ли, какой?! Но по деньгам недорого, и на вкус неплохие, только кожуру надо срезать и на тёрке потереть. А к яблочкам крупы овсяной обещала, гречи, масла духовитого. Хотя и пост идёт, но Жаворонкова нет-нет да иногда баловала себя маслицем. Так что без Варвары — никуда. А ныне так и вовсе ждала её по-особому — решила попросить лампадку зажечь. В прежние-то годы Варвара за ней всегда следила, а теперь не до этого. Везде успеть надо. Поэтому Жаворонкова и не надоедает особенно: зажжёт Варвара лампадку — хорошо, не сподобится — всё равно обиды не будет.

Пока Мария Петровна размышляла, прикрыв глаза, услышала неподалёку то ли треск, то ли стук непонятный. Повернулась да присмотрелась, а это Зельцов с её городьбы проволочку сдирает.

— Ты что же, мошенник, придумал-то? Совесть-то есть у тебя — на хозяйских глазах воруешь?! — шумнула она на него.

— А чего ты не дома-то, баб Мань! Простынешь ведь, заболеешь, не дай Бог! Что тогда с тобой делать? Теперь медицина-то не особо расположена к старикам.

— Ты мне зубы-то не заговаривай — их давно нет.

— Да ладно тебе, баб Мань. Проволока чуть ли не в палец толщиной, зачем тебе такая, чего охранять-то. А я её в дело пушу. Вместо неё лёгкую и колючую повешу — любого двурукого ежа остановит.

— От тебя, малый, дождёшься. Это отец твой отзывчивым был, о чём ни попросишь — никогда не отказывал.

— Он у меня по столярному делу — стружку гнал, а я с металлом работаю. Чуешь разницу, баб Мань?

Зельцов говорить-то говорил, но дело делал — скручивал и скручивал проволоку в моток, зная, что Жаворонкова ничего с ним не сделает. За разговорами не заметил, как появилась Варвара, и застыл; увидев её, невольно спросил:

— Ты зачем здесь? В храме ведь должна быть?!

— А ну разматывай, если не хочешь, чтобы скандал подняла. Ты что вытворяешь-то, паразит? Или опять твоей Елизавете пожаловаться? Или, может, в полицию заявить?

— Заявляй! Ещё неизвестно, как эта проволока у Жаворонковой оказалась? Может, вы её на заводе стянули?

— Я тебе, негодный человечиска, сейчас последние волосёнки выдеру за такие слова! — подступила Варвара к Зельцову и взялась за телефон. — Полиция? Подъезжайте на Нагорную, тут один ухарь в дом к престарелой бабушке залез. Добро выносит..

— Ха-ха-ха! — усмехнулся Николай. — Хотя бы для вида включила «трубу», а то вхолостую языком-то болтаешь.

Варвара начала оглядываться, ища какую-нибудь палку, чтобы огреть Зельцова, и даже нашла, подхватив кособокую штакетину, а тот сразу бросил проволоку, сказал, поспешно удаляясь:

— Подавитесь..

— Не связывайся с ним, Варя, побереги нервы, — попросила Мария Петровна.

— Да от него вся Свибла стонет, и никто не найдёт на него управу.. Ладно, чего о нём языком молоть. Сама-то давно сидишь? Замёрзла, наверное?

— Да разве замёрзнешь, если головой приходится туда-сюда вертеть, дом охранять, — улыбнулась Жаворонкова, радуясь приходу Варвары.

— Пойдём. Печку топить надо, а то и без того я задержалась.

Они потихоньку да помаленьку ушли с крыльца, а в доме Варвара сразу начала разжигать дрова, а когда они разгоре-

лись, поставила на конфорку кастрюльку с водой — варить овсянку. У Марии Петровны своя забота: осторожно опустилась в кресло и принялась отогревать дыханием настывшие руки. Когда немного отогрела, окликнула:

— Варя, у меня ещё просьба есть: посмотри, пожалуйста, лампадку! Давно пора возжечь её. Время пришло.

— Масло-то горное имеется?

— На божнице, помню, склянка стояла.

Поставив стул, и второй рядом, Варвара осторожно заглянула на божницу, очистила фитиль лампадки, долила в неё масло. Когда огонёк разгорелся, Жаворонкова вздохнула:

— Ой, как на душе тепло-то стало. Благодарь! Аккуратнее спускайся, дорогая моя. Чего бы без тебя делала — ума не приложу!

Пока Варвара хлопотала, устраивая кашу и кипятя чай, Жаворонкова попросила:

— Сама-то поешь... А то избегалась вся.

— Сейчас такое время — храм вот-вот будут освящать. Некогда на месте сидеть.

Она разлила жидкую кашу по тарелкам, подала ложку хозяйке, себе взяла.

— Маслом-то полей! — позаботилась хозяйка.

— Не могу — Пост.

— Тогда и я не буду баловаться.

— Тебе-то можно...

Жаворонкова замолчала, собираясь с мыслями, а потом сказала, побоявшись посмотреть Варваре в глаза:

— Есть у меня ещё одна задумка.

— Это какая же?!

— Дом на тебя отписать. Старая совсем стала, помру, а дом потом не знам кому отойдёт. Хотя и небогатый он, а всё равно чего же разбрасываться.

— Я-то при чём?

— Продашь. Лишняя копейка не помешает.

— Не надо мне чужого: и не бедствую, и крыша над головой имеется.

— В пятиэтажке-то... Что это за крыша — сплошь скворечники. Один на другом. А этот дом за дачу будешь держать. Дети приедут — пожалуйста, отдыхайте — река-то рядом. Какая летом благодать. Опять же: какую-нито грядочку посадишь, свои-ские помидорчики с огурчиками будешь иметь. Земли пусть четыре сотки, но много-то тебе зачем. Этого как раз хватит.

Варвара вздохнула:

— Зельцов всё повыдёрживает... Но и не это главное. Нет, дорогая Мария Петровна, не возьму я на себя такую заботу.

А вот батюшке нашему жильё не помешает, если уж ты решаешься на это.

— Конечно, решаюсь. Сама знаешь, что нет у меня никого из близких. Есть, правда, где-то внучатый племянник, но нужна ли ему моя хибара? Да и жив ли. Уж лет двадцать ни слуху ни духу.

— Никогда не говорила о нём...

— А чего говорить, если он знать меня не знает, родился далеко от наших мест, и ему Свибла без надобности. Мне, конечно, радостнее всего сделать именно для тебя доброе дело, отблагодарить за все хлопоты, но если упрямишься, тогда пусть Елисею всё достаётся. Чего же ему по чужим углам скитаться.

— Завтра так и скажу ему.

— Нет-нет-нет — это совершенно ни к чему. Он тоже не хуже тебя, заупрямится, а что мне тогда делать? На коленях упрашивать? Не согнусь, сама знаешь. Так что ничего не говори. Да и помирать я пока не собираюсь. Но дело это надо довести до конца: когда Господь призовет к себе, то вам меньше хлопот будет.

— Ты прямо как по книжке говоришь.

— Чего же... Забота-то известная.

— Ну и что мне делать?

— Ничего особенного. Как-нибудь зайди в контору юридическую да попроси нотариуса прийти ко мне. Только заранее день обговори с ним. И тогда либо с ним придешь, либо оставишь дверь незапертой и предупредишь его. Я всё оплачу, тебе по этому поводу переживать не надо.

— Твёрдо решила?

— Твёрже не бывает. Так что как-нибудь зайди попутно. Но потом на меня не обижайся.

— О чём ты, Петровна! Я что, ничего не понимаю? Сама об этом подумываю. Хотя квартира у меня приватизирована, но, говорят, с дарственной хлопот детям меньше будет, — вздохнула Варвара.

— Не вздыхай. Всё идёт чередом. Главное, чтобы свой черёд не перепутать.

Варвара хотела что-то сказать, но промолчала, лишь обняла хозяйку и долго стояла подле, чувствуя, как она дрожит.

В какой-то момент, когда основные приготовления к освящению храма были завершены, Елисей даже немного растерялся, не зная, к какому празднику приурочить это вели-

кое действо. Хотелось бы провести его седьмого апреля — на престольный храмовый праздник, но этого числа долго ждать, а без освящения невозможно вести канонические службы, оставляя тем самым прихожан почти на полгода без духовного окормления. А ведь они так стремятся к этому, ждут неповторимых благостных дней.

Вроде бы всё обдумав, посоветовавшись с благочинным, Елисей составил прошение на имя митрополита и решил лично отвезти ему, а перед этим созвонился с канцелярией епархии. Сразу ему ничего не ответили, попросили позвонить через два-три дня, чтобы согласовать дату и время встречи с митрополитом. Елисей позвонил через три дня, и ему назначили встречу лишь на конец января, после праздников Рождества и Крещения. Он слегка расстроился после подобного сообщения, но воспринял его как должное и постарался смирить собственное нетерпение и, не теряя времени, продолжать подготовку.

Этим ожиданием удачно воспользовались певчие. Они теперь стали приходить на репетиции в храм, ведь им, может, будет сложнее всего и ответственнее. Елисей расписал с ними порядок богослужений, подсказывал, напоминал, когда и что петь, даже делал проходы по храму, обращался к мнимым прихожанам, пытаясь воссоздать атмосферу настоящей службы. Ему в эти дни было важно приобщить певчих-новичков к церковной атмосфере, помочь понять сложный для непосвящённого человека ход песнопений. Был бы кто с подобным опытом, они бы скорее прониклись творческим состоянием, которое помогло бы им соединить свои сердца со словами тропарей и кондаков. Жалко, что бабушка Жаворонкова не могла прийти и на собственном примере что-то показать, хотя её домашние занятия пошли на пользу, и певчие достаточно легко разбирались в песнопениях. И здесь отличилась старшеклассница Вероника — высоконькая, тихая, даже пугливая на вид, но в делах оказавшаяся очень и очень решительной: посмотрит пристально сквозь очки — и никуда от её взгляда не деться, а если чего необходимо добиться — обязательно добьётся. Радовало, что она охотно перенимала опыт церковного служения, запоминала его, и можно было надеяться, что со временем станет способной нести в своей душе православие и щедро делиться приобретёнными знаниями и навыками. Она, как и все теперешние молодые, с компьютером на «ты», поэтому нашла в интернете и распечатала необходимые песнопения, ибо листы с копиями нот и текстов, доставшиеся по наследству от Марии Петровны, оказались почти «слепыми».

Глядя на певчих, и Елисей исподволь готовился: привёл в порядок облачения, иногда в послеобеденное время, когда должна бы идти служба, он на короткое время «включал» звонницу и тотчас выключал её, чтобы не смущать горожан, — всё же не терпелось удостовериться в её исправности; он по-прежнему не доверял электронному звону, казалось, что в самый неподходящий момент освящения храма компьютер может взбунтоваться, и что тогда делать — совершенно неведомо.

После Рождества, которое Елисей встретил с наиболее верными прихожанами, все радовались, что служба в храме всё-таки состоялась, пусть и без Крестного хода, многим она была в радость, и теперь ждали, когда же она будет идти по полному уставу. И Елисей ждал, и это ожидание, казалось, более добавляло тревоги и волнений, чем радости, хотя и проводилось с пользой.

Но и радость вскоре пришла, пусть и неожиданная, можно сказать попутная, когда на четвёртый день Рождества он повстречал неподалёку от храма школьниц-близняшек в одинаковых сиреневых куртках, вязаных белых шапочках; даже соломенного цвета завитушки выглядывали из-под шапочек одинаково. Думал, как обычно, поздороваются и промелькнут мимо, а сейчас задержались и, стесняясь, остановились подле. Не глядя в глаза, одна из них пугливо сказала:

— Батюшка, здравствуйте! Мы хотели спросить: можно нам в церковь приходиться?

— Это никому не возбраняется, но дети ходят вместе с родителями. Вы в каком классе учитесь?

— В шестом.

— Рановато вам одним. Приходите с мамой.

— Она работает, некогда ей. И папка не хочет её отпускать.

— А желание такое у неё и у вас имеется?

— Мы-то хотим.

— Вот и прекрасно. В выходной можно прийти всем вместе. И папку своего зовите.

— Ну, тогда мы скажем маме.

— Скажите, что батюшка Елисей всегда рад видеть всех. Приходите на освящение храма. Оно состоится в скором времени!

— Спасибо, батюшка. Так маме и передадим! — улыбнулась девчушка, и было видно, как радостно она посмотрела на стеснительную сестру, словно добилась чего-то невероятного.

Они заторопились далее, поправляя ранцы за спиной, а Елисей только-только спохватился, что не успел спросить, как их зовут, но останавливать не стал: со временем узнает.

Если подошли, обратились, значит, не просто так, значит, в душах их родилась маленькая светлая звёздочка, возгоревшаяся в Рождественские дни.

Когда же закончилась праздничная неделя, неожиданно позвонили из канцелярии епархии и сообщили, что митрополит прибудет на освящение храма в канун Праздника Крещения Господня. С ним также прибудет диакон для помощи ведения службы. Сообщили, что к этому дню надо подготовиться подобающим образом к приёму почётных гостей, кто много отдал трудов и внимания на восстановления храма.

После звонка Елисей не успел одуматься, как ещё один звонок — от благочинного. Отец Степан почти слово в слово повторил, что сообщили из епархии, и обещал в самое ближайшее время ознакомиться с подготовкой к освящению. И долго ждать себя не заставил. Не прошло и часа, как он появился в храме необыкновенно взволнованный, раскрасневшийся не то с мороза, не то от волнения, свалившегося на него неожиданно, отчего его губы выделялись бордовой мокрой розой в пушистой чёрной бороде. Он проверил и оценил то, что сделано, спросил о певчих, о звоннице, о водосвятии, предложил срочно доставить подобающие сосуды, так как в храме у Елисея их не оказалось.

С отбытием благочинного Елисей позвонил Варваре, попросил съездить в храм к отцу Степану и доставить сосуд для водосвятия, но она неожиданно не согласилась.

— Сейчас это невозможно. Надо идти бабушку Жаворонкову обмывать... Отошла к Господу Богу сегодняшней ночью... Вчера заходила к ней — бодрая была, а сегодня заглянула — холодная в кресле сидит, голову склонила.

— Упокой, Господи, её душу... — растерялся Елисей. — Тогда занимайся усопшей, а к отцу Степану пошли иных прихожан. Скажи, пусть наймут машину — я оплачу.

Весть о кончине Жаворонкой показалось Елисею несправедливой во всех отношениях. Ведь Мария Петровна так ждала того часа, когда храм осветят, когда сбудется её многолетняя мечта, и престольная икона Благовещение Пресвятой Богородицы займёт полагающееся ей место. И все, кто будет приходить на молитвы, будут знать, что икона эта не простая, а имеющая собственное испытание временем. Конечно, пожелание и многолетнее ожидание хранительницы непременно сбудется, кроме одного: сама Жаворонкова об этом не узнает и не убедится воочию, хотя и жила всё последнее время этой мыслью и надеждой. Даже, как рассказывала Варвара, заранее узнала, как заказать такси в нужный день, чтобы отвезли её на освящение и привезли. И вот оста-

валась самая малость — самой побывать в храме, принять участие в освящении и помолиться на заветный образ, но не судьба. И это казалось очень и очень обидным делом, но ни от кого не зависящим. Он даже хотел перезвонить Варваре и переспросить о Жаворонковой, потому что всё ещё не верилось в скорбное сообщение, как подчас не верится в самое непостижимое событие.

А ещё Елисей вспомнил и подумал о том, что она ждала повторной встречи с ним, хотела договорить то, что, быть может, не успела высказать при первой встрече. У него же дела, заботы, но даже и они не оправдывали поспешного равнодушия, и даже не равнодушия, нет, а повседневной непрестанной суеты, когда большие дела заслоняют малые, которые можно выполнять без особенных на то усилий, но на них всегда не хватало времени. Что для него казалось несущественным из-за навалившихся забот, для Марии Петровны, быть может, являлось самым главным в жизни. Надо было всё бросить и пойти поговорить, но не успел, не переговорил, опоздал. И от этого упущения теперь навсегда останется на душе заноза, которую никогда не выдернешь.

К вечеру Варвара вновь позвонила, сообщила новость, от которой Елисею стало не по себе.

— Батюшка, такое дело прояснилось, — сказала Варвара и замолчала.

— Ну, говори же, говори — времени нет.

— Тут такое дело... — продолжала староста. — На столе в спальне у Марии Петровны лежала Библия, а в ней я обнаружила бумагу, в которой она отписала вам свой дом... — сказала столь удивлённо, будто только узнала о завещании. — И денег шестьдесят две тысячи. В записке просит передать их на храм.

— Это, конечно, не возбраняется, но ведь надо организовать похороны, поминки. Так что держи их у себя, распоряджайся по мере надобности, а после разберёмся. А ты ничего не напутала? — всё-таки засомневался Елисей.

— Чего же я — совсем, что ли... И бумага настоящая, заверенная нотариусом и с печатью. На ваше имя. Так и указано: Ковшов Елисей Иванович... Ничего не вижу удивительного в таком поступке: детей-то у неё нет, и о дальних родственниках давно ничего не слышно. Только вы остались у неё в душе. Она вот и в записке сообщила, что, мол, поступила обдуманно, и хочет сделать храму подарок. А уж как им распорядятся — её мало интересует. Так что теперь у вас, батюшка, будет постоянное жильё, перестанете скитаться. А то, когда вы жили в пристройке, у меня сердце кровью обливалось

— Она как знала о своей кончине.

— Ну, знать, может, и не знала, но предчувствовала. Ведь бывает так, что человек живёт в ожидании чего-то важного для себя, и как только это важное случается, то и сил не остаётся жить — все они израсходовались без остатка.

— Вы хоть врача-то вызывали?

— Вызывали. И скорую, и полицию. Они всё осмотрели, оформили как полагается и увезли тело в морг, хотя мы и противились.

— Ладно, сохрани бумагу, поговорим об этом после праздника. А сейчас оповести прихожан, пусть подготовят всё подобающим образом для похорон, — торопливо, как об обыденном, сказал Елисей.

Два дня Мария Петровна напоминала о себя, терзая душу Елисею, словно оставалась живой и пребывала в ожидании. Он, помнится, так не убивался по отцу, хотя и с тем не удалось напоследок поговорить открыто, по-родственному, но здесь был другой, непохожий случай. Получалось, что после всего лишь одной встречи и недолгого разговора незнакомая женщина стала ближе ближнего.

Похоронили Жаворонкову, как и полагается, на третий день. Отпевали её в слободской церкви, а Елисей отслужил молебен на кладбище. Потом побывал на поминках, но недолго, так как надо было готовиться вместе с благочинным к завтрашнему освящению храма: отведал кутьи, съел блин с мёдом и выпил стакан компота. Неожиданно поминки оказались людными, или это так показалось из-за тесноты. Большинство из собравшихся — пожилые женщины, но были и мужчины: Елисей знал лишь одного — как-то после Покрова приходил помогать убираться около храма. Поэтому, заметив, как они опрокидывают стаканчик за стаканчиком, поминая новопреставленную, уловив момент, Елисей вышел из-за стола, покрестился, а потом тихо спросил у Варвары:

— Кто они, эти мужчины?

— Соседи, некоторые из нашей общины, почти все пенсионеры.

Ковшов нерадостно усмехнулся, подумал: «Только Зельцова не хватает!» — но ничего не сказал по этому поводу, а в душе даже укорил себя, торопливо подумав: «Поминки — богоугодное дело, а я к людям цепляюсь. Пусть и про себя». Поэтому внешне не обозначил своих мыслей, понимая, что не вправе корить пришедших помянуть Жаворонкову молитвой и добрым словом. Расставаясь с Варварой, даже стыдился смотреть на неё, словно она знала о его случайных мыслях.

Когда же Варвара спросила:

— Батюшка, а можно ли отдать вам ключи от дома Жаворонковой, завещание и оставшиеся деньги?

— Пусть всё хранится у тебя, — сказал он поспешно, буд-то остерегался иного вопроса.

22

День перед Крещенским сочельником выдался в Свибле морозным, ветреным. Ещё задолго до рассвета Елисей вместе с благочинным совершали последние приготовления к церемонии торжественного освящения храма Благовещения Пресвятой Богородицы. Елисею казалось, что этот день пришёл неожиданно, как всегда бывает, когда очень ждёшь какого-то события. Его ждёшь, а оно не приходит и не приходит, томит ожиданием, и ожидание это длится вечность. Но вот просыпаетесь в одно прекрасное морозное утро и понимаешь, что этот день наступил. Примерно такое же чувство было и у Елисея, и подтверждено оно было предпраздничной суетой.

В храме собрались священники местного благочиния, несколько диаконов, одного из которых Елисей заранее научил пользоваться «компьютерным» колокольным звоном. Были и представители администрации, во главе с выделявшимся подвижностью Ильёй Леонидовичем, создававшим впечатление чуть ли не главного человека в намечавшейся церемонии. Хотя совсем уж главным хотел казаться Антон Михайлович, тот самый лесничий, сотрудничеством с которым у Елисея началось послушание по восстановлению храма. С того времени он забылся, но, видимо узнав о скором освящении храма, сам не раз и не два напоминал о себе в последние дни, чуть ли не замучил телефонными звонками, прямо заявляя, что является давним сподвижником главы, и поэтому просто обязан быть в такой благословенный день с ним рядом. Лесничий, конечно, верно рассчитал, зная, что Елисей не станет проверять его слова у Ильи Леонидовича. Елисей всё это прекрасно понимал, и настроения это не добавляло.

— Приходите, обязательно приходите, уважаемый Антон Михайлович! Двери храма будут открыты для всех.

Но тому не хотелось быть одним из многих, хотелось персонального приглашения. И когда он уж совсем надоел и начал выводить из душевного равновесия, то Елисей через силу сказал:

— Считайте, уважаемый Антон Михайлович, что вы мною приглашены официально! — Хотел добавить: «Вы это доби-вались?!», но, понятно, сдержался.

— Прекрасно! Премного вам благодарен, батюшка, всегда открыт для сотрудничества!

Елисею казалось, что в завершении полезного для себя разговора лесничий непременно крикнет победное «Ура!», или ещё предпримет что-то уж совсем необычное, но, слава Богу, обошлось. Но зато теперь, в этот благословенный день, когда необходимо забыть всё суетное, проявлял себя в силу своих замечательных способностей и всячески охаживал главу администрации, вертясь вокруг него масляным колобком.

Возможно, глядя на него, и местные депутаты реально напомнили, что они вместе с Ильёй Леонидовичем, вместе с народом. Вскоре появившиеся телевизионщики и газетчики едва успевали включать телекамеры и диктофоны то перед одним приглашённым, то перед другим, и приглушённо о чём-то спрашивали.

Как и обещал, прибыл брат Фёдор, встал в сторонке. Его прибытие особенно обрадовало Елисея, хотя, представ воочию, Фёдор сразу предупредил, чтобы его имя нигде не упоминалось, а то журналисты потом воспоют его меценатские способности на всю страну, а ему это не надо.

В суете и в непонятном, нецерковном движении все ждали митрополита и осматривали храм, вспоминали, как он выглядел до восстановления, и удивлялись тому, с каким похвальным прилежанием был восстановлен и сколько же на всё это ушло денег. Это почему-то волновало более всего, а особенно лесничего. Все спрашивали у Ковшова цену этой красоты, но он лишь отмахивался или шуточно говорил, что красота и вера бесценны.

Елисея по-настоящему волновало совсем иное, даже не визит митрополита: обещал — придёт, а вот возможное появление Николая могло всё непоправимо испортить. Хотя в отделе полиции обещали прислать наряд, но что бы он мог сделать с бессовестным горлопаном, от которого можно ждать что угодно в самый ответственный момент: ведь рот-то не заткнёшь ему. Вывести из храма — и не более того, но это слабое для него наказание. Елисей даже невольно разглядывал собравшихся прихожан, отыскивая глазами Зельцова. Не обнаружив его, он вдруг увидел школьниц-близняшек, узнал их по сиреневым курткам. Только вместо белых шапочек на их головы были накинута сиреневые же лёгкие платочки, такие же, как и у стоящей рядом с ними молодой женщины, видимо, их мамы. И все они были удивительно похожи одна на другую: и мама, и её дочери. Елисей исподволь посматривал на них и радовался, вспоминая недавний разговор со школьницами. В какой-то момент он упустил их из виду, но зная, что они здесь, в храме, спокойнее стал относиться к всеобщей суете, попытался собрать воедино разбегающиеся мысли.

Когда же прибыл митрополит в сопровождении братии на двух машинах, то здесь уж было не до рассуждений. Особенно с началом торжественного молебна, когда с колокольни на всю Свиблу разнёсся мелодичный праздничный трезвон. Даже прислуживая митрополиту, Елисей внимал доносившейся с небес переключке колоколов, отчётливо слышимой во храме. Они создавали особую, удивительную атмосферу праздника, пришедшего в обновленные стены храма, создавали на лицах и в душах умиление, а вместе с ним благодное расположение духа. Казалось, прихожане не замечали длительности службы и легко дождались благословения митрополита, в праздничном белом одеянии выглядевшего торжественно и значимо, сказавшего по окончании благословения:

— Благодарен всем, кто помогал материально, всем, кто восстанавливал этот храм, всем, кто сегодня прибыл сюда. Призываю благословение Божие на всех вас и призываю ходить в храм со всеми своими печальями и радостями. И всегда помнить, что Господь даёт то, что мы просим — просите, и вам воздастся, стучите и вам откроют. Главное, всегда действовать и работать на пользу людям и во славу сего града.

Митрополит обошёл храм, окропляя людей и стены святой водой, и после этого произошло движение, когда из алтаря вынесли для крестного хода фонарь — символ Божественного света, разрывающий мрак греховности. За фонарём — Образ Божией Матери и запрестольный крест. Следом вышли хоругвеносцы и свеченосцы со свечами в больших подсвечниках, диаконы со свечами и кадильницами, а за ними священники. Священники несли святые иконы, напрестольные кресты. Последняя пара священников несла Евангелие и крест. За священниками шествовал архипастырь, сопровождаемый иподиаконами, ещё далее певчие и миряне.

Процессия вышла из храма под праздничный трезвон, выражавший торжество Креста Христова и огласивший окрестности со свибловского холма, далеко разнёсшийся в успокоившемся от ветра пространстве дальних заснеженных полей и чернеющих за рекой перелесков. Митрополит окропил храм, участников крестного хода и всех собравшихся свибловчан. Елисей сразу заметил среди них простоволосого Николая, застывшего недалеко от паперти с загипсованной рукой, неестественно торчащей из куртки. Сперва он отвёл взгляд, боясь услышать что-нибудь несуразное, но Николай печально и молча смотрел на крестный ход, не решаясь присоединиться к нему. Когда же Елисей встретился с Зельцовым взглядом, то не смог спокойно пройти мимо, подхватил под свободную руку, тихо сказал:

— Пошли вместе.

И тот охотно подчинился, даже, как показалось, чуть улыбнулся замёрзшими губами и влился в людское движение. Елисей не успел поговорить с ним, но, возможно, и не надо теперь никаких слов, когда человек сам пришёл, дождался, чего хотел, а, по сути, склонил голову в благодарной повинности, словно искупая свои грехи, которые вольно или невольно досаждали ему. И не осталось у Елисея обиды, недоговорённости, он благодарил Бога за представившуюся возможность изменить мнение о человеке, наверняка неплохом, но заблудшем, шедшим на поводу у своей необузданной гордыни, до сегодняшнего дня шедшим. И именно сегодня он сделал первый шаг в правильном направлении, за которым последуют следующие. Елисей теперь знал, даже был уверен, что рано или поздно Николай придёт в храм и замолит все свои грехи, не такие уж и тяжкие, очистит душу и сердце.

После крестного хода митрополит попросил Елисея высказаться по поводу сегодняшнего праздника.

— Братья и сёстры, — обратился Елисей к прихожанам, и было заметно по дрожащим губам, что он волнуется. — Очень рад, что теперь у нас есть постоянная возможность прийти в свой храм и произнести первую молитву: «Слава Богу, что я живой!» Очень рад, что сегодня мы осветили восстановленный храм, который долгие годы использовали не по назначению. Отрадно, что времена меняются. Стараниями неравнодушных людей, на их пожертвования храм восстановлен и обустроен и освящён. Мы должны помнить, что Господь благословит каждого пришедшего для обновления своей совести, ведь храм — есть лечебница, где мы исцеляем свои грехи, страсти, храм нужен для объединения людей. Молитесь, и Божия Благодать будет всегда пребывать с вами.

По окончании службы несколько машин отбыло в архиерейское подворье загородного монастыря на трапезу. Елисей, прежде чем сесть в машину к брату, вновь чуть ли не столкнулся с Николаем.

— Приходи завтра на службу — праздник ведь будет великий! — сказал он ему.

— Не, не пойду, молиться нечем! — и указал глазами на загипсованную правую руку.

Расспрашивать, что случилось с ней, было некогда, Елисей лишь повторил:

— Приходи. Посмотришь, послушаешь — и рука быстрее заживёт.

Николай что-то пробурчал, Елисей не понял, что именно, потому что его окликнул Фёдор. Хочешь не хочешь, но при-

шлось оставить Николая и поспешить в машину к брату. По пути они радостно говорили о сегодняшнем событии, обсуждали ход праздничной службы, особенно словоохотливым казался Елисей.

— Представляешь, Фёдор, мой дорогой, — мы добились своего, освящение состоялось! — сказал он, обнимая брата, мешая ему вести машину. — Мог ли я мечтать, что в столь короткий срок произойдёт это чудо. Я всё ещё не верю, что оно свершилось, что Господь не оставил, а всячески способствовал нашим заботам — и результат налицо!

— Я и представить не мог такого размаха! — удивился Фёдор. — Ведь столько людей собрал, убедил их в своей незаменимости, да так, что они чуть ли не на руках носят тебя. У тебя очевидный талант к этому!

— Перестань. Если бы не твоя помощь, то и не носили бы! — отговорился Елисей, понимая, что брат подшучивает, намекает на то, что без него ничего не было бы из того, что есть теперь, и это не понравилось. Он почувствовал себя в этот момент ни на что не способным школяром.

— Не оправдывайся. Вернусь, всё маме расскажу, хотя она и без того радуется, привет передаёт. Говорит, что хоть теперь Еля вздохнёт! Разве не так?

— Так-то, может, и так, только кто же заранее знает, как сложится дальнейшая судьба каждого из нас.

— Ну, это уж, как говорится, кто на кого учился...

— Не всегда... Бывает так, что учишься тому, что никогда не пригодится.

— Ну, это не твой случай. Ты оба своих образования используешь на все сто. Разве не так?

— Так, так...

Он отвечал ещё на какие-то вопросы, но в мыслях всякий раз возвращался к Николаю, даже и тогда, когда въезжали в ворота монастырского подворья. Думал о Зельцове и сожалел, что не успел поговорить, поддержать именно в ту минуту, когда такая поддержка ему была нужна особенно сильно. И не было сил заглушить в себе эти мысли, словно сегодняшняя встреча для того и состоялась, чтобы постоянно напоминать о том, что не имеется однозначных слов — отталкивающих или притягивающих — и каждый человек всегда может на что-то рассчитывать и надеяться. Главное, чтобы имелось к этому стремление.

23

Следующий день был днём Крещенского Сочельника, когда отслужили молебен, освятили воду в купели, стоявшей в

центре храма, а вечером прихожане разговлялись сочивом. В этот день служба шла без званных гостей, а так, как должна идти в православном храме — спокойно, размеренно, без вышешенных слов. Елисей теперь стал главным действующим лицом. Он и внешне преобразился к этому дню: постройнел в белой ризе, порозовел после того как завершился Рождественский пост. Теперь он мало походил на того доходягу, возвращавшегося с холма месяц-полтора назад, измученный мыслями о Елене. Нет, он, конечно же, не забыл её, она по-прежнему жила в его сердце, но светлый образ матушки теперь будто помогал, придавал сил, будто всё, что он творил в Свибле минувшими месяцами, творил совместно с ней — это было их общим послушанием. Он и службу вёл духоподъёмно, считая её наградой за всё, что пришлось перенести, сохранив в себе, даже укрепив веру в то, к чему был причастен последние годы. От мыслей и чувств он с непривычки даже устал к концу службы, но и усталость свою посчитал бесценным и заслуженным подарком.

А наутро пришёл праздник — Крещение Господне. Елисею, как и накануне, помогал приезжий диакон, командированный митрополитом на время торжеств. Провозглашая тропарь Крещения Господня, а затем и праздничный кондак, Елисей, слушая певчих, сумевших освоиться за последние дни, и сам чувствовал себя увереннее. Стройность их пения придавала спокойствие голосу, твёрдость движениям — всему тому, от чего он слегка отвык за последние полгода.

После литургии прихожане отправились крестным ходом на Свиблу, к Иордани — заранее приготовленной проруби в форме креста. Рядом с Иорданью укрепили аналой и деревянный крест с ледяным голубком — символом Святого Духа. Испрашивая на воду Божие благословение, Елисей изрёк:

— Во Иордане крещающуся Тебе, Господи, Троическое явися поклонение: Родителей бо глас свидетельствоваше Тебе, возлюбленнаго Тя Сына именуя, и Дух в виде голубине, извествоваше словесе утверждение. Явлейся, Христе Боже, и мир просвещей, слава Тебе...

И трижды погрузил крест в воду со словами: «Во имя отца и сына!»

Прихожане стали набирать из проруби освящённую воду и весело плескаться ею друг на друга. Иные удалцы и резвцы тем временем начали купание, чтобы очиститься от грехов. Мало кто из них знал, что это купание не является церковным таинством или обрядом, но именно этой традицией и запоминается празднование Крещения Господня, отличает его от иных праздников. Для многих в этот день важнее по-

казать собственную удаль и широту. Иной, быть может, и в храм-то ходит раз в году, но ему необходимо заявить о себе именно купанием в проруби, проверить свой дух и силу имеющейся воли. К свибловским прихожанам — смельчакам-резвецам, к удивлению многих, и одна отважная прихожанка прибавилась. Разоблачившись до длинной исподней рубахи, она троекратно шумно окунулась в зелёной свибловской воде, всякий раз осеняя себя крестным знамением.

Неожиданно среди купающихся Елисей увидел тонконового, худющего человека с загипсованной рукой и не сразу распознал в нём Николая, старавшегося не замочить гипс. Он так же троекратно окунулся, после чего заботливая дородная женщина, в которой Елисей узнал его жену, аккуратно обтёрла мужа полотенцем, как ребёнка, и подала сухое бельё, одежду. Когда Николай, загородившись простынёй, оделся, Елисей подошёл к нему, перекрестил, прижал к себе:

— Не заболеть бы тебе, и без того болящий!

— Не, батюшка, от такого купания не болеют — проверено! А вот если не по желанию окунуться, то всяко может быть.

— Дай Бог. Излечишь руку — приходи в храм, в нём и для тебя найдётся место.

— Не знаю, отпустит ли Елизавета, — сказал Николай посиневшими губами и указал глазами на ухаживающую женщину, почему-то не смотрящую на Елисея, будто не знала его.

— Если сейчас пришла с тобой, то отпустит. Главное, чтобы у самого такое желание имелось.

— Обязательно приду. Рука заживёт — и приду. Спасибо, что не сердитесь... Простите, если что не так делал.

— Бог тебя простит, а я и подавно!

Он лишь на минутку задержался около Николая, но, показалось, говорил с ним долго-предолго. Очень хотелось высказать множество добрых слов, а за что именно или в честь чего — и не объяснишь. Даже самому себе. Наверное, всё-таки за то, что у него хватило решимости приобщиться к верующим и вчера, и сегодня, проявить себя, всерьёз обозначить своё внутреннее стремление. До нынешнего дня Елисей страдал, думая о Николае, избегал встреч с ним, не зная как избавиться от него, не зная, что бы сделать необыкновенно особенное и не опускаться до ответного хамства, пусть и в душе, как-то по-иному завоевать его расположение, а он оказался мудрее и смелее его самого. Но в любом случае, доверие восстановилось, и Елисей очень хотел и впредь видеть Николая рядом с собой, зная, что Господь выправит, остудит, поможет найти себя. Чтобы впредь не было соблазна строить

каверзы, обижать людей, насмехаться над ними. Чего уж, казалось бы, проще, но не каждому это по плечу, лукавая сила так и норовит свернуть в сторону, не позволяет подобающе идти верной тропой, а принуждает скакать подобно козлищу в буерачной канаве, не разбирая пути и не понимая смысла своего беспутного движения.

Елисею почему-то казалось, что после Великого Праздника Крещения Николай Зельцов по-настоящему приобщится к вере, начнёт посещать храм и тогда обязательно наладится с ним окончательное понимание. По крайней мере, так хотелось бы. Но прошла неделя, другая, а Николай не появлялся. Как-то издали увидев его, шедшего навстречу, Елисей собрался поговорить с ним, но тот ловко нырнул в переулок, словно остерегался или даже опасался встречи. «Ну, что же, — решил Елисей, — бегать за тобой никто не собирается и насильно тащить в храм не будет. Созреешь, искренне проникнешься любовью к Богу — сам придёшь, а пока можешь бегать по закоулкам и прятаться в сугробах, если тебе это милее».

После таких мыслей поневоле начнёшь если уж не сердиться, то остывать к человеку, недавно, казалось бы, не выходившему из головы, но теперь его хотелось просто забыть. Но, как понял Елисей, Николай из той породы липучих людей, от которых и хотел бы освободиться, но они не позволяют этого сделать, пусть и неосознанно, будто репы приставучие.

После Крещения Елисей вдруг обнаружил, что время побежало бы будто скорее. Пока восстанавливал храм, оно тоже не стояло на месте, и даже невероятно временами ускорялось, особенно когда появлялась необходимость что-то оплатить или с кем-то рассчитаться, а денег в тот момент не имелось. Так и теперь, с той лишь разницей, что времени он не замечал из-за служб, которые шли одна за другой, во время которых он исповедовал прихожан, причащал, благословлял — вёл службы от души, с любовью, с неизбывным чувством благодарности, любовно исходившим от него. Благодарность эту принимали прихожане, несли в своих сердцах далее. Ему казалось, что вся Свибла в эти дни побывала в храме, каждого человека приобщил он к молитвам и служению Богу. С особенным благоговением проводил обряды венчаний и крещения младенцев. Иногда принимали крещение и взрослые, кто по чьей-то воле не сумел окреститься в детстве. И в том и другом случае он проводил обряд, радуясь тому, что на одного единове́рца стало больше. Ему умело помогал диакон Вениамин, получивший в епархии временное послушание на служение в Свибловском храме. Он поселил-

ся в доме Жаворонковой, чему весьма радовался, потому что никто не требовал с него плату за проживание. Варвара же постоянно напоминала Елисею, что надо думать о том, чтобы оформлять дом на себя и вступать в права, но Елисей отмахивался, сетуя на занятость и оставляя это суетное дело «на потом», которое всё не приходило и не приходило. А когда уж она совсем допекла, то сказал, улыбаясь:

— Вот ты всё «оформлять» да «оформлять». А того, видимо, не знаешь, садовая голова, что даже по завещанию можно вступить в права лишь через полгода. И придумано это на тот случай, если вдруг объявятся какие-либо претенденты из числа родственников или кто-то ещё с подобным завещанием, но более поздним.

— Нет же у неё никого. Сто раз говорила вам.

— А для чиновников это не важно: есть кто-то или нет. Они своё дело твёрдо знают: если в течение полугода никто не объявится — тогда, пожалуйста, иди и оформляй, получай свидетельство на владение строением, становись полновластным хозяином, не остерегаясь возможных конкурентов-наследников. Хотя теперь, слышал, и свидетельство не нужно, а, если потребуется, выдаётся выписка.

Варвара проворчала:

— Это что же, теперь будет простая бумажка вместо документа?!

— Значит, она.

— Что творится-то?! — Варвара покачала головой, словно она у неё вдруг заболела, а Елисей порадовался её появившейся понятливости и покладистости:

— Так и есть, раба Божия Непряхина! Так и есть, сестра дорогая! Так что не торопи время, оно и без того не стоит на месте. Уж тебе ли этого не знать.

24

За повседневной суетой незаметно минул почти месяц со дня возобновления служб в восстановленном храме, они стали привычными, выявились наиболее активные прихожане, многих Елисей теперь знал в лицо. Всё это располагало к душевному спокойствию, нарушенному, однако, на другой день после Сретения, когда Елисею позвонили из епархии и сообщили, что на следующей неделе в полдень вторника митрополит будет ждать его в резиденции. Елисею очень хотелось узнать причину вызова, но он не осмелился любопытствовать, не будучи знакомым с помощником митрополита, как тот ему представился. Сообщение показалось Елисею не столько радостным оттого, что митрополит помнит о нём,

сколько тревожным. Поэтому не удержался и позвонил благочинному в надежде что-то узнать у него, но тот ответил, что ничего ему не известно и никто ничего не сообщал. Он даже вздохнул, словно речь шла о нём самом, и сказал с едва заметной лукавинкой в голосе, будто со стороны долго наблюдал, что-то загадывая, и вот теперь его долгожданное предположение сбылось:

— Так ведь батюшка Елисей теперь на добром счету у митрополита! Проявил себя завидным строителем, всем нам поучительный пример подал. Попробуй кто иной восстанови храм за полгода?! А Елисей — пожалуйста! Так что теперь ему особое внимание, а по вниманию и послушание будет новое. Видно, наметили в епархии к восстановлению какой-то храм в отдалении, а кого туда послать? И думать не надо — отца Елисея, как самого сметливого из нас. Так что готовься, батюшка, ко всяким неожиданностям!

— Что же я так и буду до скончания своего века по стройкам кочевать? А людям когда служить?

— Об этом у митрополита при встрече спроси. Он тебе подробно объяснит. А от себя добавлю, что послушания разными бывают. Тебе Господь послал именно такое! — сказал благочинный с вполне очевидной радостью в голосе.

Ничего более Елисей не стал уточнять. Лишь глубоко вздохнул: нерадостно и тяжело.

Не сказать чтобы благочинный напугал Ковшова, но знобкое чувство от разговора с ним осталось. И шло оно скорее даже не от предположений отца Степана, а от его язвительного тона: мол, наделал шума, выделился среди нас — получи «благодарность»! «Ну, что же: пусть будет так! — решил Елисей. — Любой итог поездки в епархию приму со смирением!»

За последние годы он успел составить для себя простое правило, по которому выходило несложное наставление: исполняй любое послушание так, словно тебе повезло, а уж как сложится на самом деле — не важно. И когда основательно проникнешься этой мыслью, то становится не зазорно выполнять любую работу.

Примерно с такими мыслями и настроением собирался Елисей, а потом и ехал в епархию. Если не считать поездок по делам храма, он редко покидал Свиблу, да и сегодня, собственно, тоже ехал по делам. Или по делу. А вот каково оно, в какую сторону поведёт — абсолютно неизвестно. Он не хотел раньше времени что-то угадывать, но желание такое было, и так прицепилось, что не оторвать. Он пытался отвлечься, рассматривая за мутным окном автобуса открывающуюся панораму, но в посеревших в оттепели снегах не видел ничего

примечательного, лишь, как казалось, сильнее чернел оголившийся бурьян на иных запущенных полях, своим видом настроения не добавлявший. И это действительно так, ибо самое неприятное, что может быть в этой ситуации, — это неведение.

В епархию он прибыл с запасом времени, наверное, полчаса сидел в приёмной, прежде чем служивый диакон пригласил к митрополиту. Впрочем, он сам вышел из дверей навстречу: невысокий, слегка курносый, с редкой бородкой. Получив от него благословение, Елисей прошёл в кабинет, воссел на указанный стул справа от кресла Владыки, показав своим видом смиренность. Лёгкий и подвижный митрополит легко опустился в кресло, внимательно посмотрел в глаза Елисею, спросил с едва заметной улыбкой, словно хотел сказать что-то особенное, но об этом особенном до поры был вынужден молчать. Поэтому поинтересовался сперва о текущих делах и начал с самого простого:

— Как освоились на новом месте, как идут службы?

— Могу доложить, Ваше Высокопреосвященство, что службы идут по полному чину. Спасибо за приданного в помощь диакона, оказывающего неоценимое и незаменимое содействие во всех службах, в том числе в обряде Крещения и Венчания.

— Велико ли число прихожан, сложилась ли крепкая община?

— Извещаю: число прихожан значительно, и община крепка, а братья и сёстры в ней оказывают взаимное содействие и помощь храму. Есть староста, певчие, алтарник из числа общины приобщается к службам. Лишь диакона, как вы, очевидно, знаете, нет у нас своего...

— Читайте, что он обретён для вашего храма. Ведь так?

— Воистину так, Ваше Преосвященство! Диакон Вениамин вполне достойно исполняет обязанности, нареканий к нему нет.

— Ну и слава Господу! А что у вас с механической звонницей? Как она работает? Ведь вы первый в епархии, кто решился на такое отличие!

— Мне она и самому не нравится, но иного выхода нет, ибо не имеем звонаря, да и установлена была звонница меценатским радением.

— Ну что же, звонарь со временем у вас будет. Надо лишь присмотреть достойного мирянина и направить его на обучение. Современная техника — это хорошо, но всё-таки не в наших правилах отходить от обычаев, хотя и отмахиваться от жертвователей неразумно.

Услышав слова митрополита о звонаре, Елисей сразу вспомнил Николая: «Вот бы кого обучить, но не созрел пока человек. Тянется к религии, но сколь долго это продлится и когда закончатся метания, и закончатся ли, — лишь Богу известно». Вслух же сказал:

— Есть один прихожанин на примете, но всё зависит от его усердия.

Митрополит сперва никак не отреагировал на последние слова Елисея; было заметно, что он что-то обдумывает, словно не решается сказать то главное, ради чего и вызвал. Тем не менее, разговор поддержал:

— Вот и прекрасно! К тому времени, когда прибудет новый настоятель в ваш храм Благовещения Пресвятой Богородицы, думаю, этот мирянин проникнется Святым писанием, а со временем станет истинным помощником... — Митрополит посмотрел на удивлённо застывшего Елисея и, улыбнувшись чему-то своему, пояснил: — Да, да... В епархии принято решение назначить вам, отец Елисей, послушание в ином храме. Думаю, возражать вы не станете, а воспримите это решение с воодушевлением сил своих. Вы удивлены?

Елисей сразу вспомнил «предсказания» благочинного, видимо, что-то знавшего, но до поры молчавшего.

— Признаться, Ваше Преосвященство, не ожидал такого опустошающего меня решения, — обиженно, даже сердито сказал Елисей, надеясь услышать имя свибловского благочинного, всё это устроившего.

Этот неприемлемый тон уловил митрополит, но не осердился, продолжая недоговаривать, словно это ему приносило удовольствие, пояснил:

— Да, тяжело расставаться с привычным местом, которому отдано много душевных и физических сил, но, скрывать не буду, пришло ходатайство по этому поводу, и мы, посоветовавшись, решили его удовлетворить, учитывая ваши личные заслуги и для вашей же пользы.

— Разве другого строителя не нашлось?! — не сдержался Елисей, понимая, что происходит что-то невероятно обидное, с ног на голову переворачивающее его представление о справедливости, но почти сразу же осёк сам себя. — Впрочем, готов принять любое решение епархии.

— Вот и прекрасно, иного ответа было трудно ожидать... Думаю, для вас не столь важно, каким образом было принято решение, а важен результат его. А он таков: согласно ему, вы направляетесь настоятелем в храм иконы Казанской Божией Матери в селе Владыкине нашей митрополии, с которым, как нам известно, вас связывает много личного. А знакомый

вам отец Александр войдёт для послушания во храм Благовещения Пресвятой Богородицы на Свибле. Вы удовлетворены таким решением?

Лишь последние слова митрополита привели Елисея к осознанию всего того, что он услышал, привели в чувство, которого он, похоже, лишился на какое-то, пусть и малое время. Его сжавшаяся от обиды душа в единый миг распустилась, расцвела невероятным цветом радости и любви, и, вспомнив о матушке Елене, он готов был тотчас разреветься. Встав со стула, Елисей склонился перед митрополитом, скрестил руки, попрощал:

— Благословите, Ваше Преосвященство!

— Бог милостив, служите ему истово, и многое вам воздастся! — перекрестив Елисея, изрёк митрополит и предложил Елисею присесть, спросил, когда тот вновь застыл перед ним с пылающими щеками и горящими глазами: — Вы удовлетворены?

— Вполне.

— Свяжитесь с отцом Александром и всё обговорите с ним, уладьте хозяйственные дела! Думаю, у вас, как у человека с определённым опытом, с этим трудностей не возникнет. А теперь пришло время обеда.

Вызвав диакона, митрополит напомнил:

— Покормите нас!

От внимания, искренности, за обедом Елисей разговорился, совершенно забыл, где находится, и поэтому мог говорить и говорить с митрополитом обо всём том, что ему пришлось почувствовать в Свибле, а ранее во Владыкине. Как отцу родному, рассказал о тяготах, какие пришлось испытать, хотя и не был уверен, что это интересно митрополиту. Но как не рассказать, если его старание и терпение теперь сполна вознаградились, и награда пришла с той стороны, с какой совершенно не ждал. Очень хотелось спросить имя человека, позаботившегося о нём, чьё слово оказалось веским и убедительным, но напрямую не спросишь, да это и не важно теперь. Главное, что всё сложилось в правильном направлении, в том, о каком он мечтал, но предполагал, что его мечта никогда не осуществится. И вот такой счастливый, неправдоподобный поворот.

Он мог находиться в необыкновенно приятном расслаблении бесконечно, ведя беседу, в которой, в основном, отвечал на вопросы, но всё-таки встреча завершилась, когда митрополит взял салфетку и негромко сказал, будто для себя:

— Вот и пора.

— Спасибо за приём, добрые слова! — поблагодарил Елисей, встав из-за стола вместе с митрополитом.

— И вам спасибо за терпение и верность! Ступайте с Богом! — и осенил его крестным знамением.

Елисей принял лист с указом о своём новом назначении, упакованный в файл на молнии, подумал: «Если и далее послушание пойдёт с такой переменчивой скоростью, то со временем у меня будет значительная коллекция с подобными указами!» И усмехнулся сам над собой, и укорил, понимая, что подобные мысли ничего привлекательного не сулят. А значит, они не свои, чужие, прицепившиеся неизвестно для чего.

Возвращаясь в Свиблу, Елисей до мельчайших подробностей вспоминал встречу с митрополитом, его первоначально непонятную и тревожную иносказательность, показавшуюся желанием покрасоваться, создать театральную интригу, в которой, пусть даже и не всерьёз, заподозрил митрополита, будто решившего проверить своего служителя. Но теперь всё разрешилось, путь для него, для тех заветных устремлений, какими он грезил в последние месяцы, открыт, и осталась самая обыкновенная в таких случаях формальность. Даже не огорчало одно щекотливое обстоятельство, о котором он старался не думать, но оно вновь и вновь возвращалось, когда представлял реакцию Фёдора, в скором времени узнающего о новом переезде брата. Ведь получалось, что старался-старался брат, вкладывал средства, а Еля — хватать, и в другое место утёк. И как теперь объяснить Фёдору, что его помощь навсегда останется Господу Богу и людям. Поймёт ли? Пусть не сразу, а поймёт. А он, Елисей, со временем обязательно всем расскажет об этом — пусть знают и вспоминают о брате по-доброму, а он будет молиться за него истово и неизбежно. Разве этого мало?!

Эту духоподъёмность не смогло через день омрачить ехидное предположение отца Степана, узнавшего от Елисея о его новом послушании и говорившего таким тоном, будто это он сам всё устроил.

— Этого и следовало ожидать, если митрополит благоволил отцу Александру, забирая его поближе к себе. А ты для них испытываемый козлище. Я даже думал, учитывая твоё усердие, что тебе дадут какое-то новое послушание по строительству, но, к счастью, ошибся. Так что считай, повезло тебе, если идёшь на свой прежний храм, который сам же восстановил. А этот Александр, поверь моему слову, очень скоро сделает себе завидную карьеру, да и странно не сделать при таком покровителе.

Елисей пожалел, что прежде времени сообщил благочинному о своём новом послушании. Надо было позвонить за

несколько дней до приезда Александра, или вообще — накануне. Но ведь и безмерно затягивать с сообщением было бы несправедливым делом, словно бы он таился, словно всё так ловко подстроил, чтобы вернуться во Владыкино, преследуя какие-то свои цели, и держа их в тайне до последнего момента. А цель у него была одна, вернее две: быть в постоянном послушании и не забывать о Елене, по возможности, находиться к ней поближе. Поэтому и сказал Степану таким тоном, словно пожалел о звонке ему, хотя это так и было:

— Не к лицу мне обсуждать и осуждать решение епархии. И уж тем более совершенно безразлично, как и кто ко мне относится. Главное самого себя соблудности, не скатиться на соблазны мирские, а для этого приходится постоянно держать себя в строгости, исполнять те послушания, которые возлагает на меня Господь Бог... Не мне вам говорить об этом. И нет у меня к отцу Александру ни зависти, ни осуждения. Он ведь тоже исполняет послушания и не волен в выборе их. Так что не будем гневить Всевышнего, а будем просить у него быть милостивым, к нам, грешным.

Этим и закончился разговор с благочинным, и Елисей постарался забыть о формальных словах. И это получилось. Зато мысли об Александре не давали покоя. Ковшов ещё ранее, во Владыкине, думал об Александре, как о покусившемся на то, к чему не имел никакого отношения, хотя тоже прибыл на послушание. Но тогда это особенно не волновало, хотя можно было понять то обстоятельство, если бы прислали пожилого священника, отягощённого годами и болезнями, по немощи своей неспособного на восстановление храма, отнимающее много сил. Но ведь Александр прибыл сразу после обучения, можно сказать, на всё готовое, и не проявлял, по словам Михаила, в последующем особенного рвения. То есть изначально было понятно, что во Владыкине он не задержится надолго, и это наводило на определённые мысли. Но теперь, когда повторялась недавняя история и отец Александр, получалось, шёл по его следам, шёл на всё готовое — поневоле задумаешься о том, что всё это, видимо, неспроста. Это подтвердил разговор с благочинным. Но именно после него к Елисею пришло безразличие к административной борьбе. Ведь чтобы знать подробности, надо быть либо необыкновенно проницательным, либо информированным. «А нужно ли мне забивать этим голову?» — в очередной раз задался вопросом Елисей и постарался не думать о том, о чём не надо было думать, понимая, что это пустая трата нервов.

Поэтому и не стал ничего объяснять благочинному, потому что мало знал его, никогда не открывенничал. Не сказал, что

такой поворот вполне устраивает, даже более того — сам желал его в своих мечтах, и Господь услышал, удостоил награды. Совсем скоро он вернётся во Владыкино, придёт в знакомое место и положит цветы на могилку любимой матушки, почтит память о ней. И всё остальное, по сравнению с этим счастьем, покажется мелким, обыденным — все эти недомолвки, мнимые обиды, всё то, что отравляет жизнь. Теперь у него будет две заботы: служение Богу и своей Елене. И разве расскажешь об этом постороннему человеку? Поймёт ли, захочет понять? Поэтому и не стал ничего объяснять, отговорился:

— На всё воля Господа нашего.

25

Ещё с того случая, когда сиганул в сугроб, скрываясь от батюшки, Николай Зельцов если уж не страдал, то переживал по-настоящему. Этого не отнять. Но что было делать, если очень не хотелось предстать перед Елисеем выпившим. Николай хорошо помнил его доброе отношение на Крещение, обещал ему в скором времени прийти в храм, как только заживёт правая рука, чтобы можно было молиться. И дело шло к заживлению, но, спасаясь от Елисея, неудачно ткнулся в льдистый сугроб, руку вновь повредил, опять она отекала и начала ныть. Пошёл к врачу, и тот прямо сказал, давно зная Николая, что произошло смещение костей.

— Операцию тебе делать поздно, да и денег на неё нужно много. Живи так, как есть, всё равно ведь на пенсии прохлаждаешься и тяжелей стакана ничего не поднимаешь.

— Мне стакан ни к чему — я верующий человек! — сердясь на подначивание коротко стриженного сердитого врача, сказал Николай и ушёл от него обиженным.

Недели две сидел дома, а потом сам снял гипсовую лангетку и начал разрабатывать руку. Сначала сделалось страшно, сустав был словно стеклянный, и, казалось, коснись его — рассыплется на мелкие иголки. Но через день-другой, по совету жены хорошенько попарив руку, повеселел от вида сгибающихся и разгибающихся пальцев. Преодолевая боль, он каждый день гнул кисть, складывал пальцы в щепоть, представляя, что молится, и это получалось. Поэтому всякий раз говорил: «Спасибо тебе, Господи, что исцелил! Пусть рука стала кривой — это не беда. Главное — пальцы работают, и силёнка в них мало-мало есть». Позанимавшись неделю, сходил баню, где волю и сам напарился, и пропарил руку, он доложил жене:

— На следующей неделе в храм пойду! От людей слышал, что будет праздник Мытаря — это как раз мне подходит.

Елизавета лишь отмахнулась:

— Ты уж сто лет собираешься!

Николай не стал более надоедать, зная, что толку не будет, а шугануть она может. У неё всегда так: то ласковая до невозможности, то зверюгой смотрит. Вот и угадай попробуй. Подалее держаться — спокойнее будет.

Зная, что перед храмом имеется стенд, на котором расписано время богослужений, Николай на другой день отправился посмотреть расписание. Запомнил время, даже авторучкой записал на ладони для верности. Собрался домой, а как увидел старосту, выходящую из храма, то быстренько к ней с вопросом:

— Непряхина, когда будет праздник Мытаря?

— Хватился... Он в этом году ранний. Теперь до Благовещения никаких праздников. А тебе-то зачем это знать?

— Желая в церковь ходить, так сказать приобщаться... Заодно с Елисеем поговорить надо — уж очень душевный человек! Или нельзя?

— Приходи, только с завтрашнего дня у нас другой батюшка будет, — вздохнула Варвара.

— Как другой?!

— Тебе-то не всё ли равно, с каким батюшкой Богу служить?! А Елисей сегодня отбывает к новому месту послушания. Сейчас соберётся и уедет, машина за ним пришла.

— Что же никто не сказал-то о новом священнике?!

— У нас не справочное бюро. А тебе раньше надо было шевелиться. Его недавно по телевизору показывали — заранее предупреждали. Не видел разве?!

И Николай вспомнил, что действительно на днях в областном выпуске местного телевидения выступал какой-то священник, что-то говорил о своём новом послушании, даже, кажется, упомянул Свиблу. Николай ещё подумал тогда: «Вот болтун-то! Кто же тебе отдаст только что восстановленный храм?! Совсем, что ли, батюшка зарпортовался!» От неправдоподобности известии, от невозможности такого изменения — он о нём забыл, не придал значения, а теперь сразу вспомнил и посмотрел на Непряхину изумлёнными глазами:

— Что же теперь с нами будет?

— Что Бог даст — то и будет... Ну, ладно, я побежала — дела есть, — отговорила Варвара, не желая распространяться с Зельцовым. Ей самой до себя было в эти минуты.

От неожиданного известия у Николая в момент обрушилось настроение, и голова закружилась, словно от морока, а ноги сделались ватными. Он даже не успел спросить, в какое такое райское место направили Елисея, что он столь поспеш-

но покидает привычную Свиблу. А главное — когда, в какой час?! Зельцов знал, что батюшка снимает комнату у Любомировых на монастырском спуске, и сразу же отправился туда, надеясь застать Елисея и хотя бы наполедек поговорить с ним по душам, по-настоящему повиниться. Он заторопился к холму, с которого скатывалась дорога к дому Елисея, и даже издали увидел его, садившегося в машину... Крикнул, захлёбываясь от ветра, замахал руками, привлекая внимание, но Елисей не заметил его, а когда дверца хлопнулась и машина резво тронулась с места, то и услышать не мог. Вскоре машина притормозила перед поворотом, засветилась красными фонарями, Николай подумал, что заметили его, и готов был сорваться с места и догнать её, и уж сорвался, но машина вновь набрала скорость и скрылась из виду.

Николай так и осел на подтаявший снег, понимая, что теперь уж ничего не сможет сделать, что-то изменить. От мыслей, от горечи на душе, оттого, что разрушились все планы, ему захотелось тотчас отправиться в магазин, взять маленькую и сразу выпить, чтобы заглушить себя, забыться и забыть такую очевидную несправедливость. И он отправился, но в последний момент засомневался: зайти в магазин или сразу домой двинуться?! Даже остановился, раздумывая. И уж было дёрнулся к двери, но всё-таки, пересилив себя, прошёл мимо, даже не взглянув на витрины.

Дома, едва он снял куртку, мясистая жена, едва вмещающаяся в халат, напористо спросила:

— Ну что, узнал?

— Чего узнавать, когда на бумажке всё расписано. Завтра в восемь начало, — ответил он сердито, чуть ли не плача.

— Пойдёшь?

— Не знаю.

— Чего так? Собирался ведь!

— Батюшку, говорят, нового прислали, а я к нему непривычный!

— Не всё ли равно какой.

— Тебе-то, может, и всё равно, а мне волнительно, поэтому и сомнение берёт! Его недавно по областному телевидению показывали — когда и успел нарисоваться-то. Говорил складно — этого не отнять, мол, в скором времени будет исполнять послушание в Свибле. Я ещё тогда не поверил. И чего, думаю, болтает, а он молодец — заранее упредил, чтобы готовое место другому не досталось. Елисей-то ему храм как на блюдечке преподнёс. А на готовое примчаться — и я не отказался бы.

— Сиди уж, «не отказался бы», грамотей!

— А чего, запросто. Немного бы подучиться — и вперёд!

— Ой-ой-ой — язык-то без костей, сам не знает, чего мелет.

— Зато у тебя ловко получается по телефону болтать с кем ни попадя. Послушаешь — слезьми изойдёшь. В общем, завтра будет видно, — не стал он более разводить словесную канитель и отправился в спальню, улёгся поверх покрывала и сделал вид, что заснул — лишь бы не слышать жену, никого и ничего.

Он представлял, рисуя в воображении, где теперь Елисей, с какими чувствами уехал из Свиблы, вспоминает ли о нём, и как вспоминает. Наверняка с обидой отбыл, ведь прекрасно видел, как недавно прятался от него в переулке, вместо того, чтобы подойти, попросить благословения и спокойно поговорить. Ведь очень многое хотелось рассказать о том, о чём никому не расскажешь, — ведь не поймут, а если поймут, то совсем не так, да ещё посмеяться могут. Мол, совсем мужик с оси съехал, вот до чего допился. И только Елисей никогда ни в чём не упрекал, а лишь горевал, даже и тогда, когда ничего не говорил, а молча проходил мимо. Николай это очень хорошо видел, хотя и бывал частенько выпившим. И всякий раз тогда хотелось самому подойти к батюшке и спросить: «Чего молчишь, чем я не нравлюсь?!» Но всё-таки сдерживался и очень радовался этому наутро, когда протрезвлялся. «Ну, что же, — вздыхая, думал теперь Николай, — тужи не тужи, а в храм завтра идти надо, как не послушать нового батюшку.. Да и посмотреть интересно, что за птица залетела в наши края».

От этой успокаивающей мысли, пусть и наполовину заглушившей расстройство и обиду, Николай даже заснул, и жена еле-еле разбудила, а растолкав — сразу дала указание:

— Иди, с внучкой позанимайся чтением. А потом ужинать будем.

— У неё мать с отцом есть. Гони их от телевизора! — не согласился Николай. — А то моду взяли: как с работы прибегают — сразу в «ящик» пялятся!

26

Если бы Елисей знал, собираясь покинуть Свиблу, что Николай Зельцов желает встретиться и поговорить, то обязательно разыскал бы его перед отъездом. Но помня, как тот сиганул в переулок, не очень-то был расположен к прощальной встрече, считая, что время для этого так и не пришло, и нет в ней необходимости, хотя и вспоминал его часто, не так давно даже говорил о нём у митрополита, пусть и не называя по имени, но всё равно непонятная зельцовская отчуждённость, даже дикость, так и осталась тяжёлой стеной. А если вспомнить его проказы: и со стукалочкой, которой досаждал

строителям, и собачонку вспомнить, приведённую им в храм, да и многое другое, то и вовсе сложится о нём нелестное мнение. И если у Елисея хватало сил терпеть его выходки, на что-то надеяться, то с прибытием отца Александра появится самая настоящая неопределённость. Непонятно, как будет Николай вести себя с ним, потянется ли к новому батюшке. Ведь личные отношения обычно решают многое, если не всё. Понятно, конечно, что прихожане ходят в храм, чтобы молиться Богу, и им нет особенной разницы, кто ведёт службу. Но это лишь на первый взгляд, а на деле получается так, что личность самого священника бывает главенствующим, притягательным обстоятельством. Может так случиться, что Александр не будет с ним нянькаться, а укажет ему при первой же несуразной выходке. И будет прав.

Мысли о Николае были, конечно, не единственными в день отъезда. После службы, обо всём созвонившись накануне, Елисей встретил Александра вместе с диаконом Вениамином, показал храм, познакомил с Варварой. О хозяйственных заботах было всё обговорено заранее, и касались эти заботы более Александра, так как во Владыкине всё оставалось без изменений, ибо он, как младенец, находясь в благодушном неведении, за все прошедшие месяцы даже не пытался переоформить документы по коммунальным платежам храма на себя. И это теперь даже радовало Елисея. Получалось, что формально он отлучался из Владыкина в командировку, и вот теперь пришло время завершить её.

Ключи от дома Жаворонковой Елисей сразу отдал Александру, где тот временно будет жить, потеснив Вениамина, а зарегистрируется, как договорились, у старосты. Когда обоснуется основательно, то по доверенности переведёт платежи за храм на своё имя... Впрочем, все эти подробности теперь мало волновали Елисея. Он своё послушание исполнил, храм действовал, принимал прихожан, и теперь можно благодарить за это Бога и добрых людей, коих нашлось немало, и двигаться далее. Лишь жалел о том, что не успел отреставрировать икону Благовещения Пресвятой Богородицы, а ведь скоро праздник, и до него, конечно же, не успеть. Поэтому, когда остановились у этой иконы, Елисей сказал Александру:

— Это храмовая икона с необычной судьбой... О ней со временем расскажет Варвара, а я попрошу исполнить то, что не успел сам: отреставрировать, чтобы она занимала почётное место во всей своей притягательной святости и красоте.

— Обязательно сделаем! — пообещал Александр. — Вам спасибо, отец Елисей, за этот храм! Уж в такое благолепие его привели!

Вроде бы правильно сказал отец Александр, но Елисей видел, что говорит он неохотно, через силу, лишь бы отрапортовать. Но пусть хоть так, зато пообещал исполнить просьбу. Это, наверное, и было главное, что хотел услышать Елисей от нового настоятеля. А то, что нелегко оказалось передавать именно ему свой храм, ставший действительно своим за последние месяцы, так это вполне понятно. Но ведь есть ещё один, не менее любимый. И когда он вспомнил о владыкинском, то к Елисею, не имевшему детей, пришла мысль о том, что оба эти храма — подарки от Бога, как будто принесла их любящая матушка. И у него теперь одна обязанность: помнить, помогать и любить свои детища, заботиться о них и знать, что они навсегда его, как бы ни складывались обстоятельства переменчивой жизни.

Именно об этом думал Елисей, когда распрощался с Александром, Вениамином, оставшимися в храме. Варвара вызвалась его проводить. Но дошла она лишь до ограды, где стояла машина, и выдохнула:

— Батюшка, как же я теперь без вас буду? Ведь привыкла до невозможности!

— Что же делать, Варвара... И к Александру привыкнешь.

— Не смогу, наверное. От него одеколоном так и разит, дышать нет возможности.

— Это не самое страшное. Главное, чтобы распрей не было промеж вас. Ведь одно дело-то делаем, дорогая моя помощница. Не тужи и не переживай — всё хорошо будет. Господь не позволит иное, не попустит.

По-настоящему она ему так и не ответила, не поговорила, даже не намекнула — никогда ранее, ни сейчас — что в душе считает Елисея прежде всего сыном, и лишь на людях да при нём самом называет его на «вы». Она по-матерински полюбила его и опекала, отдавая ему всю любовь, которую могла бы отдавать своим детям, будь они рядом, или хотя бы почаще вспоминали её. Ей так не хватало сыновьего внимания, любви, на которую она непременно откликнулась бы заботой, и именно поэтому нерастраченное в последние годы внимание она дарила Елисею, особенно когда не стало Жаворонковой. И теперь получалось, что она совсем осталась одинокой. И приходилось лишь уповать на Бога, который всё знает о ней, а значит, не оставит в унынии, поможет превозмочь нынешнее расставание, как во многом помогал ей в долгой и тревожной жизни... Но как обо всём этом сказать Елисею на прощание, если ранее, когда имелось время спокойно поговорить, не удосужилась из-за робости. Считала, вот ещё немного — и тогда уж обязательно поговорит, откроет душу.

А теперь лишь осталось попросить об одном, что она и сделала, понурившись:

— Батюшка, позвольте иногда звонить вам, хотя бы немного поговорить, поделиться новостями?!

— Звони, конечно, звони, сестра дорогая! Всегда буду рад услышать твой голос, который узнаю из тысячи иных голосов.

Он не стал разводить прощальную канитель, посматривая на Михаила, протиравшего в этот момент лобовое стекло. Утром он доставил Александра, а теперь должен был вернуться во Владыкино уже с Елисеем, и нетерпеливо ожидал, когда тот введёт в курс дел настоятеля-новичка, попрошайется со старостой. Когда же это произошло, то сразу поехали на квартиру к Елисею. За проживание и питание он рассчитался накануне, а теперь переобулся в кирзовые сапоги, в которых когда-то прибыл в Свиблу, обнялся с прослезившейся Анжелиной Георгиевной, протиснулся с выглянувшим из своей комнаты Владимиром Борисовичем, сказавшим: «Жалко, как жалко, что уезжаете. Мы так привыкли к вам!», благословил их, подхватил баул с одеяниями и спешно вышел к машине вместе с хозяином, помогшим нести рюкзак. Прощаясь ещё раз, хозяин сказал-похвастался:

— А письмецо-то моё в газете сработало! Вы, конечно, не заметили, а на днях вдоль главной улицы появилось восемь новых фонарей. Вот она, сила печатного слова!

— Вы — молодец, равнодушный человек, дай вам Бог здоровья! — осенил Елисей крестным знамением Владимира Борисовича и ехал потом по знакомым улицам, разбухшим от весенних луж, сожалея, даже страдая от понимания того, что уезжает надолго, скорее всего, навсегда.

Мелькали здания знакомых контор, мелькнул новый Дворец культуры, не будь которого, не было бы и восстановленного храма, ставшего по-настоящему родным, каждый новый кирпич для которого, казалось, был согрет теплом его рук. Вот промелькнуло и городское кладбище — место упокоения Жаворонковой, к которой он так и не успел попасть повторно и поговорить по-настоящему, не спеша. Вспомнив старушку, Елисей вздохнул тяжело и скорбно, хотя и понимал, что его-то вины нет ни в чём. Да, понимал, но всё равно переживал. И теперь знал, что прилипчивое чувство досады останется навсегда: не перечеркнёшь его и не выбросишь из души.

От волнения и мыслей, нахлынувших обильно и неудержимо, от прощального взгляда на Свиблу, Елисей, сидевший рядом с Михаилом, отвернулся, уставился в окно, пытаясь

скрыть подступившие слёзы, но они всё-таки ненадолго пролились лёгкой росой. Да и как им не пролиться, если ему всё ещё не верилось в прощание с полюбившимся городом, в который когда-то не хотел ехать, переживал, что ничего не мог изменить — вся его душа тогда противилась! Теперь же, привыкнув, он так же горестно покидал этот град, где оставался храм, которому он отдал столько времени и сил. И ведь никому не расскажешь, не поделишься, что творилось на душе всё это время. Лишь Елена, ожидавшая в сиреновом мареве солнечного мартовского дня, всё знала, напоминая о себе, умягчая сердце и не давая окончательно раскиснуть в унынии.

Чувствуя состояние Елисея, Михаил долго молчал, лишь за городом, зашевелившись, сказал, желая отвлечь:

— Погодка-то сегодня самая подходящая. Душа радуется.

— Да, радуется, — не очень-то весело вздохнул Елисей и попросил:

— Останови, пожалуйста!

Не догадавшись о причине остановки, Михаил молча выполнил просьбу, а Елисей вышел из машины и, оглянувшись, увидел на противоположном обрывистом склоне речной долины свибловский холм, отдалённый маревом, а на нём светившуюся ярким ультрамарином крышу храма и сверкающий в голубом небе золотой купол с крестом, венчавший надвратную колокольню. Луковка купола отсюда казалось крохотной, но всё равно её острый блеск притягивал взгляд. На неё хотелось смотреть и смотреть, как на завораживающий огонёк, и Елисей замер душою, понимая, что это и есть его прощальный взгляд на место своего недавнего послушания, ставшего для него словно родным. А со всем, что родное, всегда трудно и горестно расставаться. Поэтому и стоял бы он, вздыхая, и смотрел на горящую под солнцем свечечку колокольни бесконечно, если бы не подошедший Михаил, тоже вздохнувший и напомнивший:

— Надо ехать...

— Да-да, — согласился Елисей и взглянул напоследок на свой храм долгим взглядом.

Какое-то время ехали молча, а когда молчание затянулось, Михаил сказал будто между прочим:

— А во Владыкине уж почти все бугры чёрные. Грачей полно!

— Вот и я, как птица перелётная, возвращаюсь в знакомые места, — не сразу ответил Елисей, перестраиваясь в мыслях.

— Вас там ждут...

— И Артёмка с Настей?

— Они-то — особенно! С утра до вечера спрашивают, когда «дедушка» придет! И не только они знают о вашем возвращении. Ведь не зря старались некоторые люди!

— Кто же, интересно знать? — слабо улыбнулся Елисей, не ожидая такого признания от своего диакона, с которым теперь предстояло вновь совместно служить Господу.

— А вы не догадываетесь?!

— Откуда же.

— Наш благочинный постарался. Ездил на приём к митрополиту и поведал вашу историю!

— Вот в чём дело. — Теперь уж Елисей улыбнулся широко и открыто. — А я-то думал, в чём причина, что послужило поводом к новому послушанию?! Уж начал грешить кое на кого из местных. А это, оказывается, владыкинцы отличились! Воистину: не знаешь, где найдёшь, а где потеряешь. — Елисей на какое-то время замолчал, что-то обдумывая, а потом спросил пытливо и подозрительно, заглянув в коричневые глаза Михаилу, невозмутимо сидевшего за рулём: — Признавайся, что и ты к этому руку приложил! Ведь так?

Михаил промолчал, лишь сдержанно и загадочно улыбнулся, но не выдал тайных мыслей, о которых всё-таки очень хотелось рассказать.

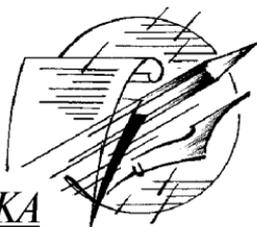
ВЕЛИКОЕ СЛОВО — НАРОД

Народ или «гражданское сожителство»?

Есть многозначное и таинственное слово, которым пользуются, не осознавая вполне его содержания, — «народ».

Слово «народ» в полноте смысла означает издревле сложившееся общественно-историческое и духовно-мистическое единство, отмеченное глубинными свойствами народности.

«Народность есть личность народа, — писал К.С. Аксаков. — Точно так же, как человек не может быть без личности, народ без народности. Если же и может встретиться человек без личности, народ без народности, то это явление жалкое, несчастное, бесполезное и себе и другим... Народность одна даёт возможность народу понять другие народности. Где исчезает она, там исчезает материально или нравственно сам народ. Народность — это есть живая, цельная сила, имеющая в себе нечто неуловимое, как жизнь. И дух, и творчество художественное, и природа человеческая, и даже природа местная — всё принимает участие в этой силе».

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Эта сила образуется вековой сопряжённостью и единством судеб многих поколений, связанных:

- этнической близостью,
- языком,
- преобладающей верой,
- соприродностью культуры,
- корневыми духовно-нравственными представлениями и традициями,
- отношением к идеалам,
- соучастием в историческом становлении,
- обрётённым пространством («родная земля»),
- историческим предназначением.

Отсутствие какого-либо из названных признаков восполняется иногда глубинной укоренённостью в остальных. И прежде всего — в культуре, духовно-нравственных представлениях и отношении к идеалам. Поэтому по праву называются русскими такие, например, люди иных этносов как Пётр Багратион, Антон Дельвиг, Вильгельм Кюхельбекер, Марк Антокольский, архимандрит Константин (Зайцев) и многие другие.

Народ — понятие духовно-сокровенное. Народ нельзя «выдумать» или искусственно «создать». Тому яркий пример: есть страна Америка, но нет национальности — американец, нет американской нации. Нет природного американского языка, нет корневого исторического уклада американской народной жизни (лада), нет духовно доминирующей веры, одухотворяющей историю этой страны, нет и не может быть здесь и американской национальной культуры, а есть лишь пёстрая американская цивилизация, «гражданское общество», характеризующееся модернизированным вариантом английского языка, типом человека с обострённым практицизмом и деловитостью, направленными на материальное обогащение, «престижность», комфорт и государственный эгоизм. Есть достижения культур граждан Америки, представителей разных народов (наций), сожительствующих в «гражданском обществе» под названием США. К.С. Аксаков проницательно заметил, что в этой стране «нет ни смиряющей родной почвы, ни чувства народности, ни исторического предания. Условное устройство взаимных политических отношений заменило здесь вполне чувство любви. Северо-Американские Штаты — это великолепное общество-машина».

Жители Америки, получившей «географическое» наименование, не представляют собой единого народа-нации ни в историко-культурном, ни в духовно-судьбоносном смысле, но объединены лишь политическими интересами и соблюда-

емыми законами гражданско-государственного социума. Америка как особое государство, внесшее много ценного в развитие научных, технических и цивилизационных достижений в мире, остаётся «пёстрой смесью» народов-наций, скрепляемых практическими интересами и политическими корыстными предпочтениями. Есть там и конкретные национальности, которые реально (а не на словах и во всяческих официальных документах) владывают в этой стране, то есть для своих национальных выгод, в своих национальных интересах определяют в том или ином отношении реальную политику, используя тайно или явно аппарат государства.

Стремясь скрыть таковую ущербность, американцы нарочито, хотя и неоправданно, вводят в государственные документы и официальные названия слово «национальный», дабы хоть чем-то «утвердить» на языковом уровне отсутствующие у них признаки духовно-мистической и историко-культурной общности. Всё у них — «национальное», а не государственное: банки, парки, зоопарки, разного рода учреждения и т.д. Да и чем можно им утвердить «духовно-историческое единство»: неужели — исторически реальным «подвигом» основателей «нового света» в бесчеловечном уничтожении коренных жителей страны, благородных индейцев, за каждый из скальпов которых их «славным предкам» в оные времена давали вознаграждение?..

Народ — нация — государство

Народ национален. Национальность — корень и проводник сознания человека как духовной личности, как исторического существа; в ней — корневая система духа. Дух нации, закреплённый выстраданной исторической традицией, — выразитель её самобытности. Исторически сложившийся народ обладает своим национальным характером, особенностями психического склада и взгляда на мир, своей культурой и образом мысли.

Национальность — залог сознания исторического человека, основа национального достоинства, национальной ответственности и национального долга. Национальность — печать духовной самобытности народа, его исторической роли и значимости. На путях истории народ обретает международное признание и его начинают называть ещё и нацией.

Нация утверждает себя через свободно-самобытное культурное бытие в развитии сообразно с исторически сложившимися национальными духовными ценностями. Это тре-

бует прежде всего исполнения человеческого долга. «Всем известно слово «долг», — писал видный учёный профессор И.А.Сикорский, — известны и два другие слова «национальный долг». Слова эти не вычеркнуты ни из словарей, ни из жизни...Долг подлежит исполнению. Долг националистов состоит в охранении и развитии величайшего наследия веков — национальной души... со всеми её атрибутами: языком, поэзией, художественным творчеством, школой, пресой, религией. Охранной силой может быть не армия и флот, но великое напряжение национального духа». Всё это связано с телеологическим свойством нации, с «пониманием идеи в её основной и конечной предопределённости», в стремлении к целям, «оцениваемым самим человеком, как нечто высшее, чем его собственные интересы».

«Народы, как и люди, неповторимы. Дарования Божии каждому из них определяют его роль и место в истории человечества. Русскому народу определено Богом особое служение, составляющее смысл русской жизни во всех её проявлениях — пишет митрополит Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычёв). — Это служение заключается в обязанности народа хранить в чистоте и неповреждённости нравственное и догматическое вероучение, принесённое на землю Господом Иисусом Христом. Этим русский народ призван послужить и всем другим народам земли...». «Русскость — как начало культурно-духовное — определяется степенью укоренённости, глубинной личностной слиянности с историческим образом народа. Степень такого личностного тождества со своим народом и определяет почвенность или беспочвенность человека... Можно жить далеко от своей земли, но оставаться глубоко укоренённым в родной культуре и, таким образом, быть почвенником, а можно пребывать на определённой территории, не отождествляя себя ни с судьбой народа, ни с культурой...»

В суровой истории своей обрёл русский народ одну из коренных созидательных своих черт — государствообразующее дарование, определяемое его исконными духовно-нравственными и политическими свойствами. Среди многоцветья мирного бытия народов России он более других умеет жертвовать собою общему делу.

Ревнителю «вавилонского столпотворения» в России неслучайно пытаются замолчать его роль, истребить в сознании политических масс безусловную важность особой государствообразующей ответственности и жертвенности русских... Есть в них корневое чувство великой русской земли и глубокое ощущение ответственности перед нею.

Народ без национальности — сборище не связанных духовно-исторической жизнью родов, вавилонское столпотворение. Принадлежащий к такому смешению — лишь часть сброда, не более. Спасти от такого состояния может только истинный национализм. Это понятие толкуют по-разному и неслучайно нарочито искажают его смысл в политических целях. Здесь необходима ясность. Национализм в переводе значит: народность. Слово это и означает причастность, верность и благочестивую преданность народу, к которому принадлежит человек (личность).

Национализм воплощает благодарную память о предках своей нации и её национальной истории, благородное ощущение долга перед родным народом, способность оценивать в связи с ним смысл своей жизни и ответственность за будущее. Националист служит национальному единству народа (нации), его утверждению в самобытной культуре, развитию этой культуры на основе созидательных ценностей, обретаемых в русле национальных традиций и державно-исторических связей.

Почитание своего народа зиждется в национализме на нелицемерном уважении ко всем другим народам. Истинный национализм чужд лжи, эгоистической или враждебной национальной обособленности, фальшивого сепаратизма или слепого возвышения своего народа над другими народами и за их счёт. Нелишне вспомнить в связи с этим замечания академика Б.В. Раушенбаха: «...Ни одному баварцу не приходит в голову бредовая идея о суверенитете... Если баварцам предложить выйти из объединённой Германии, они будут считать это идиотизмом...» Истинный националист — враг всякого шовинизма, нацизма и фашизма.

«Национализм, — свидетельствует И.А.Ильин, — есть любовь к историческому облику и творческому акту своего народа во всём его своеобразии. Национализм есть вера в инстинктивную и духовную силу своего народа, вера в его духовное призвание. Национализм есть воля к тому, чтобы мой народ творчески и свободно цвёл в Божием саду... Национализм есть система поступков, вытекающих из этой любви, из этой воли и из этого созерцания. Вот почему национальное чувство есть духовный огонь, ведущий человека к служению и жертвам, а народ — к духовному расцвету». Вне-национальное «государственное сожительство», называемое «гражданским обществом», не может быть почвой свободно-национального бытия.

Извращённое толкование слова «национализм» возникло не случайно. Врагам самобытности и свободы народов, так

называемым космополитам и глобалистам (в действительности же — тайным шовинистам-трюкачам) — нужно было бросить тень на понятие «нация». Извращённое толкование слова «национализм» неизбежно влечёт за собой осквернение связанного с ним этого понятия. Коварные осквернители это знают. Их цель — внушить людям, любящим свой коренной народ, смущение перед чувством, которым можно только гордиться.

Единство народа, связанное с национальной историей, с национальным самосознанием и достоинством, требуют ясного представления об их предмете. Чтобы предмет мог быть осознан, он должен быть назван, должен иметь имя. «Недозревшая до имени вещь «собственно» и не есть вещь, — пишет один из известных учёных, — она подобна недостроенному зданию, о котором нельзя сказать ничего определённого... Или же она подобна человеку, которого в просторечии называют недоделанным». Обретя имя, выстраданное историей и оплаченное кровью многих поколений, народ совершает исторический путь под знаменем этого своего имени.

Неполноценным, ущербным, как бы несуществующим, становится явление, которое лишается имени. Лишение имени, несомненно, имеет и сакральное значение. Жизнь народа может полноценно осуществляться среди других, если это определённый исторический народ. Исторически сложившаяся национальность (и только она!) знаменует национальную идентичность народа! Право иметь имя — выстрадано всей многовековой историей народа, оплачено кровью многих его поколений. Посагательство на историческое имя народа — вызов его бытию, значению и достоинству. Любая форма «приглушения» национальности — это предательство народа, его многострадального и великого прошлого, его славных дел, созидательных свершений и творческих устремлений.

Твёрдо помнили это наши предки, победившие врагов в Отечественной войне 1812 г. «...Клянусь прахом отцов моих и тобою, Родина священная! — писал И.И. Лажечников. — Клянусь, что честь и Отечество будут везде моими спутниками; и если изгоню их когда-нибудь из моего сердца, если забуду их в пылу битв и в мирных хижинах, то пусть недостойн буду имени Русского...» Имя народа и всех людей, ему принадлежащих, олицетворяло память, достоинство и связь с великим прошлым, утверждало чувство личной исторической ответственности перед народом. Не раз возвращается писатель к этой теме. «Какой народ не любит восстановления своего имени? Какой пленник, оковами отягчённый, не

восхищается надеждою свободы? Велик народ, в трудной борьбе с неровными силами сохранивший всю славу своего имени; почтен и тот, который, потеряв имя в бурю политических обстоятельств, при первой благоприятной возможности спешит ополчиться всеми силами и средствами своими для восстановления его...»

Долг русских людей свято беречь имя своего народа в условиях тяжелейшей информационной войны, к которой иные недопустимо привыкли. От этой привычки, питаемой растлевающими идеями плюрализма и толерантности, рождается смертельное равнодушие к разрушению нашей духовной Родины. Родина — это всё наше великое и трагическое историческое прошлое, величайшее наследие нашей культуры, образования, науки и искусства. Родина — это наши великие писатели, от автора «Слова о Полку Игореве...» до Пушкина, Гоголя, Достоевского, Л. Толстого, И. Бунина, С. Есенина, М. Шолохова, Н. Рубцова и В. Распутина, наши художники — от Андрея Рублёва до В. Васнецова, Д. Поленова, П. Корина, П. Рыженко и других достойных современных живописцев. Это и наши композиторы и музыканты от Д. Бортнянского и И. Хандошкина до П. Чайковского, С. Рахманинова и Г. Свиридова, наши учёные от М. Ломоносова до Н. Вавилова, И. Курчатова и С. Королёва и многих других.

Историческая Россия — это особое духовное пространство, Православное Царство, приобретшее название Святой Руси. Понятие святости во всей Руси имело особый смысл. «Для Руси святость — идеал, но идеал обязательный и общий, предполагающий сознательную мобилизацию всех сил духовных для его осуществления. Это абсолютная ценность, которая не только возглавляет пирамиду ценностей, но и поглощает их все», — пишет архимандрит Константин (Зайцев). «...Русские люди ощущали себя принадлежащими непосредственно к одному Мiру, всё ему отдавая и всё от него получая, никак себя ему не противопоставляя — ни общественно, ни единолично. Это и было Русское Православное Царство...»

Против России, корнями своими уходящей в это царство духа, против её многовековой светозарной культуры и ведётся ныне тотальная информационная война, предпринимаются «массированные попытки подавить независимость русского сознания, унижить и смешать его с грязью. Радио «Свобода», пишет академик И. Р. Шафаревич, утверждало, что «перестройка должна... изменить духовный строй русского человека, приблизить его к западному складу сознания... добиться мутации русского духа... русского человека выбить

из традиции». Это соответствует документам глобалистов планирующих подготовить «толерантные» массы примитивных людей через образовательные стандарты, основанные на качественно новых базисных принципах, применяемых на всех уровнях образования — начальном, среднем, высшем — и распространяемых на всю сферу воспитания». Сознание таких людей должно избавиться от непреходящих, собственно человеческих свойств: национально-исторического сознания, веры и культуры.

Неслучайно после своей революции иудо-большевики приложили огромные усилия, чтобы лишить русских православного вероисповедания. Неслучайно ныне, заговорив о русском народе, иные «видные люди» пытаются исказить его облик. Так, несколько лет назад одно хорошо известное лицо публично вдруг вспомнило о русской культуре. И тут же приписало русским следующие «лучшие» черты: «терпимость, отзывчивость, умение уживаться вместе с соседями, строить совместное государство, уверенность в себе». И всё! При этом были «забыты» корневые черты русского народа, отразившиеся во всей его истории и культуре: органическое стремление к правде-истине и правде-справедливости, глубинная совесть, сострадание, милосердие, целомудрие, самоотверженность и вера в неизбежную победу добра и справедливости и, наконец, то, что именно русские, а не кто другой, были державными строителями России. «Упущения» начальствующего невежды неизбежно должны были содействовать ложным мнениям, ложным «подстановкам» понятий, помогающим политике информационных диверсий в ведущейся необъявленной войне против России и русского народа.

Не забудем же слов И.В. Сталина, назвавшего в послевоенном победном тосте русский народ выдающейся нацией и руководящей силой страны. Вольная или невольная недооценка руководящей силы может только ослаблять единство целого. Будем же это помнить!

«Надо отдавать себе отчёт, — писал митрополит Иоанн (Снычёв): — проводимая последние годы политика жёстко предполагает денационализацию русского сознания и российской государственности, утрату нашей религиозной и культурной индивидуальности, «унификацию» русской жизни согласно «общемировым» стандартам». Такой политике противостоит дух нации, русский дух, сформировавшийся в ходе исторического развития русского народа и проявляющийся неожиданно, в критические моменты, характерный внутренний духовный настрой русского человека, выражающий и отражающий генетически закреплённые, хотя и проявляющиеся

не всегда в одинаковой степени черты национальной личности. Волевой духовный импульс, духовная энергия, выплёскивающаяся в поведении и поступках русского человека в обыденной жизни и в экстремальных условиях. Качествами, соприродными русскому духу, являются остро переживаемые чувство совести, сострадания, милосердия, безусловной жертвенной готовности стоять за правду-истину, справедливость и веру; убеждённость — в окончательной победе правды и добра. В русском народном творчестве «русский дух» осмыслен как противостоящий всякой нечистой силе.

Наследники прежних духовных насильников пытаются вновь лишить нас исконного имени народа — национальности, «позабыв» указать на неё в паспорте и пытаясь «сварить» нас в межнациональном котле «гражданского общества» под географическим названием «россияне» или «российская нация». Но такой нации нет! Есть веками сложившееся историческое целое единой России, есть единство наций, каждая из которых имеет своё имя, свою самобытную культуру, входящую в самобытное, целостное, замечательное многоцветье культур народов России. Был, есть и будет державный великий русский народ, против которого сегодня ополчились внешние и внутренние тёмные силы и кучки «родных невежд».

Культура — непременное свойство каждого народа и принадлежащего к нему человека. Даже те, кого называют некультурными, обладают элементами культуры. Ибо они считаются со многими установленными представлениями и правилами, вынужденно или по убеждению принимают то, что сосредоточивает устойчивые социальные, национально обусловленные созидательные традиции.

Культура — это воплощённое в разных областях содержание созидательных представлений, идей, опыта, устойчивых традиций, сформировавшихся и освящённых в самобытной исторической деятельности какого-либо народа, людей, являющих собой духовно-национальную общность. Культура — национальна. Народ может иметь или свою самобытную культуру или — не иметь никакой, ибо чужая культура ему не принадлежит. Народ неповторим, его культура отражается в полноте содержания этой неповторимости. Каждый народ имеет свой идеал человека. Этот идеал «всегда выражает собою, — говоря словами К.Д. Ушинского, — степень самосознания народа... народную совесть».

Многообразие национальных культур единой России сохраняется благодаря великой русской культуре, сформировавшейся в лоне Православия. Ведь даже в эпоху ожесточен-

ной средневековой религиозной розни и резни святой Феодосий Печерский проповедовал терпимость и человеколюбие ко всем народам разных вер, твердо следуя христианской заповеди любить своего ближнего, как самого себя: «Свою веру непрестанно хвали... И подвигайся в своей вере добрыми делами, и милостью одаряй не только единоверцев, но и чужих. Если видишь раздетого, или голодного, или от стужи или от беды какой страдающего, будет ли то иудей, или сарацин, или болгарин, или еретик, или латынянин, или язычник любой — всякого помилуй и от беды избавь, и не будешь лишен воздаяния от Бога».

Коренные свойства и традиции русской культуры имеют основание в соборном мирозерцании, чувстве совести, стремлении к правде-истине и правде-справедливости, любви, милосердию, вере в добродетельное и прекрасное и в несомненную победу добра. Эти черты культуры государствообразующего народа создавали условия для сотрудничества и духовного взаимообогащения культур народов России.

Россия — уникальный цветник культур. Выражение же *«российская культура»* отражает **непонимание** того, что национальность — **непременный признак истинной культуры**. Культуры могут сосуществовать и обогащать друг друга, лишь оставаясь национальными, то есть самобытными.

Для наглядности понимания приведу такую аналогию: люди, имеющие несовместимые группы крови, могут сотрудничать и дружить, а мужчины и женщины — вступать в брак, иметь детей и т.д. Но если одному из таких супругов перелить кровь другого — он умрёт. Культуры сосуществуют, успешно взаимодействуют и взаимообогащаются, но искусственное или насильственное «смешение» и «навязывание чужого» уничтожает культуры. Это необходимо помнить и нам в России в нынешних обстоятельствах искусственно создаваемого с помощью СМИ «вавилонского столпотворения», маниакально-агрессивной рекламы английского языка, в условиях колониального угнетения русской речи и системного разрушения отечественного образования, прежде всего его гуманитарной составляющей. Такая политика — это духовный геноцид.

Искусственно выдуманнные названия «государственный народ» или (ещё хлестче!) «гражданин мира» навязываются тайными устроителями «нового порядка» на путях задуманного ими уничтожения свободы и духовной самостоятельности народов. Национальный долг требует решительно воспрепятствовать этому фашистскому замыслу и сохранить стержень народа — национальность во всей полноте её тра-

диционных созидательных признаков. Государство должно исполнять свою неперемнную обязанность охранения и бережения национальной самобытности граждан. Так мыслили о России её выдающиеся мыслители. «Государства национальны в своём происхождении и в своём ядре... Даже те государства, которые в своём окончательном виде состоят из многих племён и народностей, возникли в результате государствообразующей деятельности одного народа, который и является в своём смысле «господствующим» или державным. Можно идти как угодно далеко в признании политического равенства разных наций — их исторической равноценности в государстве всё же не установить. В этом смысле Россия, конечно, остаётся и останется русским государством при всей своей многоплемённости даже при проведении самого широкого национального равновесия». В первом разделе Проекта основного закона России И.А. Ильин писал: Россия призвана «ко хранению и осуществлению законов правды в жизни российских народов». Это возможно потому, что «в русской стихии поистине есть какое-то национальное бескорыстие, жертвенность, неведомая западным народам».

«Если общечеловечность есть идея национальная русская, то прежде всего надо каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шагу всё изменится. Стать русским значит перестать презирать народ свой». «Если национальная идея русская есть, в конце концов, лишь всемирное общечеловеческое единение, то, значит, вся наша выгода в том, чтобы всем, прекратив все раздоры до времени, стать поскорее русскими и национальными».

Народная сила и прочное государственное единство возрастают на содружестве полноценных личностей, обладающих сознанием и достоинством своей исторической национальности. Только единство наций, основанное на чувстве общей судьбы и неущемлённого национального достоинства, может сплотить многонациональное государство.

Но ещё продолжают химерические поиски «государственной формулы», коренным образом извращающей историческую реальность. «...Идея Единой Нации, — свидетельствует О.Н. Забегайло, — формируемой к тому же без учёта определяющей роли религиозной принадлежности людей, утверждает своего рода «национальный экуменизм» и даже «безнационализм» — отрицает существование отдельных наций вообще и государствообразующей русской нации в частности. Ведь быть русским — значит, прежде всего, быть православным по вероисповеданию, а не членом некой единой нации. Кроме того, в такой единой нации все 100%

руководящих постов на вполне «законном» основании займёт одна известная всем нация, так как сущность теории «единой нации» составляет идея безнациональности общества. Тем более что по этой теории ближним является не любовью человек (образ Божий), а только «свой», а другие люди — чужие (гои)».

При этом надобно помнить, что исторические процессы национальной мимикрии политически значимы и не должны сбрасываться со счетов при трезвой оценке исторических обстоятельств.

Вместо того чтобы признать очевидную историческую правду о государствообразующей роли русского народа, составляющего несомненное большинство в семье народов России, ищут фальшивое «интернациональное клише для русского народа». Скрытая цель этих поисков в том, чтобы помешать единству и стабильности, организовать препятствие державности, затруднить державную работу русского большинства, создать условия для разброда.

В основе истинного русского национализма — чувство великой русской земли и ощущение исторического долга перед нею. Этому корневому русскому чувству сопутствует глубинное презрение к предательству, измене. Человек, изменивший Родине, — пропащий человек, то есть погибший безнадежно, становящийся пропадиной, то есть стервою, падалью. Сознание долга связано в русском сознании с чувством преемственности поколений, несущих из рода в род идею Божьего государства, олицетворяющего бескорыстное стремление к справедливости, святости, «благоговения ко всему человеческому — к добру, красоте и правде в каждом смертном...» При этом «нигде на западе и даже в целом мире, — писал Ф.М. Достоевский, — не найдёте вы такой широкой, такой гуманной веротерпимости, как в душе настоящего русского человека... Тем не менее хозяин земли русской — есть один лишь русский — и так будет навсегда...»

«Надо открыто признать, что Россия есть государство русского народа, — писал митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн. — В этой простой констатации очевидного исторического факта ни для кого ничего обидного быть не может. Ведь русские же громили псов-рыцарей на Чудском озере в 1241 году, секли полчища Мамаю на Куликовом поле в 1380-м, очищали Москву от интервентов-поляков в 1612-м, насмерть стояли на Бородинском поле в 1812-м! Русские же купцы ходили «за три моря», подобно знаменитому Афанасию Никитину, закладывая основы нашей экономической мощи! Русские же священники, иноки и инокини — подвижники Свя-

того Православия, любовно пестовали душу народа, вкладывая в неё драгоценные перлы добродетели: милосердия и незлобности, смирения и мужества. Русскими костями на девяносто (да как бы не поболее!) процентов усеяны с нашей стороны поля сражений Первой и Второй мировых войн. Да и сегодня русские составляют более четырёх пятых населения страны. Именно они являются тем цементом, который стягивает государственное строение России: общность якута и лезгина, татарина и вепса поддерживается лишь тем, что они на равных включены в державное тело Руси».

Да, именно так: всегда на равных. И на это способен едва ли не один русский народ!.. Этой свойственной ему чертою характера пытаются в ущерб ему же пользоваться недобросовестные или чуждые России политики. Преступные «игры» вокруг надуманного закона о «государственной нации» обнажают последовательно враждебный замысел оттеснения с исторических позиций державного, государствообразующего народа и «хитроумные» намерения разрушения целостности России...

Русским присуще чувство особой ответственности и жертвенность во дни тяжёлых испытаний. Слышал я, что маршал И.Х. Баграмян говаривал: если, мол, в военном подразделении меньше половины русских, то оно небоеспособно. Слышал я о предвоенном разговоре в марте 1941 года двух уже тогда известных служилых людей. «Война будет», — сказал один. «Что ты, что ты, — отвечал другой, — типун тебе на язык!» — «Будет», — повторил первый. «Почему ты так думаешь?» — вновь возразил ему второй. «А потому, что заговорили о русском народе с уважением. Это тогда случается, когда опасность на горизонте. Воевать-то и умирать будут прежде всего русские...»

Русские стяжали себе единственное преимущество: первыми умирать за Родину. Для созидания и спасения России от врагов-захватчиков русский народ сделал несравнимо много. Когда же наконец возвратят ему и всем народам России имёна, которые в официальных документах отняли у них в XX веке по вине недоброжелателей и недоумков?!

«Демократы» лишили граждан России права иметь в государственном документе имя родного народа, к которому они принадлежат. Изъятие имени народа из паспортов — в сущности, антиконституционно. По определению ЮНЕСКО недопустимо «любое действие, направленное на лишение этнических черт или идентичности того или иного этноса, любые формы его насильственной ассимиляции или интеграции».

Затем под шумок чехарды разрушительных реформ ввели термин «гражданское общество», тесно связанный с денационализированным государством. При этом повсеместно системно, поэтапно и варварски «придушили» источники объединяющей Россию русской культуры: в средней и высшей школе, сократили преподавание русской словесности, разного рода «мероприятиями» и распоряжениями «довели» знание государственного русского языка в России до критического состояния, «закрыли» отдел русского языка в Министерстве образования, отдел национальных литератур — в РАО, кафедры русской словесности в иных педагогических вузах, «сверху» сократили (сделали неполноценными!) программы по филологическим дисциплинам в педагогических университетах и т.п.

Всё это — вопреки интересам государства. «Теперь перед всеми русскими людьми стоит задача... сделать Родину нашу из умирающей — живою. И для этой новой задачи... нужно решительное изменение нашего отношения к нашей Родине-матери... Воссоздание России может быть совершено только подвигом и порывом общего национального объединения, только духом связанности высшими началам и святынями...

Для возрождения России нужно другое знамя — «восстановления святынь» и прежде всего — восстановления святыни народной души, которое связывает настоящее с прошлым, живущие поколения с давно отошедшими и весь народ с Богом, как жребий, возложенный на народ, как талант, данный Богом народу».

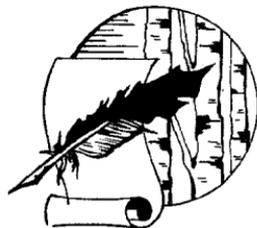
И речь идёт здесь не о какой-то искусственной «геополитической нации», а об историческом русском государствообразующем народе, у которого есть органическое «сознание ответственности перед целым».

Политики-манипуляторы совещаются сегодня о том, как рекомендовать «верхам» протащить через управляемую Думу закон о какой-то новой «российской нации». «При деэтнизации нации... русские теряют этническую идентификацию... — писал В.И. Илюхин. — В рамках национально-культурного автономизма закладывается основа дальнейшего расчленения России, что прямо касается проблемы безопасности вообще и национальной (этнической) безопасности в особенности». Эти слова вскрывают смысл откровенно порочного и опасного по последствиям замысла дерусификации, прикрытого благостными и фальшивыми словами об укреплении государственного единства. Они обличают тех, кто пытается сегодня во вред России продолжить усилия по её разрушению, используя сниженный ныне уровень поли-

тического просвещения масс. И будем помнить: этноцид или национальный геноцид начинается с препятствий в открытом определении причастности личности к своему народу, в сокрытии или лицемерном умолчании этой причастности. Всё это — нарушение прав человека в самом прямом смысле!

Благодатный опыт России не утрачен. И объединяющей силой, как и ранее, остаётся культура. Поэтому-то, писал П.И. Новгородцев: «Все, живущие в России, выросшие в колыбели русской культуры и под сенью русского государства, и могут, и должны объединяться ещё одним высшим началом, прочнее всего связывающим, а именно — преданностью русской культуре и русскому народу. В идеальном смысле своём это и есть именно высшая духовная связь. Она отнюдь не означает отрицания национальных и культурных особенностей отдельных групп населения. Пусть каждая из них чтит и развивает свою культуру, но чтит и развивает её на почве уважения и преданности великим сокровищам русской культуры...»

Многоцветье самобытных культур России, соблюдаемое и поддерживаемое получившей мировое признание русской культурой, будет и впредь великим созидющим духовным достоянием и щитом нашего Отечества!

Александр ГОНЧАРОВ

Александр Александрович Гончаров родился в 1924 году в Москве. Здесь же окончил среднюю школу, курсы шоферов и в 1943 году в свои девятнадцать лет ушел на фронт. Был он простым солдатом, водителем бронемашин. Освобождал Украину, Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию и после победы над Германией сразу же был направлен на Дальний Восток — воевать дальше, с Японией.

В мирное время старший механик А.Гончаров плавал в Арктике на легендарном «Красине», работал в МВТУ им. Баумана.

Александр Гончаров при жизни не опубликовал ни строчки своих стихотворений. Более того, он даже никому их не показывал.

Умер он в Москве в 1979 году.

ЧЕРЕЗ ОГОНЬ, ЧЕРЕЗ ЗАВЕСУ ДЫМА...

СМЕРТЬ В БОЮ

Он слышит сзади голоса и топот их шагов...
Он, спотыкаясь, добежал до ближнего столба,
Спиной прижался он к нему — один среди врагов —
И стер рукой кровавый пот, катящийся со лба.

А солнце летнее пекло, и день был так хорош!
И так уверенно строчил за домом пулемет,
Что он усталой рукой из ножен вырвал нож
И крикнул: «Что же, подходи! Посмотрим, чья возьмет!»

Передний что-то прокричал еще издалека,
И вскинув быстро автомат, прицеливаться стал...
Он понял всё, хоть и не знал чужого языка,
И, крепче сжав рукою нож, «не сдамся» прошептал.

И ничего, что грудь прожгло расплавленным свинцом.
И что далекое «ура!» в последний слышит раз.
Отряд в бою и он в бою... Он пал к врагу лицом.
Он знал, что пять минут назад он выполнил приказ.

1941 г.

* * *

Когда-нибудь под шорох непогоды,
В осенний вечер, через много лет
Твой позабытый маленький портрет
Мне воскресят потерянные годы...
Напомнит жизнь, что бурно так текла,
Меня в своем потоке увлекая...
Смахну я пыль с разбитого стекла
И оживет лицо твое, сверкая...
А я склонюсь усталой головой
И буду думать... молча... без движенья...
Во власти твоего изображенья —
Душой ничей, но сердцем — вечно твоей...

1941 г.

* * *

Опять в пути. Опять переселенье.
Опять, пугливо кутаясь в дожди,
Бегут назад туманные селенья,
Чтобы возникнуть снова впереди.
По сторонам, беззвучно рассыпаясь,
Летит в кюветы веером вода,
И ветерок, на стекла натываясь,
Уносится неведомо куда...
Вся мысль — в ревущих яростных моторах,
Вся жизнь — в руках, застывших на руле.
Из-под колес летит змеиный шорох,
Резиною придавленный к земле.
А впереди опять встают туманы,
Плывут навстречу мутной пеленой.
Когда ж блеснет луч солнца долгожданный,
Всему живому близкий и родной?
Брось яркий свет на пасмурные дали!
Чтоб, прежде чем идти в смертельном бой,
Не из обломков перебитой стали,
А средь полей увидеться с тобой.

1942 г.

* * *

Сдернули с мира огромного
Складки невидимых штор.
Месяц из облака темного
Выплыл на синий простор.

Ветер — гуляка отчаянный —
Тихо впорхнул в камыши,
Чтобы, как будто нечаянно,
Что-то шепнуть им в тиши.
Тени, беззвучно рожденные,
По берегам залегли.
Неба глубины бездонные
Стали чернее земли...
Звезды — огни осторожные —
Тихо мерцают в ночи.
Что же ты, сердце тревожное,
В грудь беспокойно стучишь?
Чуешь ли смерть недалекую?
Сам я почуял ее...
Кончилось наше широкое,
Вольное чудо-житье.
Что ж, ты стучишь, недовольное?
Хочешь на небо взглянуть?
Слишком уж небо привольное!
Слишком уж тесная грудь!
Слишком там много страдания,
Много мечтаний пустых!
Но не найдешь сострадания
В россыпях звезд золотых!..

1942 г.

ПАМЯТИ НЕИЗВЕСТНОГО ЛЕТЧИКА

Когда, прорвавшись через пламя дотов,
Наш фронт с боями двинулся вперед,
У кромки леса матушка-пехота
Нашла твой обгорелый самолет...

Он спал, согнув обугленную спину,
Растерзанные крылья разметал,
И на его разбитую кабину
Сосульками наплавился металл...

Ты там сидел — безжизненный и страшный
Склонившись на изогнутый штурвал,
Как будто вспоминая день вчерашний,
В который ты за всё отвоевал...

Мы всю машину молча осмотрели,
Как будто твой боясь тревожить сон,

Но бортовые знаки обгорели
И на тебе истлел комбинезон...

Откуда ты? Какой судьбой закинут?
Что на твоей могиле написать?
Где ждут тебя? В Москве? На Украине?
Кто ждет тебя? Жена? Невеста? Мать?

Мы спорили, насупившись угрюмо,
Искали твой планшет и не нашли...
Но знаю я, о чем вчера ты думал
В ста метрах от крутящейся земли...

1943 г.

* * *

Опять всё тот же сладкий сон
Моей душе усталой снится...
Мои мечты туманит он,
И не дает мне пробудиться...
Среди сомнений и тревог
Я вас зову.. Зову и плачу..
Зову, чтоб пасть у ваших ног,
И проклиная неудачу.
Меня преследует везде
Ваш взгляд, зовущий и далекий,
И я, как путник одинокий,
Бреду к мерцающей звезде.
И нет конца тому пути,
Покуда сердцу счастье снится...
Мне не дано к звезде дойти,
Как не дано мне пробудиться...

1943 г.

* * *

Мои друзья... Товарищи по парте...
Мои друзья во всех концах страны,
Судьба в каком-то яростном азарте
Вас разметала по фронтам войны.

Никто не знает и никто не скажет,
Где мне искать ваш заметённый след...

И я один... И я не знаю даже,
Куда послать мой дружеский привет.

А жизнь летит. Она летит, как птица...
Но прежде, чем меня сметет война,
Хотел бы я увидеть ваши лица,
И вспомнить тех, кого взяла она...

1943 г.

В РУМЫНИИ

У стен монастыря в захваченном селенье,
Где груды кирпича дворца чужих князей
Не вызывали в нас ни капли сожаленья,
А лишь тупую злость за кровь своих друзей,
Там — в зарослях густых, среди гроздей винограда,
Я встретил в темноте пугливые глаза...
Она стояла там у каменной ограды,
Прекрасна, молода, как гибкая лоза...
И встал я, замерев, ее красой плененный,
Со скаткой на плече, с винтовкою в руках...
Над самой головой шептали что-то клены,
И солнца луч играл на острие штыка...
Безмолвна и бледна, она, как привиденье,
Застыла — точно жизнь старалась спасти...
Я тихо отступил, чтоб не спугнуть виденье,
Чтоб в памяти ее такой же унести.
И я ушел вперед... Горели с треском хаты,
У стен монастыря пылал автомобиль,
Лежали вокруг него убитые солдаты,
И черную их кровь не впитывала пыль...

1944 г.

ПИСЬМО

Здесь фронт. Бураны и снега.
И смерть повсюду настигает.
Вдали над дзотами врага
Огни сигнальные мигают.
И дальше черною стеной
Стоят обугленные ели,
Взрывной разметаны волной,
Продуты взмахами метели.

Стоят, готовые упасть,
Черны, беспомощны и тонки.
На них беззубо скалят пасть
Обледенелые воронки.
Дорога меж ночных теней
Змеей взбирается на склоны,
И день и ночь бегут по ней
С боеприпасами колонны.
В тумане тормоза визжат,
Летят машины под откосы,
В кюветах «виллисы» лежат,
Поджав разбитые колеса.
У поворота на тропе,
У свежевырытой землянки,
Где на сосне стоит КП,
Мы поджидаем вражьи танки.
Они появятся из тьмы,
Несущей смерть гремящей тучей.
Вот потому и пишем мы
Своим родным на всякий случай.
Всё может быть в такую тьму:
Не разглядит врага разведка,
Или наводчик по нему
Пошлет снаряд не слишком метко.
Тогда из мрака на расчет
Подбитый танк, гремя, помчится
И на орудие вползет
Своей широкой гусеницей.
Уж мертвый, смерть он принесет,
Своей горящею громадой.
Тогда лишь ловкость нас спасет,
А если нет — грустить не надо.
Хоть будь семи вершков во лбу,
Своей судьбы не угадаешь.
И встретишь ты свою судьбу,
Когда совсем не ожидаешь.
Быть может, смерть меня найдет
С винтовкой в яростной атаке.
Быть может, лишь заря взойдет,
По мне пройдут стальные траки.
А может, после, через год,
В своей семье, в родной столице
Я расскажу про наш поход
И черно-красные петлицы...

1944 г.

БОЛЬШОЙ ПЕРЕВАЛ

Мне не спалось. Я встал чертовски рано —
Опять тоска...
Со мною рядом на хребтах Хингана
Спят облака.
Сырой туман наверх ползет по скалам
В ночную тьму,
И кажется — за этим перевалом —
Конец всему..

Я вспомнил фронт, карпатские дороги —
Была война.
А здесь туман, да горные отроги
И — тишина...
И, точно сон, рожденный тишиною
В лучах луны, —
Как будто снова рядом ты со мною,
Как до войны...
Как будто ты — неслышно и незримо —
Идешь со мной
Через огонь, через завесу дыма,
В мороз и зной...

Ты напиши: «Люблю и ожидаю...»
Пусть это — ложь.
Мне будет трудно, если я узнаю,
Что ты — не ждешь...

Лето 1945 г., Хинган

РАСКАЗЫ

ЦВЕЛИ, ЦВЕЛИ ЦВЕТИКИ...

Белый ангел этой полночью
Моего увёл коня.

С. Есенин

Отец потаённо, как бы стесняясь нас, детей, примостившись на угол стола, точил нож. Гибкое, тонкое лезвие с протёртой от долгого употребления ложбиной издавало характерный звук, как будто мартовская синица цвиркала у отца в кулаке. Её посвист, чистый и бесхитростный, я привык слушать по утрам. К началу зимы, когда первый снежок пробоval кочковатую морозную колею на дороге, в избе у нас появлялась синица, а то и две сразу.

Отец любил птиц, а может, это он просто нам на забаву приносил в рукавице жёлтый комочек, который с резким фырканием кидался в мутное, подёрнутое робкими ещё узорами стекло, бился, норовя преодолеть непонятное препятствие и улететь на волю. Через некоторое время, убедившись в тщетности своих попыток, зимняя гостья взлетала к потолку, цеплялась когот-

ПРОЗА

ками за проволочную подвеску, на которой крепилась старая керосиновая лампа, и, раскачиваясь с любопытством крутила чёрной головкой, разглядывая нас, детей, восторженно и весело приветствующих её.

Семья у нас была большая, но дружная. Пять человек детей, один меньше другого — игрушек на всех не накопишься. Да и где они, эти игрушки, в послевоенной деревне, нищей и разорённой?

Может быть, поэтому отцу так хотелось порадовать нас живой трепетной птицей, снующей по углам избы, где в пазах между брёвнами, прячась в жёсткой пакле, жили шустрые усатые тараканы.

Долгой зимой синице у нас было полное раздолье. Забыв о воле, она уже больше не кидалась в окна, а, беззаботно посвистывая, выдёргивала из пакли прячущихся от дневного света юрких проходимцев. К весне синица очищала избу от этих мерзких тварей, пугающих нас по ночам своими шорохами.

Привыкшая к нам птица становилась ручной, садилась на плечи, на руки, пружинисто прыгала по столу, собирая с клеёнки забытые крошки. Синица до того смелела, что когда я готовил уроки, с весёлым фырканием бросалась на линованный тетрадный лист и старалась склюнуть чернильные буквы на бумаге, путая их очевидно, с червячками. Догадавшись, что это что-то совсем другое, она с недовольным писком снова взлетала к потолку, вышелушивая побелку и осыпая меня всевозможным сором.

Школьные ручки тогда были перьевые, писали чернилами с нажимом, и мне было трудно потом убедить учительницу, что домашнее упражнение выполнено чисто и аккуратным почерком.

Жирная головастая двойка, поставленная красным карандашом, больше всего привлекала проказницу, и она с особым рвением долбила её лакированным клювиком, пока на этом месте не оказывалось грязное разлохмаченное пятно, и мне снова было трудно доказывать добрейшей Антониде Ивановне, что я к этому не имею никакого отношения.

По весне синицу отпускали на волю: всей семьёй выходили на крыльцо, отец подбрасывал её с ладони вверх, и она быстро, с резкими вскриками вспархивала на тополь у крыльца, неуверенно, бочком передвигалась по тонкой веточке, затем снова пикировала на нас, кружилась возле, словно приглашая за собой, и потом только, прощально свистнув, улетала, уже навсегда.

Как отцу удавалось ловить синиц, я не помню, но так было каждый год.

Вот и теперь, вторя свистящему звуку стального лезвия по камню, где-то за печкой откликнулась желтогрудая птаха.

Там же, в тёплом закуте, скобил нетвердыми копытцами мокрый дощатый пол коровий детёныш. Несколько дней назад, ночью, отец внёс его на руках в избу и положил возле печки обсушиться. При свете керосиновой лампы я видел, как это слабое вещество зябко передёргивало мокрой кожей со слипшийся, словно зализанной, красновато-бурой шерстью. Пятнистые бока его, как развёрнутый географический атлас с причудливыми изгибами материков, вздымались коротко и часто.

Утром нас ждала запеканка из молозива — жёлтая, слегка сладковатая, упругая, будто пережаренный омлет, белковая масса. Для нас, слабых, изголодавшихся за долгую зиму детей, это было лакомство.

Отелилась корова, теперь мы наверняка доживём до весны, когда можно на проталых грядках нашего огорода собирать оставшуюся с осени и вымытую вешними дождями картошку. Водянистую после морозов, её сушили на плите, потом толкли в ступе, замешивали на воде и пекли в печи, как лепёшки. Крахмалистые, они были хороши, пока горячие. Остывая, лепёшки чернели, рассыпались в руках, как слипшиеся опилки, и проглотить эти скороспелые оладышки всухомятку не было никакой возможности. Но с молоком они шли за милую душу.

Начало пятидесятых годов почти ничем не отличалось от военного времени. Та же бескормица, налоги, займы, пустые трудодни и беспросветная нужда.

Нашей семье ещё жилось хорошо. Матушка корова, молчаливая кормилица, не давала пухнуть с голоду. А мой товарищ, Коля Юрасов, из-за распухших, неподвижных ног вынужден был бросить школу, так и не сумев выговорить своё имя. — Николаша.

— Как тебя зовут? — спросила его учительница, когда мы пришли первый раз в школу, пугливо озираясь в непривычно большом помещении класса.

— Коласа, — сказал он под общий смех.

Так и стали его называть — Коласа да Коласа.

Болел он тихо, ни на что не жалуясь и ничего не прося. Я ходил к нему и бесконечными разговорами старался разве-селить друга. Он грустно улыбался, лёжа на старой дерюжке, двумя руками переставлял затёкшие ноги и снова впадал в сонное забытьё.

Тогда моего товарища удалось спасти в районной больнице. Правда, в другой раз рука медицины не дотянулась до

Коласы. Взрослея, он, как и многие мои ровесники, заболел распространённой среди мужиков на Руси болезнью и однажды утром, мучаясь нетерпением, не угадал бутылку с дихлофосом и улетел на белых крыльях, отягчённый великим грехом пьянства, иммунитет к которому, наверное, у моего поколения был подорван нашим голодным детством.

Питались всем, что могли пережевать и проглотить.

Однажды в маленькой сельской пекарне, где истопником работал мой дядя, меня угостили ещё горячей, пахнувшей сытостью, хрусткой корочкой только что испечённого хлеба. Хлеб пекли в прямоугольных жестяных формах, предварительно смазав их из большой круглой банки беловатым, вроде топлёного свиного сала, легко тающим в руках жиром.

Пока дяди в пекарне не было, я быстро окунул вожделенную корку в этот жир и тут же съел. То ли был голоден сильно, то ли глотал торопливо, но масленого вкуса я не почувствовал. Только потом, перегнувшись пополам от резкой боли в животе, сплёвывал тошнотаватую слюну в тёмную неподвижную воду осенней лужи и с удивлением рассматривал, как по ней расплывались радужные пятна, словно плеснули туда керосина.

Позже мне объяснили, что это был технический вазелин, а проще — очищенный солидол...

Такое вот было время...

Я хорошо помню этот дымный запах избы, ослепительно бьющее в окна февральское солнце, которое стелило на полу тёплые золотые половички. Отец точит горбатый кухонный нож, и ему вдохновенно вторит почти ручная синица. Из глубокого голубого блюда я пою телёночка молозивом, из экономии наполовину разведенным тёплой водой.

Телёночек ещё плохо умеет самостоятельно пить. Он бестолково мотает головой, тычется в руки, пытаясь большими губами прихватить мои пальцы. Я кунаю их в пойло, телёночек тянется за моей ладонью, вбирает пальцы в рот и начинает, сладко причмокивая, всасывать разбавленное молоко.

Он такой маленький, беззащитный...

В его огромных глазах я отражаюсь, как в чёрном выгнутом зеркале, большеголовый, с тонкой шеей.

— Настасья, — оглядывая меня, говорила моей матери наша фельдшерница. — У него голова от малокровья кружиться, и лицо, как у китайца, жёлтое. Ему бы мясца теперь...

— Эх, Нюрашка-Нюрашка, — горько вздохнула мать. — Откуда теперь мясца взять? Вот уж и картошка кончается. Одна нужда осталась, сердце гложет...

Телёночек пахнет весной, луговыми травами, пряным запахом подвянувшего сена. Он осторожно следит за моими

движениями, изредка моргая девичьими длинными изогнутыми ресницами. Язык его упруг и жёсток. Он резко прижимает мои пальцы к ребристому нёбу, и я чувствую, как между пальцами струится тепло. Я прижимаюсь щекой к его бугристой мордочке, покрытой шелковистой шерстью. Сопящее дыхание спокойное и ровное.

Иногда телёночек, увлѣкшись, слишком глубоко окунает мордочку в блюдо, и тогда его питиѣ бурлит от выдыхаемого воздуха сквозь широкие мягкие ноздри, брызгая мне в лицо.

Но вот блюдо опустошается, телёночек, кивая головой, благодарит меня, старается увязаться за мной. Он резко отрывает передние ноги и, не удержавшись, валится набок, вытягивая в мою сторону шею и жалобно мыча.

А отец всё воет нож. Казалось, этому действию не будет конца. Звуки скользящей стали по точилу вызывают смутные ассоциации с чем-то непоправимым и жутким, моѣ детское сердце сжимается в необъяснимой муке.

Мороз уже давал послабление. Оконные стѣкла к вечеру оттаивали. За день крыши обрастали светлым частоколом сосулек, но в избе от пола понизу тянуло холодом, и, наверное, поэтому зябкая частая дрожь пробегала по всему телу телѣнка, а он только покорно смаргивал набегавшую на глаза влагу и грустно вздыхал.

Я снял висевший на гвозде отцовский полушубок и накрыл им коровье детѣныша, забыв, что за это можно было получить скорый подзатыльник. Но отец, казалось, не замечал меня и всё так же увлечѣнно продолжал точить нож.

Сколько я себя помню, он всегда что-нибудь точил: топоры, стамески, плоское лезвие рубанка и ещё что-то. Отец был хорошим плотником, а у хорошего плотника должен быть и хороший инструмент. Топор, которым он работал, никто не смел брать в руки. Топор тот был какой-то особой стали и настолько остѣр, что однажды отец поспорил на выпивку со своим соседом, мужиком хитрым и подначливым, что может запросто побриться вот этим топором.

Сосед посмеивался. Ударили по рукам, а мне, как свидетелю, хотя и малолетнему, пришлось их разбивать. Отец растегнул свой широкий бычьей кожи ремень, натѣр его какой-то зелёной пастой, зацепил за гвоздь в стене, велел мне принести топор и потом долго наводил его на тугом полотнище.

Пока сосед, усмехаясь, раскуривал самокрутку и хвалился своим табачком, отец, сжав губы, без зеркала, а так, на ощупь выбрил щетинистые щѣки.

Сосед потом горячо торговался, стучал кулаком себе в грудь, доказывая, что щѣки выбриты нечисто, но, в конце концов,

согласившись, принёс початую бутылку самогона, и они с отцом её тут же выпили, довольные друг другом.

Можно было не сомневаться, что кухонный нож, который отец сосредоточенно точил, будет острее бритвы.

Наша печь служила единственным прибежищем, где можно было хорошо отогреться, и я, набегавшись за день, уснул быстро и крепко. Старая телогрейка под головой да суконное одеяло, перешитое из солдатской шинели, были так же уютны, как материнские объятия.

На печи всегда спалось хорошо, и ночь пролетала в один момент, без всяких сновидений. Но тогда мне снился цветной сон, сначала долгий и радостный, какие бывают только в детстве, перешедший потом в тягостные видения.

Под синим-синим небом, залитый солнцем, раскинулся в бесконечном пространстве по-весеннему цветущий луг. Было видно, что недавно прошёл дождь. Следы его остались в крылатых чашечках цветов, на белых лепестках ромашек, в узких желобках травинки. Множество радуг вставало, упираясь, как телефонные столбы, в самое небо. На лугу, обирая губами цветы, пасся коровий детёныш, наш телёночек.

Но это и не цветы вовсе, а бабочки, которые тут же вспархивали и кружились, кружились и снова садились на яркий бархат, и снова превращались в цветы.

Я тоже попытался прихватить щепотью ромашку, но она вспорхнула из-под руки и, танцуя в нагретом воздухе, стала дразнить меня. Я хлопал в ладоши, пытаюсь поймать её, но она тут же ныряла в траву и снова превращалась в ромашку.

Резвый телёночек в солнечных пятнах на рыжих боках, кивая головой, потянулся к моей ладони, и я увидел у него на широком, ещё комолом лбу большую красную бабочку с чёрной отметиной на крыле. Я потянулся за бабочкой, чтобы потом, расстелив чаровницу меж книжных страниц, любоваться ею на длинных скучных уроках.

Но это уже совсем и не телёночек, а мой школьный друг Коласа. Он зовёт меня поиграть в салки, но мне Коласу не догнать, ноги путаются в траве, и я падаю. Шершавый, как рашпиль, язык лижет мне лицо, мне тяжело дышать, я задыхаюсь. Жёсткое шинельное сукно лезет в рот, я комкаю одеяло и просыпаюсь.

Снизу, как во время стирки, тянет сыростью нагретой воды. На потолке мечется огромная распластанная птица или это просто беспокойная тень. Внизу какая-то молчаливая, призрачная возня.

В последние дни, перед самым отёлом нашей Красавки, по ночам отец часто выходил во двор с зажжённой лампой. Ро-

дители с нетерпением и скрытой тревогой ждали, когда разрешится от бремени корова. Красавка была единственным существом, которое могло спасти от голода нашу большую семью. Зимой плотницкой работы в селе не находилось, а что могла сделать одна мать, когда на руках — куча мала? В редкие свободные минуты мать шила на дому, но этого едва хватало даже на жмых.

Страх за корову передавался и нам, детям. Мать велела каждый вечер молиться за благополучие семьи, за нашу Красавку, чтобы она в срок принесла телёночка, и тогда у нас, Господь пошлёт, будет молоко. Жмых ещё не кончился, слава Богу...

Прессованные брикеты заменяли нам в ту зиму хлеб. Они были жёлтого цвета, легко крошились в руках и напоминали вкусом вату, пересыпанную толчёной дубовой корой. Большие куски жмыха, я помню, лопатой грузили в мешки и на салазках привозили домой. То был хлопковый жмых.

Жмых размачивали в горячей воде, забеленной молоком, и ели, как тюрю.

Вот и на этот раз я думал, что беспокойный отец собирается проведать корову и дать ей разогретое пойло. Я, вытянув шею, с любопытством потянулся посмотреть вниз — может, корова снова телиться будет?

Там, на полу, в неровном пламени керосиновой лампы, неестественно откинув к спине лобастую голову, лежал наш телёночек, с которым я только что во сне играл в догонялки. Отец, присев на корточки возле него держал передние его ноги, а задние, с маленькими лакированными восковыми копытцами, всё толкали и толкали невидимую твердь, словно бескрылый коровий детёныш в прыжке хотел преодолеть земное притяжение и воспарить в небеса. Из разломанной шеи в большое голубое блюдо, в котором недавно плескалось пойло для этого детёныша, билась пенистая тёмная струя, и в доме стоял густой запах распластанной плоти.

Я сразу ещё не понял, чем так усердно глубокой ночью занимается отец. Родитель мой не любил, когда ему мешали. В деле он был скор, но скор был и на руку и мог сгоряча влупить так, что мало не покажется.

Я, затаившись, посмотрел вниз ещё раз, с ужасом осознавая, что случилось что-то страшное и уже непоправимое, чего до этого мне никогда не приходилось видеть.

Чтобы не закричать от жалости к лежащему внизу на голых половицах существу, я закусил зубами конец грубого и жёсткого, как войлок, одеяла, давясь слежалой шерстью шинельного сукна. Хотелось уползти в угол, забиться в щель, стать маленьким-маленьким и не видеть, что делается там,

внизу, в сыром и тяжком воздухе нашей старой избы, но властная сила переживаемого ужаса заставляла смотреть на эту картину и давиться слежалым сукном непокорного одеяла.

Отец был так занят своей работой, что и не заметил меня, оглушённого и придавленного происходящим. Всё моё детское существо кричало и противилось увиденному, трепеща до самых кончиков пальцев. Не помню потом, как я провалился в чёрную воронку сна, которая засосала меня в беспмятство и выбросила на берег, где порхали и кружились странные цветы-бабочки. У самого лица огромным коровьим выменем с розовыми сосцами свисало не успевшее подняться в зенит солнце. Я хватаю губами эти тугие соски, и парное молоко струится в меня. Молока так много, что оно заливает лицо, грудь и струится на землю.

Напористый телёнок скачет около, толкается, гомонит. Я мучительно долго ищу то большое обливное блюдо, куда можно слить целебный напиток, белый, как день, желанный, как сама жизнь, чтобы напоить доверчивое глупое существо, которое тычется в мои ладони.

Коровий детёныш жалобно мычит, вытягивает губы и смотрит на меня большими круглыми глазами, в которых отражаюсь я, смеющийся, весёлый, кудрявый. Потом тянет меня за рукав туда, где отец размашисто косит луг, и молчаливые, покорные травы ложатся у его ног под стремительным неотвратимым посвистом ныряющей косы. Отец идёт по травам, топча большими сапогами обескрыленные и вялые цветы, которые только что тянулись к лучезарному небу на своих тоненьких качающихся ножках.

Вдалеке из-за горизонта мимо высоких радуг, не замечая их, приближается мать. В руках у неё большое блюдо, которое я так долго искал. А в блюде, золотыми кольцами возвышается горка городских кренделей, рядом узкогорлая бутылка с молоком, заткнутая бумажной пробкой — обед для моего родителя.

Мать тихо и грустно поёт песню, каждое слово которой колет и режет моё детское сердце:

Цвели, цвели цветики.

Цвели и опали.

Цвели и опали —

Их люди стоптали...

Я бегу навстречу матери. Обхватываю её руками, тычусь лицом в подол голубого шёлкового платья, которое мать надевает только по праздникам, и горько плачу неизвестно отчего.

Откуда у неё это платье? Ведь она ещё летом обменяла его на мешок картошки, которую нам хватило до своей, молодой, и есть лебеду не пришлось...

Со всхлипом я просыпаюсь.

В доме душно, наверное, топится печь. Я, не помня событий прошедшей ночи, ныряю в отцовские валенки и выбегаю за дверь. Красавка мычит рядом за стеной надрывно, всхлипывая по-бабьи. В сенцах на дощатой скоблённой ножом чистой столешнице лежит раздетый телёночек...

Весь ужас ночи встаёт передо мной, накрывая тяжёлым и жёстким одеялом солдатского сукна...

Помню потом, как мать, уговаривая меня, долго не могла оторвать моих рук от холодных досок стола. Предметы стали вырастать до невероятных размеров, заполняя всё окружающее пространство. Мать на руках отнесла меня в дом и положила на кровать, прикрыв стёганым одеялом. Я задыхался под ним и что-то кричал. Мягкие кошачьи лапки болезни стиснули моё горло, и не было возможности поднять руки и разжать их тесных объятий.

Я тяжело и долго болел. Мясной горячий бульон, которым мать пыталась накормить и вылечить меня, вырывался обратно, вызывая мучительные толчки в животе. Отец, старался не смотреть в мою сторону. Виновато курил и, тяжело вздыхая, ходил взад-вперёд по избе, и половицы под ним жалобно вскрикивали.

Однажды ко мне в гости пришёл мой Коласа, хвалясь тем, что врачи его поставили на ноги, и теперь он уже запросто может ходить в школу, если обувь найдётся.

— Лежишь? — сказал он, усаживаясь по-мужски на придвинутый к моей постели табурет.

— Лежу.

— А мне вот катанки стали велики! — скинул он подшитый валенок и показал мне ногу. Нога, опутанная голубыми ниточками вен, стала почти прозрачной, и тонкая кость проступала сквозь кожу от ступни до колена.

— А у меня нарыв в горле, — предупреждаю я. — Ты ко мне близко не подходи, заразишься.

— Не, я теперь не заболелю! — отвечает он, ковыряя какой-то щепкой во рту. — Мясо в зубах застряло. Мне твоя мать во какой кусок отвалила!

У меня снова начинается рвота. Коласа долго стучит по моей спине, так долго, что из горла идёт кровь.

Всплескивая руками, ко мне подбегает мать и начинает отпаивать горячим молоком с мёдом. Где она раздобыла в ту пору мёд, я не знаю.

Коласа ушёл домой, а я стал быстро поправляться и снова пошёл в школу. Та давняя кошмарная ночь потихоньку забылась, да и многое забылось с тех пор. Но в грустный, ненастный час нет-нет да и вспомнится тихая печальная песня — «Цвели, цвели цветики...»

ЮРИКОВНА

Миленький ты мой,
Возьми меня с собой.
В той стране далекой.
Буду тебе сестрой.

Старинная песня

Сестра моего отца, Макарова Прасковья Федоровна, нисколько не сомневалась, что она скоро пребудет в другой мир, более чистый и светлый, какой бывает горница у верующего русского человека перед Христовым Воскресеньем. Она собиралась умирать, как собираются в дорогу к родительскому дому после долгой разлуки с ним. Хотя, если подойти к этому логически и с философской точки зрения, так оно и есть на самом деле.

Ее родители, мои дедушка и бабушка, оставили этот мир давно и, наверное, заждались там ее, загостившуюся на земле без стыда и совести. По крайней мере она мне так говорила давно, еще лет за десять до своей смерти.

— Ты, сынок, — она мне доводилась крёстной матерью, — как только я умру, смотри, чтобы похоронили меня по-христиански, честь по чести, по старому обычаю, в папанину могилку, как полагается. Чтобы в бондарской церкви отпели. В Тамбове меня не отпевайте. Городские священники так провозжать не умеют. Здесь они — всё больше наспех, впопыхах, словно к обходящему поезду готовят. А мне спешить некуда. Мой поезд без меня не уйдет. Некуда спешить. В Бондарях батюшка на веру совестливый, он полный обряд сделает. Ну-ка, пойди сюда! — Крёстная подошла к иконе наиболее почитаемого ею Николая Угодника и попыталась достать что-то из-за потемневшего от времени образа святителя. — Вот, вишь ты, никак не достану, в землю вращать стала. А, бывало, дотягивалась. Грехи-то все на позвоночнике висят — она потеряла, охая, тыльной стороной еще по-женски пухлой ладони поясницу. — В баньку надо бы сходить. Да где они теперь, эти бани? В ванной разве напариться? Посидишь-посидишь в ней, пока не задремлешь. Иди-ка сюда! Достань там узелочек маленький. Пошарь, пошарь, он там!

Я достаю пожелтевший от времени шелковый носовой платочек с розовой расшитой каймой, завязанный уголками крест на крест. Там что-то есть. И подаю ей.

Она разглаживает двумя руками столешницу, берет у меня осторожно, шепотью, узелок и кладет на разглаженное место. В старинном шелковом девчоночном платочке все сокровища пожилой женщины: желто-серые камешки ладана, привезенные неизвестно кем и неизвестно когда из Иерусалима, темно-коричневый отшлифованный до костяной матовости кипарисовый крестик, маленькие золотые сережки, сделанные в виде сердечек, перстенок с голубым стеклышком и крошечный желтый диск, который она бережно берет, протирает большим и указательным пальцами и протягивает мне.

Когда я был еще ребенком, то часто проводил школьные каникулы в этом доме и постепенно приобрел неоправданное доверие своей крёстной. Тогда, помнится, таких дисков за иконой был целый столбик, и я подолгу, со страхом рассматривал на них бородатое изображение, как я уже знал, последнего русского царя Николая. Особенно болезно было рассматривать на обратной стороне оттиск двуглавого орла. Хранить и рассматривать такие вещи в то время было совсем не безопасно — царская символика все-таки!

— Вот, держи! Помни свою мать крестную! Последний золотой из нашего дома. Ты деда своего помнишь? Ну, где тебе! Я тебя еще тогда на руках держала-пестала, когда папаня помирал. Он как с Северов вернулся, без мамы нашей, так и слёг. Ему жевать нечем было — цинга, говорили. Он пососет-пососет корочку, да и отвернется к стене. И всё молчит. Я ему: «Папаня, папаня, а мамка как же?» А он зажмет голову руками и постанывает, вроде зубы у него болят. Забывал, что зубов-то у него совсем нет, десна одни... Да, вот тебе золотой — пятёрка это, ты ее возьми, возьми, она тебе еще пригодится, но только обещаю, ладно? Когда меня отпоют, в церкви отпевают, это ты знаешь, то гроб сразу же крышкой закрой и забей покрепче, чтобы меня по деревне несли закрытой. Чтобы лица моего не видно было. Зачем людей пугать? Лицо-то всё черное будет. Ну, чего ты смеешься? Я правду говорю. Рано умирать, толкуешь? Это как сказать! Один Господь знает, кому сколько отмерено. Вот твой дядя Егор, уж как жизнь любил! Думал, не повалится, а ушел, царство ему небесное! Да и отец твой, уж какой кочет был! Коршун! В семьдесят лет мог один бутылку водки выпить и на голове постоять. Страх! А золотой, не гордись, бери, спрячь подальше. — Тетка взяла меня еще крепкой пятерней за волосы и сердито потрепала. — Ладно, иди! Помни, что я тебе сказала.

Я-то помнил, но завета матери крестной не выполнил. Родные сказали: «Не положено! Молод ты еще командовать! Надо ей с миром проститься, с деревней своей, с людьми». Так и несли ее открытую до самого кладбища. И гвозди забивал не я, а какой-то пьяный мужичишко. Не наш сельский, а из переселенцев, которых в Бондарях становилось всё больше и больше. Мужичишко посмеивался, стучал бойко молотком, матерился, попадая по пальцам. Гвозди гнулись. Народ укорял мужичка за его неумелость. Но дело было сделано, и глинистые комья посыпались в страшную яму, застучали по сухой сосновой крышке, зашуршали, наваливаясь на гроб.

...А пятерка мне ой как пригодилась, когда почему-то перестали давать зарплату, и жить стало не на что. Эту золотую пятерку, последнюю реликвию, доставшуюся мне из глубин времени, я разменял на тамбовском базаре у веселого цыгана, которому новая экономическая политика государства вложила в каждую ладонь по козырному тузу.

А история тетки, моей крестной матери, несмотря ни на что, забавна и необычна.

Прежде всего по записям в церковной книге она не значилась Макаровой Прасковьей Федоровной, а писалась Прошкина Прасковья Рюриковна. Истинным было у нее только имя.

Дело в том, что тетка родилась в 1913 году прямо в поле, под копной, после чего моя бабушка слегла до самого Покрова, а крестить ребенка взялась соседка, Рюрика Прошкина жена. Мужичка, не сдержанного на вино и на занятия по производству детей. «Рюрик» было его деревенское прозвище.

Тогда еще жили общиной, миром, и большая часть забот по воспитанию многодетной семьи брал на себя «мир». Со знавая, что сколько бы он ни работал, а восемнадцать ртов не прокормишь, Рюрик всё больше выполнял необременительные поручения сельского старосты, махнув тем самым рукой на ежедневный и кропотливый труд сеятеля. По-нынешнему сказать, он был прирожденный общественник, да и жена его работала всё больше «на подхвате», угождая своим деревенским за складчину в свое нищенское хозяйство. Вот она и отнесла крестить новорожденную девочку в свой приход. Священник, дав по святцам имя моей тетке, вписал ее по фамилии Прошкина с отчеством Рюриковна, то ли из-за своей неграмотности, а то ли под влиянием бесовского зелья.

Об этой записи узнали только тогда, когда пришлые комиссары с завидным пристрастием стали выправлять документы на крепкое хозяйство моего деда, и тетка сразу перешла в иную социальную группу, став членом семьи сотрудника Комбеда Прошкина Юрия Мартыновича, по-деревен-

ски «Рюрика», где она и воспитывалась ввиду длительного отсутствия своих родственников. Добротный, рубленый пятистенник деда сразу перешел к Рюрику, и в жизни моей тетки почти ничего не изменилось.

Жизнь стала выравниваться — кто был побогаче, обеднел, а бедным беднеть было некуда. Моя тетка к тому времени была девка уже на выданье, вышла бы замуж, да дом свой оставлять не хотела, а привести суженого в чужую семью она не могла, хотя соседи были люди не привередливые: «Живи — говорят, — Параня, чего там. Дело ведь соседское! Мы тебя не обидим».

У Прошкиных дети тоже повзростали. Новая жизнь распределила их всех по своим местам. Следуя отцовской дорожкой, дочери Рюрика повязали красные косынки, вводили в столбняк односельчан крепкими словечками, хождением в общественную баню, построенную из раскатанных бревен кладбищенской церкви, в затыжку курили самосад, цвиркая по мальчишески сквозь зубы длинную струю набежавшей слюны, сыновья одели кожанные куртки сотрудников СГПУ, с наганами в руках проводили добровольную коллективизацию с комсомольским азартом и непосредственностью. Самый младший из них Михаил, ровесник приемной Прасковьи, от остальных братьев отличался живым умом, способностью к учебе и считался в районной комсомольской организации рабоче-крестьянским корреспондентом, писал призывные лозунги к революционным праздникам, сотрудничал в газете «Красный Пропагандист» и втайне пописывал стихи, которые выдавал то за некрасовские, то за агитки Маяковского, когда длинными вечерами читал их моей тетке. Тетке стихи нравились, и она их слушала всегда с большим удовольствием, что приводило Михаила в восторг, и еще больше укрепляло их дружбу. На все призывы своего нечаянного брата вступить в комсомол терпеливая слушательница многословных стихов отказывалась, хотя на все другие предложения откликалась с охотой: участвовала в бесконечных субботниках и воскресниках по наведению коммунистического порядка на селе, собирала кое-какую одежду и другие пожертвования в пользу голодающих и беспризорных детей. Их дружба с Михаилом была больше родственной, и никаких подозрений у сельчан не вызывала. Михаил на поприще газетной работы, вероятно, делая большие успехи, был рекомендован партийным начальством для продолжения учебы в Москве. Михаила провожали всей семьей, как и положено по русскому обычаю, с хорошей выпивкой и гармошкой. Михаил был счастлив, за столом кричал, размахивал руками, читая, теперь уже с похвальбой, свои стихи.

Рюрик качал головой, за каждый опус в пользу новой жизни и светлого будущего выпивая по рюмке, вскакивал и тоже размахивал руками, пытаясь вставить в стройную речь сына свое, ядреное и матерное. Рюрика оттащивали от сына за рубаху, хлопали в ладоши светлому будущему, когда у каждого на столе будет, как при старой жизни.

Одна Прасковья сидела не улыбочива и грустна, хотя вместе со всеми хлопала в ладоши, смагивая нечаянную соринку в глаз. Было видно, что ей не в радость предстоящая разлука с веселым и общительным Михаилом, с которым она всегда чувствовала себя, после разлуки с родителями и семьей, легко и свободно.

— Ну-ну, Паночка, — гладил он ее по голове. — Не криви улыбку, пальцы теребя, я хочу другую, но люблю тебя. Я большим человеком буду и обязательно тебя отсюда выпишу. Хочешь побожусь? Ну, честное комсомольское слово! Не куксись. Кривая гримаса — для кваса. — Подержал ее за плечи, тихо поцеловал в мягкие податливые губы, сел в райкомовскую запряженную нетерпеливыми рысачами бричку с железными рессорами, с расписанной неведомыми цветами полудужкой сиденья, спинка которой была похожа на стоячий воротник боярской шубы, и укатил под горку на большую дорогу в чудный и сказочный мир большого города под названием Москва.

Светила ли над той дорогой звезда, не знаю, но, наверное, все-таки проблеснула...

Уехал Михаил и как в воду канул. Ни привета, ни ответа своей многочисленной родне.

Моя тетка, цыганской красоты, к женихам относилась равнодушно, всё чего-то ждала, тянула время, хотя на девичьи посиделки ходила и не была обойдена вниманием местных ухажеров. Но все они казались ей какими-то обычными, серыми, как вся оставшаяся жизнь, и лишенными интереса, не то что Михаил — пересказывал прочитанные книги, раскрывая ей глаза на новую жизнь, какой она будет счастливой лет через десять. Рассказывал ей новости в стране и мире, читал, прикрывая глаза, стихи...

Он называл эти разговоры политзанятиями с народом и трудовым крестьянством, цепляющимся за проклятое прошлое, и смеялся озорно и хитро, как после не смеялся никто.

Молчал Михаил, видно, нечем ему было там хвастаться. Город о-го-го какой. Затерялся, как иголка в соломе.

— Пропал парень! — говорил в сердцах его отец Рюрик, возглавлявший колхоз «Дорога бедноты» с его вечными недородами, засухой и безвременными дождями со снегом: то не дотянули, то недожали...

Моя тетка в колхоз писаться не стала — в общее хозяйство сдавать ей было нечего, кроме своих рук, а руки у нее, как говорится, были на месте. В семье Прошкиных она выполняла любую работу, а в колхоз не шла — то ли на коммунистическую власть у нее была обида за родителей, то ли не хотела за нищенский трудодень горбатиться в поле с утра до ночи. Принуждать ее, к удивлению соседей, никто не принуждал, видимо из-за социалистических устремлений самих Прошкиных.

От раскулаченных родителей ей в наследство досталась швейная машинка системы «Зингер» — бульдозер, а не машинка! Шьет всё, начиная с батиста и кончая шубной овчиной. Машинку эту Рюрик вовремя перенёс к себе в сарай, поэтому она и не попала в опись конфискации имущества.

Прошкиным машинка была нужна, как козе баян, всё равно бы ржавела вместе с домашней рухлядью, а вот теперь она и пригодилась. Да еще как! Заказов на шитье было столько, что даже записывались в очередь загодя. Полушубки в деревне зимой самая незаменимая вещь, и приемной дочери Прошкиных в знак благодарности пришлось кормить не только себя, а и всё многочисленное семейство. На колхоз надеяться было нечего, он спотыкался, как слепая кляча в борозде. Хлеба не всегда хватало даже до посевной. Солому с крыш стравливали по весне скотине, и до новой жатвы избы зачастую горбатились выпирающими ребрами почерневших жердей. Новая жизнь приучала ко многому.

Рюрик, находясь в подпитии, часто просил прощения у моей тетки:

— Ты уж прости меня, Параня, что всё так вышло. Я язык за зубами держал. Кто-то на твоих в район бумагу написал, а меня взяли только в понятия. Ты девка золотая. Тебя бы за Мишку замуж отдать. Ты нам всё равно как дочь родная. Дай я тебя поцелую! — и лез целоваться, путаясь в шубном раскрое.

Прошкины ее не обижали, относились ровно, хлебом не попрекали, да и как попрекнешь, если Параня зарабатывала сама, да всё живыми деньгами...

Так они прожили года два. От родных с далеких Северов никаких вестей не было — словно волной смыло в полую воду. Разбушевавшаяся стихия уничтожения русского крестьянства гуляла по всей России, как весенний паводок. Повозка слёз катилась по ухабистым сельским дорогам, запряженная в красных коней, плеская направо и налево. Великий классовый эксперимент набирал силу. Письмо от Михаила пришло осенью, и надо же так случиться, к престольному празднику Архангела Михаила, словно там, наверху, знак подавали, а какой — неизвестно. Уже первым морозцем по-

хрустывала извилистая колея на большой дороге. Сахарком присыпанные утренние поля празднично посверкивали на приподнявшемся солнышке. Просторно и гулко стало в деревне. На одном конце прокричит петух, на другом кукарекнется. Предзимье.

Зашелестело сердце, как весенний листочек, когда она в недоумении крутила в руках голубой конверт с московским адресом и большими казенными буквами, отштампованными на нём. Рюрик, по обычаю, сидя на скамейке перед голландкой, раскуривал «козью ножку», то и дело сплевывая сквозь поредевшие зубы в огонь.

— Читай, читай, дочка, вслух, ты вроде как грамоте научилась, а нам с бабкой эти мышинные следы не разобрать. Он, босяк, наверное, денег будет просить, а откуда у нас деньги? То недород, то засуха, то понос, то золотуха. Самим хоть побираться идти. Говорил я ему, засранцу, — выбей эту блажь из головы! А он всё: «Поеду да поеду! Обо мне в книжках читать будете!» Вот и читай теперь! А тут еще Вовка Метелин подсобил, тоже чегой-то там писал в «Сельску Новь», что ли? Подбивал, подлец: «Едем, Мишка! Не слухай отца, он весь в коросте, как танк в броне. Мы с тобой еще пробьёмся. Писателями будем!» Вот и стал писателем. За две зимы одно письмо написать успел, паршивец! Эх, неслухи-неслухи! Ну, читай, Паранька, его писанину!

К удивлению Рюрика Михаил писал, что живет в Москве хорошо. Работает корреспондентом в газете «Красная Борозда». Получил квартиру, и вот теперь: «...во первых строках сообщая, что хочу забрать Параньку к себе в город. Места где жить хватает — в лапту играть можно. Паранька девка смышленная, нечего ей там, в захолустье, горшки да чугуны передвигать. Здесь она будет жить как барыня. В шелках ходить будет...» Пусть дает телеграмму, а он ее встренет на вокзале... И на всякий случай адресок внизу подписал. Не потеряй, пишет, Панночка, этот адрес. В случае чего меня найти помогут — зайдешь на вокзал в милицию, там меня и найдут. А матери и папаше с родственниками привет передай. Скажи, что вернусь домой, когда вся грудь в крестах будет и звездах.

— Ах, босяк! — качал головой отец. Врёт, небось, всё. Не грудь в крестах, а голова в кустах, бедовая. Не слушай его, Паранька, он тебя дурит. Закружит стервец. Если хорошо живет, чего же он тогда денег на хозяйство не выслал. Брешет, поди! — уже смягчаясь, довольно чешет пятерней бороду старый Рюрик.

Москва! Москва! Хочу в Москву! У молодой девки взыграло ретивое. Это ведь только в сказках так бывает. Принц в хоромы

да чертоги белокаменные зовет. Эх, ты, Золушка, Золушка! Не по размеру твой хрустальный башмачок окажется!

В дорогу собрали что могли. Как раз к той поре и кабанчик подоспел. Сало резали, нож как в масло входил. Отец норovil со спинки отхватить: «Похвастаешь, что и они живут неплохо». Брусок оказался приличным, на полпудика потянет. Соль с оковалка лезвием ножа любовно смахивала сама Прасковья. Гостинец принцу будет! Яблочек моченых, которых загодя к Рождеству готовили, ржаной соломкой перестелили, тоже ведрко набралось. Да пышек из новой муки, правда, грубого помола, но сытных, на свином жире затертых, рассыпчатых, что твое печенье...

На утро Рюрик запряг лошадь, и до станции Платоновка, к Астраханскому поезду наладились, До Москвы — ночь одна. Ничего, не пропадет девка. А у девки сердечко так и ёкает, как селезенка у коня при быстром беге. Скорее, скорее. Скорей!

Ехали молча. Рюрик лошадь не торопил. Двадцать верст — не шуточное дело! Коня что ль загнать? Ну, девка — огонь вся! Гляди, солому в телеге подожжет.

Моя тетка не знала и не ведала, как ей отрыгнется эта бездумная поездка. Мало ли кто что говорит, да не всё исполняется!

Оглядывалась девка по сторонам — на полях сахарное крошево насыпано. Искрится всё в глазах, переливается. На трубах дымы как березки стоят. Тихо. На проталинках, там, где комья черные, словно грачи снежку попить-поклевать присели. Не кричат — горло морозцем прихватило. Небо, как вода родниковая, — холодное, чистое, светлое... На крыльях бы унеслась-улетела...

На станции пусто, зябко и неудобно. Да и кто в такую пору дорожной волокитой живет? Зима вплотную к избам прислонилась. Всяк своим делом живет. Куда тебя, мил друг, тащит-несёт?

Билет на поезд Астрахань—Москва без слов взяли. Ни вагона, ни места — поезд проходящий. Дали телеграмму: «Встречай. Поезд номер такой-то. Еду».

Рюрик, не дожидаясь отхода поезда, лошадь к дому завернул. Ниточку последнюю оборвал: «Нн-о! Стерва!» — и скрылся за домами, за поворотом ближним.

Влезла крестьянская дочь Прасковья на верхнюю полку, хотя, внизу места свободные были, отвернулась к стене, жжалась в комочек — и как в зыбке закачалась. Поезд колеса крутит, а сердечко — тук-тук-тук, тук-тук-тук, тук-тук-тук, как вагон на стыках рельсовых. Предзимняя ночь долго тянется, да рассвет быстрый. Выглянула в окно: «Батюшки!

Дома до самого неба. Народ куда-то взад-вперед шныряет. Никак дают что?» Огляделась — нет, в руках пусто, шеи в воротники втянули. Холодно, видать!

Поезд торкнулся, качнулся раза два и замер, как лошадь у водопоя. Пассажиры, кто поближе, уже из поезда выпрыгивать стали. Как бы и ей не промахнуться, а то увезут еще куда-нибудь. Москва! Упираясь, вытащила моя тетка вещи на перрон. Стоит, оглядывается. Никто ей навстречу не бежит, за руки не берет, в хоромы не ведет. Испугалась — страсть! — куда? чего? зачем? Вот и поезд опустел, задний ход дает, пассажиры разошлись — она одна стоит, головой крутит. Слеза сама на щеку скатилась. Говорили ей: «Не ехай! Сиди дома. Не топчи валенки. Москва понесёт и закружит». Куда теперь? И адресок запропастился. Хоть на рельсы ложись. Глядит — ктой-то ей навстречу спешит, руками разводит, вроде как обнять хочет. Одет хорошо и не пьяный, вроде не качается. Шапка смушковая на затылке. Веселый, улыбается:

— Ты — Прасковья?

— Прасковья — всхлипнула моя тетка.

— Паночка?

— Паночка...

— Ой, хорошо-то как! А мне Лариска: «Езжай, говорит, на вокзал. Там сестра Мишкина из деревни к нам жить приезжает. Ты уж встреть ее. А-то как бы она в Москве не заблудилась!» Ну, я и сразу сюда. Гляжу — стоит девка. Ну, думаю, точно — сестра Мишкина! Да и похожа как!

— Какая Лариска? Ни к какой Лариске я не поеду! Я к Михаилу приехала! — А сама за сумки ухватилась — рук не разожмешь, и ни с места!

— Лариска кто? Да жена Мишкина. Он с полгода назад как женился. Ты не бойся. Она девка ничего. Не выгонит. Правда, нежная очень. Дочка большого Мишкиного начальника. Михаил-то тебя и вызвал по дому убираться. Лариска сама готовить не может, а по ресторанам им надоело столоваться. Мишка сам бы готовил, да в разъездах он. Вот и сейчас в командировке на Турксибе. Поэму о путейцах пишет. Сам Максим Горький его рекомендовал. Да ты меня не сторонись. Не укушу. Мы с Михаилом Прошкиным товарищи. Я тоже поэт. Николай Ледорубов. Обо мне много пишут. Может, слышали: «Вернусь я. Приду и приеду с наганом на желтом ремне. Не дам кулаку-мироеду я жизни на этой земле!»

— Вот видишь, — рассказывала мне потом крёстная. — Никогда в жизни стихов не учила, ну, молитву разве, а эти вот помню до сих пор. «Не дам кулаку-мироеду я жизни на этой земле». Сам бы свою жизнь уберег. Когда Пашку Васи-

льева забрали, судить стали, пытаться. Тоже поэт был, но из кулаков. Говорили, писал как Есенин. Небось, знаешь такого? Ну вот, оказывается, ты всех знаешь. Гений, говоришь? Не знаю... А пил хорошо этот Пашка. Кудрявый. Как Кудеяр. Драчливый, правда. Шумел много. Его к Михаилу Володька Метелин приводил, наш бондарский, тоже стихи сочинял. Да еще Сашка Жаров как генерал ходил. Смеялся много. Веселый. У них, почитай, каждый день — престольный праздник был. Жили как на базаре. Лариска, правда, я про нее ничего худого не скажу, разнарядится вся, как маковый цвет. Шаль с черной каймой на плечи накинет и сидит с ними вместе. Песни поют. А я на кухне кручусь. Подай, принеси, Прасковья. А то еще смеяться зачнут: «Царевна Рюриковна, а царевна, посиди с нами. Сделай милость!» Хорошие были люди. Я не обижалась. А то еще петь меня заставят, да всё такое старинное, с прибаутками. А частушки любили — страсть! Ты, говорят, Параня, из деревни — корень русской жизни, а мы так, пустоцветы. Нет, зря чего не скажу, обижать не обижали. Сашка Жаров, весь в позаментах, со мной плясать выходил. Да... А когда забрали Пашку, голову бедовую, то Николай этот, ну, тот, который меня на вокзале встречал, затосковал, видать, сильно. Приходил украдкой. Руки дрожат. Завернет на кухню: «Дай, говорит, Параня, чего-нибудь себя в порядок привести. Ты девка добрая. Не поминай меня лихом». А как выпьет, так и ничего вроде. Полегчало. Снова веселый. И что он удумал? С жизнью расстаться! Повесился у себя на квартире. А как веревка-то его схватила, обняла крепко, он Сатану, видать, увидел — глаза чуть ли не на лбу очутились. И подошвы у хромовых сапог оборвал, ногами за стену уцеплялся. Думал из удавки вылезти. А у Нечистого рука крепкая, так и не дал ему выпростаться. Зацеловал все-го. Синяки по всему телу. Я его обмывала. А Михаил хоронил на свои деньги. Родных-то у него, кроме той веревки, никого не было. Вот видишь, — обращалась она ко мне, чего-то хватившись, — и помолиться за него не могу, Господь за таких не велит. Да как мы с Николаем этим, царство ему небесное! — забывшись перекреститься, продолжала моя тетка, — до Ларискиной квартиры доехали, Михаил-то, оказывается, в Ларискиной квартире жил, не помню. Обмирала вся. Что же, я, оказывается, к ним в работники приехала, прислугой. Плачу вся, а еду. Николай мне слезу перчаткой вытирает. Ну, Лариска меня, ничего не скажу, хорошо встретила. Правда, баба так себе. У нас в Бондарях, за одну таких пять давали. Да и старше она Михаила была на целых десять лет. А всё молодилась, красилась, а как ни повернешь, кочерга кочер-

гой, прости Господи! — почему-то в сердцах говорила она, толкая меня сухеньким кулачком в плечо. Да, видно, горел у нее до сих пор нарыв на душе, пёк изнутри уже обветшавшее женское тело.

Как я узнал потом от родителей, шекспировские страсти кипели в московской квартире комсомольского поэта-активиста, деревенского парня Михаила Прошкина, снабжавшего призывами к рукоплесканиям в газетах любые начинания партии.

— Михаил вернулся из командировки только к Новому году, помню метель рукавом по улице мела, — журчала тетка. — Мы уже за это время с Лариской подружились, успели поговорить и поплакать вместе. Фамилия у нее по отцу какая-то чудная была — Кегельман вроде или Кегельбан, не знаю, как пишется. Приехал Михаил, шапка из рыси, это он мне потом сказывал, я думала сначала в инее вся блестит, а это мех такой, легкий, дунешь, до мездры распушится. Стоит, красивый, доха лисья. Постучал каблуками у порога и сразу ко мне: «Ах, сестрёнка ты моя ненаглядная! Как в деревне люди поживают? Как дела колхозные?» Вроде поговорить не о чем. О родителях тоже не спрашивает. А сам глаза в сторону отводит. Неудобства ему через меня перед Лариской. Я говорю: «Папаня тебе с маманей привет передают, кланяются, в гости тебя домой ждут». А он суетится. Подарки нам с Лариской в руки сует. Мне сапожки фетровые и Лариске сапожки. Та, ничего, не обижается — сестра ведь, думает. Как к столу готовить я стала, он враз на кухню. Обнял меня сзади за плечи и в ухо горячо дышит: «Не проговорись, приказывает. Виноват я. А что сделаешь? Ее отец меня на работу устроил. Квартира вот. Где мне жить было? Домой возвращаться на позор да насмешку? Прости, говорит. Живи здесь за сестру. Я тебя любить буду. Ты с Лариской не воюй». Она в жизнь не догадается, кто ты. Тебе какая разница: на земле в Бондарях горб гнуть, а здесь — на всём готовом. И одевать тебя, как куколку буду. Прости меня».

Женское сердце, как соломы пучок, вспыхнет, да тут же и погаснет.

Так и жила моя незабвенная тетка ни невестой, ни мужниной женой до самой войны. Ребеночка с Михаилом прижила, да не в радость. Не удержался он на этом свете, в полтора годика ушел, и мамке «прощай!» — не сказал. Дифтерит проклятый горлышко перехватил...

Война началась. Время суматошное. Лихое. Михаил добровольцем на фронт ушел, да так и сгинул там. Помахал рукой, отвернулся, только со спины они его с Лариской и за-

помнили. Немец уже к Москве подступился. Люди уезжать стали. Лариску отец в Ташкент увез. Уехала и моя тетка.

В село не вернулась. Остановилась в Тамбове. На мукомольный завод, в бывшую «Егорову мельницу» грузчицей устроилась мешки пестать. Квартирку в одну комнату, маленькую, на еще «папанины золотые» купила. А тут у кого горе, а у нее радость! Брат контуженный кровью кулацкий позор смыл, с фронта вернулся. Жить негде. Она и взяла его к себе, А потом к нему фронтовая подруга «Тоська» приехала, Антонида Ивановна. Так и стали жить втроем. Отгородились. Две комнаты получилось. Жили одной семьей. Дружно, как в старину. Меня из Бондарей на летний «откорм» брали. Усыновить крёстная хотела. «Куда тебе, Василий, — это она моему отцу говорила, — детей куча мала? Отдай мне вот этого цыганенка. Я его любить буду. Да и тебе помогу». Но мой родитель, хоть и суровый был, а детей на легкую жизнь не менял. «Бери, — говорит, — его на лето, бродягу, корми, а к зиме чтоб дома был. Он мне на старость лет еще согдится. Может, когда винца поставит».

Так оно и было, угадал отец, я ему и винца ставил, и закуску ножом кромсал, когда встречались...

Умирала моя крёстная, как из гостей домой засобиралась — чтоб всё по порядку было.

Мой дядя, Егор Федорович, к этому времени уже дорогу проторил, Крёстная с Антонидой вместе доживать стали. Делить им было нечего. Обе — бездетные. Обе — горемычные. За целую жизнь печали да беды, как репы к юбке наделились, не отдерешь.

Ходил я к ним редко. Чего со старыми воду в ступе толочь? Весь разговор с нареканиями, с укором: «Жениться тебе, сукин сын, пора. Чего по жизни блудишь? Вот опять винцом попахивает! Смотри! Отец был бы жив, тебе все уши оборвал. Чего смеешься? Опять будешь на горло просить? На, денежку, охмелись, да чтобы завтра за ум взялся!»

Беру деньги. Переминаюсь с ноги на ногу. За дверную ручку ухватился. Крёстная мне в спину:

— Хоронить-то хоть приходи! А то опять улизнёшь куда-нибудь, и с собаками не найдешь.

— Не бойсь! — дурачусь я. — Похороню по первому разряду! ...Весна была. Капель снег исклевала, как воробьи жито.

— Искупай меня, Тоська, я умирать буду.

Антонида за голову схватилась, в голос запричитала:

— Чего ж ты удумала, порешила? Хитрая очень. Меня одну оставить хочешь! Не буду я тебя купать. А не купамши тебя смерть к себе не возьмет, побрезгует.

Пока Антонида что-то на кухне делала, моя крестная добралась до ванны. Кое-как перевалилась через край. Воду пустила. Делать нечего, золовка ее купать стала, как к празднику готовить. Шампунь в ванну напустила, а сама глаза трет, вроде как мылом разъело.

— Ты, Тоська, потом по мне поплачь, а сейчас грехи мои тяжкие сдирай, да три мочалкой покрепче. Грехи-то они в кожу росли.

Легла на постель. Тоська ее причесала. По голове ладонью, как ребеночка гладит.

Дозвонилась, достучалась до меня Антонида:

— Приходи — говорит, — крестник, беда у нас.

Я не тороплюсь. Мало ли что старуха удумала. Никуда не денется, приду завтра. Прихожу. Крестная к стене отвернулась. Лежит. Серчает. Молчит.

Антонида мне и говорит:

— Гроб заказывай. Да чтоб сухой был. Да стружек не забудь, привези. Вот они, похоронные — и протягивает мне деньги.

Я так и сяк, уговаривать. Крестная, не оборачиваясь, говорит, как сухая трава прошелестела:

— Делай, сынок, что велят. Завтра поздно будет. А на дом — это она о гробе, — я сама посмотреть хочу. Другого у меня не будет.

Что делать? Махнул рукой, выматерился про себя, и на завод, где сам работал. А там говорят: «Справку давай! Может, ты чего словчить хочешь?» Плюнул я на эту контору, и в столярный цех. Ребята с полуслова за работу взялись. Пока я сигарету-другую выкурил, — вот он, красавец! Досочка к досочке. Смолкой попахивает. Лесом сосновым, солнышком нагретым. Открыли крышку — стружка кудрявиться, под рукой пружинит.

Привезли. Поставили в прихожей. Несли — соседи спрашивают:

— Ты чего? Никак кто умер?

— Да нет! Тетка загодя домок себе заказала. Говорит, хочу посмотреть, что себе за всю жизнь заработала-накопила.

Отвернулась от стенки моя крестная, попросила «перинку» рукой потрогать.

— Сыровата. Сушить надо — прошелестела.

Антонида стружку руками выгребла, на полу возле батареи расстелила-рассыпала. Кудряшка к кудряшке. Что сделаешь? Последняя просьба. Крестная немного успокоилась. Ровнее дышать стала. Мы не шелохнемся. Стоим, слушаем.

Антонида всплеснула руками:

— Никак дышать перестала?

Прислонила зеркало к губам. Зеркало чистое, не замутненное, как вода в проруби. Тормозить стала:

— Ой, Паночка, Паночка! Что же ты сделала?! Как же я теперь по дорожке одна пойду? Дождем захлещет. Ветром повалит. С кем же я теперь поговорю-поохаю?

В голос кричит. Велела мне свечу зажигать. Чиркнул спичкой. Зажег. Подал Антониде. Она трясется вся. Стала у Паночки ладони складывать. Листочек к листочку. Между пальцев свечу ставит. Уронила. Воск затрещал, забрызгал, как жир на сковороде.

Вдруг — со стоном: «Ы-ы!»

Глубоко вздохнула моя крёстная: Открыла глаза. Вроде как улыбнулась чуть заметно.

— Антонида, — шелестит, — где я сейчас была! В раю! Луг цветами залит, как на Троицу. Дети меня окружили: «Мамка, мамка!» Цветы под ноги кладут. За руки держат. Вот только родителей не видела. Ни папаню, ни мамочку. Дети кругом, как ромашки белоголовые. Обмираю я, Антонида. Ты прости меня. И ты, крестник, прости. Как мне там хорошо было! Скорее бы туда переселиться!

Мы с Антонидой переглянулись. Успокоились. Ничего! Поживет еще Прасковья. Подышит.

Утром Антонида мне на работу звонит. Голос дрожит. Срыгается:

— Приходи прощаться. Крестная твоя преставилась. Царство ей небесное! Господь ее к себе взял. Опередила она меня. Счастливая...

СМЕРТЬ ДЕРЕВА

Деревья повторяют судьбу человека, а человек?..

Поваленное дерево по давним русским обычаям, навверное, взятым ещё у друидов, несёт несчастье тому, кто приложит к этому руку. Не по нужде срубит, а по своей прихоти.

У меня за окном квартиры рос гигантский тополь, осокорь, как называют такие деревья в народе. И я видел — этот богатырь осокорь умирал. Умирал он медленно. По его жилам ещё бродил сок жизни, но дерево уже было обречено. Дерево само не знало, что умирает. Дерево всё так же трепетало листочками, перебирая весело струны солнца, отчего (в который раз!) рождалась музыка лета — тихая и ясная, какая бывает в нашей средней полосе после майских дождей и гроз,

когда устанавливается хорошая погода, предвещающая богатый урожай и осенний достаток.

Дерево умирало, и первыми об этом узнали птицы.

Воробьи больше не бранились в его листве, выясняя брачные и внебрачные отношения.

Правда, однажды я наблюдал как к дереву, что-то истерично крича на лету, устремилась тётушка-сорока. Спикировав по всем правилам лётного искусства в зелёную крону дерева, она тут же, голося по-бабьи, взметнулась вверх, как будто это была не зелёная крона, а костёр.

Осокорь умирал молча и в одиночестве. Казалось, птицы стали избегать его, как будто от дерева исходила какая-то невидимая угроза.

Хотя дерево было по-прежнему могучим и раскидистым, но в нём не стало слышно прежнего беспечного бормотанья, особенно в ранние утренние часы, когда бледно-зеленая полоска неба на востоке только намекает на приближающийся день.

Дерево было обречено. А случилось это так: целое утро слышался истеричный визг ручной мотопилы, была осень, и мне показалось, что в соседнем дворе хозяйственные мужики заготавливают дрова на зиму.

Я с неудовольствием — не дали выспаться — подумал о рьяной ранней деятельности соседей. Дело в том, что рядом с нашей многоэтажкой стоял особняк, который вовремя не успели снести местные власти, и он, то есть особняк, так и остался стоять оплотом частной собственности, окружённый со всех сторон новостройками. Снести частную собственность районной администрации оказалось не в жилу — не было денег, а главное, желания.

Когда-то у особняка был рачительный хозяин: почерневшие от времени подсобные строения и до сих пор вызывают уважение. Небольшой огородик, обнесённый дощатым забором, исправно кормил жильцов этого дома, но потом, после смерти старых хозяев, зарос канадской лебедой и чернобылом.

В родительском доме остались жить по праву наследства два брата-акробата. Пьянь несусветная! Мне сверху каждый вечер из окна было видно, как они, кувыркаясь на полусогнутых, добирались до калитки, потом слышалась матерная брань и смертельные угрозы непонятно в чей адрес.

Пить-то пей, но иногда надо и закусывать! А закусывать зачастую им было нечем. Времена прошли, когда только за один выход на работу платили хоть небольшие, но деньги.

Как-то незаметно братаны остались не у дел, а «кушать хотца» каждый день. Вот они и решили по лебедю и чертогону высадить картошку.

Мешок весной поклади в землю. А осенью полмешка взяли. Дёргать за космы канадскую «красавицу» — дело хлопотное. Братанам это было не под силу, вот и уродилась картохакроха.

Конечно, братаны всю вину свалили на дерево. Вот она, мол, ветвистая зараза, свет огороду застит. Хотя тень от дерева и в самый низкий зимний день, как ни тянется, а до огорода не достаёт.

Срубить сразу дерево под корень братаны не могли, и окольцевали они зелёного друга двумя надрезами.

Осенью было ещё ничего, но по весне надрезы стали сочиться, поливая траву у комля пахучей влагой.

От дерева потянуло сыростью и колодцем — верными признаками скорой кончины. Полчища неизвестно откуда взявшихся муравьёв, чёрной шубой покрыли низ дерева до самых этих надрезов. Наглотавшись, муравьи, теряя рассудок, вместе с пахучим соком стекали на землю. Слегка обсохнув и протрезвев, они трусой добирались снова до источника, чтобы опять впасть в наркотическое забытье и снова сползти вниз. И так до бесконечности.

К муравьям дерево было равнодушно. Сок всё равно без пользы обливал ствол, испаряясь на воздухе и превращаясь в какую-то вязкую желто-белую студенистую массу, липкую на ощупь, в которую, насосавшись, увязали отяжелевшие орды.

Дерево муравьёв не замечало и по-прежнему шумело на ветру распутившимися листочками.

Первое предвестие умирания появилось тогда, когда как будто из ничего на ветвях и слегка распутившихся листочках вдруг материализовались белые безглазые существа, похожие на бабочек, которых я, сколько до этого жил на свете, никогда не видел. Явившись из запредельного мира, они стали готовить душу дерева к уходу.

Безгрешная жизнь деревьев, разумеется, не противна Богу, и в райских куцах для любого дерева всегда найдётся место в отличие от нас, грешных.

Бабочки, эти молчаливые и верные посланники Смерти, исполняли какой-то ритуальный танец вокруг кроны, вместилища души дерева.

Корни в земле, а крона в небе, где же ещё ликовать и пестаться душе, как не там.

Бабочек было так много, что пыльца с их бумажных крыльев белой пудрой висела в воздухе, да и сами бабочки, исполнив свой долг, снежными хлопьями валились на землю, покрывая траву мучнистой пылью.

Сразу же после этих белых херувимов на дереве — на стволе, ветвях и листьях появились темно-зеленые гусеницы. Они были похожи на маленькие складные мерительные инструменты. Складываясь и раскладываясь, гусеницы словно бы обмеривали дерево, готовясь шить ему саван.

В летний полдень, устав от работы, гусеницы блаженно отдыхали, повиснув на едва видимых шёлковых нитях. Покачиваясь на лёгком ветерке, они, таким образом, в дрёме переждав жаркие часы, к вечеру снова устремлялись на дерево продолжать свою мрачную работу.

Потом исчезли и гусеницы, опутав дерево мутной полупрозрачной тканью, похожей на старую застиранную марлю.

Кое-где саван прорывался, грязные его лохмотья полоскались в прозрачном воздухе, показывая всю непристойность тленье.

Кора дерева, отслаиваясь, отваливалась кусками и тоже свисала на высохших сухожилиях, обнажая бурое окоченевшее тело.

Я всячески избегал смотреть в окно, чтобы не видеть печальное зрелище, от которого начинало першить в горле.

К осени всё было кончено.

Костлявое, безобразное и многорукое дерево тщетно старалось зацепиться за пролетающее облако, чтобы оторваться от земли вслед за душой. Но увы!

Под первыми осенними дождями зрелище было ещё горше. Холодный порывистый ветер не заламывал, как прежде ветви, а только злобно свистел в их засохших прутьях.

В народе говорят, что сухое дерево у дома — к несчастью и близкой смерти кого-нибудь из рядом живущих людей.

Так и случилось.

По первому зажимку то ли от мороза, то ли от ветра-холодрыги дерево рухнуло, расколовшись до самого комля.

Проломив крышу и потолок, дерево придавило братьев, сидевших в это время за пустым столом в горестный час похмелья.

Братьев схоронили соседи, а дерево долго ещё лежало, упираясь раскоряченными ветвями в землю, как будто хотело да не могло подняться — слишком тяжело земное притяжение.

Кстати сказать, и в то лето у братьев урожай не вышел, чертогон задушил картофельные ростки.

Такие вот дела бывают на белом свете...

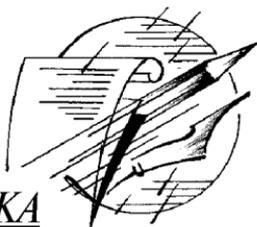
ЧТО ДЕЛАТЬ С УКРАИНОЙ?

Реальных успехов в деле нахождения общего языка с новой Украиной можно добиться исключительно с позиции силы. Никакие другие аргументы пока что не работали, не работают и маловероятно, что будут работать в будущем.

Похоже, российское экспертное сообщество в 2017 году начало переосмыслять положения дел с Минскими соглашениями и вообще всю стратегию России в отношении Украины. По крайней мере такой вывод напрашивался из почти синхронных публикаций известных политологов, вызвавших определенный резонанс.

Имеются в виду вышедшая в газете «Взгляд» колонка Вадима Самодурова и интервью Михаила Ремизова «Федеральному агентству новостей». В них идет речь о том, что Минские соглашения зашли в явный тупик, и дальнейшее сохранение их наносит России серьезные финансовые, политические и репутационные потери.

Далее оба автора приводят набор возможных мер для того, чтобы выйти из описанной патовой ситуации. В частности, говорится о необходимости признания донбасских республик и проведении

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

политики обеспечения определенных льгот в отношении русских, остающихся на украинской территории в обмен на лояльность России.

И хотелось бы расширить некоторые тезисы, звучащие в данных материалах слишком дипломатично.

Отправной точкой рассуждений уважаемых коллег стала констатация практически нулевой эффективности Минского процесса.

Честно говоря, вызывает некоторое удивление, что Минские соглашения кем-то всерьез рассматривались как база для компромиссов, уступок или договоренностей.

Напомню, что данные соглашения Украина была вынуждена подписать в момент тяжелых военных поражений, а потому они и не воспринимались киевскими узурпаторами власти как нечто такое, что стоит выполнять. По крайней мере без дополнительного на них давления.

На Украине Минск-2 воспринимался лишь как передышка и возможность собраться с силами для нового броска на Донецк и Луганск, а может быть, даже и на Крым. На Украине действительно рассчитывали и, возможно, рассчитывают до сих пор, что в скором времени в ДНР и ЛНР начнется экономический и социальный коллапс, распад армии, противостояние между властью и населением. А еще более оптимистичные украинские «эксперты» доходили в своих рассуждениях до того, что предрекали экономический коллапс не только в непризнанных республиках, но и в самой России.

Ввиду этих ожиданий Украина должна была непременно укрепляться при всемерной помощи Запада, чтобы потом в один бросок решить вопрос с «сепаратистами». Недаром среди самых высоких чиновников Украины так популярны были параллели с хорватским сценарием ликвидации Сербской Краины. Да что говорить, подобные надежды в желто-голубом обществе продуцируются и сейчас. Как свидетельствуют результаты опросов Института социологии НАН Украины, 15% респондентов уверены, что вопрос с республиками можно решить военным путем (в 2015-м таких было 18%).

Да, Украина — иррациональная страна, в которой активной частью общества движут эмоции. И это доказывает вся ее история, как минимум — новейшая. Да, то, что крупнейший промышленный регион, Донбасс, оказывается, всегда был убыточным и дотационным, там утверждается всерьез, и что угнетение половины населения способствует единству страны, — в это тоже там верят вполне серьезно.

Снос памятников — это у них забота об исторической памяти, а демократия — снаряды по жилым кварталам, экономическое процветание — разрыв связей с крупнейшим торговым партнером, передача суверенитета европейской бю-

рократии на любых условиях — достижение независимости, обнищание населения — временные трудности на пути реформ.

Этих примеров вполне достаточно, чтобы заметить, что с таким обществом и теми, кто его представляет, уже нельзя вести переговоры на уровне рациональных, конструктивных аргументов, убеждая их позаботиться о своих реальных интересах.

С таким же успехом можно убеждать алкоголика в том, что водка губит его. В лучшем случае он притворится, что поверил. И именно общество с подобным складом мышления сегодня является электоральной базой власти.

Подзабытые уж предшественники Минска-2 — Женевские соглашения в апреле 2014-го, попытки переговоров июне 2014-го и Минск-1 — всякий раз отбрасывались Украиной, как только там приходили к выводу, что могут добиться лучших для себя условий при помощи силы.

Конечно, Минск-2 кардинально снизил накал боевых действий. Но вряд ли мы ошибемся, если скажем, что случилось это потому, что в Киеве наконец поняли, что любые попытки вновь перейти в наступление повлекут за собой лишь новые поражения и потери.

Да и боевой потенциал украинской армии снизился до того, что некоторых видов вооружений у нее хватит всего лишь еще на одну активную кампанию. И даже вне зависимости от ее исхода восстановить боеспособность ВСУ будет уже совершенно невозможно: советские запасы истощились, а полноценной оборонной промышленности там уже не существует. И даже западная помощь не способна принципиально изменить эту картину.

Если на Украине ждали, что Россия вот-вот рухнет, а донбасские республики погрузятся в пучину голода и нищеты, то, увы, не более реальные ожидания были, похоже, и в России. Иллюзий хватало и здесь. Многим казалось, что Украина понесет экономические потери, потери в людях, территориях и т.д., что там вдруг одумаются и попробуют встать на более рациональные рельсы, что в конце концов Минские соглашения сработают, Донбасс вернется в состав Украины, пройдут выборы, и к власти на Украине придут некие «хорошие» украинцы. Мол, всё станет как прежде, и Украина вернется к старой доброй постсоветской позиции между пророссийскими и проевропейскими политиками. Причем последние будут сильно дискредитированы теми неудачами и трагедиями, которые постигли Украину в прошедшие несколько лет. Нечто подобное в легкой форме уже было после прихода к власти Ющенко. Судя по всему, такое пожелание вообще долгое время было едва ли не генеральной линией Кремля и российских СМИ.

Но постсоветская Украина фактически мертва, и шансов на ее воскрешение теперь не больше, чем было шансов воссоздать СССР в середине 90-х. Хотя признавать это и не хочется.

«Кучмовская» Украина обанкротилась и распалась, а те, кто не успел из нее убежать, не убежали только потому, что Россия по тем или иным причинам не предприняла в этом направлении активных действий.

Отныне украинская политика крутится и далее будет крутиться уже не вокруг направлений интеграции (Запад или Восток), но вокруг исключительно антироссийских позиций. Теперь это стало ее целью и, без преувеличения, национальной идеей, которая, конечно же, приправлена социальной демагогией и воздушными замками евроинтеграции. Отныне мы имеем дело с огромной прибалтийской республикой образца 1990-х годов, где Россия — враг и агрессор, и это уже является аксиомой. Сомнения в данной аксиоме приравнены к государственной измене со всеми вытекающими из обстоятельств военного времени последствиями. Никакие экономические аргументы в пользу восстановления отношений с Россией уже там не действуют.

За последние три года Украина втрое снизила долю экспорта в РФ — с 25% до 8%, и происходит его дальнейшее снижение. И уже никого там не волнует, что потерян российский рынок сельхозпродукции. Никого не смущает гибель машиностроения, тем более что жестких запретов на его экспорт в Россию нет, и негласное едва ли не полуподпольное сотрудничество продолжается по мере возможностей.

Рынки сбыта металлургии находятся в странах Азии и Африки, но проблема в энергоносителях, потребление которых постоянно снижается. Наиболее газоемкая отрасль — производство удобрений — находится в тяжелейшем кризисе. Ну а если нет экономической базы для нормализации отношений, нет запроса и политического.

И антирусская планка поставлена довольно высоко. К примеру, очень показателен последний языковой законопроект, по которому предлагается ввести едва ли не надзиратель за употреблением украинского.

Подобные перегибы и будут служить электоральным кормом для «умеренной оппозиции». На предвыборных обещаниях отменить хотя бы «языковых комиссаров», снизить тарифы и повысить пенсии будут собирать свои проценты остатки бывшей Партии регионов. Вот, собственно, и вся «пророссийскость», которая будет присутствовать на украинском политическом поле. Да и популярность их на Украине сильно преувеличена: социологические исследования и намека не дают на то, что они могли бы получить в Верховной раде какое-то серьезное количество мест.

К примеру, согласно данным Института социологии, летом 2016-го за Оппозиционный блок на выборах в Раду были готовы проголосовать 7,5% избирателей, что меньше, чем за блок Тимошенко (8,5%), и лишь незначительно больше, чем за партию Ляшко (6%) или мэра Львова Садового (6%). Как видим, ни о каком мощном реванше регионалов в ближайшее время не может быть и речи. И никакой иной более пророссийской и способной попасть в парламент силы, нежели бывшие регионалы, на Украине не существует, а всякие попытки такую силу создать будут жестко пресекаться административно-полицейским аппаратом.

Итак: договориться с нынешней киевской «хунтой» у России не получится, а сменить ее эволюционным путем возможности нет. Но ведь что-то с Украиной нужно делать?

Отсутствие агрессивных действий с нашей стороны девальвирует в колеблющейся части украинского общества фактор «российского вторжения» и соответственно снижает антироссийский накал в обществе. При этом состояние ни мира, ни войны оказывает разлагающее действие на ВСУ.

Однако помимо прямых военных действий все актуальнее встает новая проблема, которая связана с угрозой терроризма со стороны украинских радикалов. Причем с течением времени она, судя по всему, будет только усугубляться и всё явственнее затрагивает не только ДНР, но и Крым.

Рост числа асоциальных элементов и деклассированной молодежи, лишенной работы, образования и перспектив, всегда был благодатной почвой для терроризма. И Украина в этом плане не станет исключением.

Уже сейчас в ДНР и ЛНР зафиксированы случаи вовлечения украинской стороной молодежи и подростков в террористическую деятельность, а различные главари националистических бандформирований не скрывают планов по развитию подобной деятельности, в том числе и на территории России.

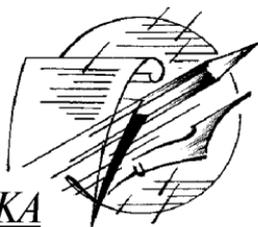
И эта проблема является лишь одним из аргументов в пользу того, что отпускать украинскую ситуацию на самотек нельзя. Слишком дорого, в прямом и переносном смысле, это может обойтись России.

О ДЕНАЦИФИКАЦИИ УКРАИНСКОЙ ЗОНЫ

В последнее время в аналитическом сообществе активизировалась дискуссия о наиболее желательном для России состоянии этой территории, о цели, на достижение которой следует ориентировать отечественную политику.

В ходе этой дискуссии всё более популярна идея о желательности и неизбежности «консервации» Украины. Хозяйственная ценность Украины для нашей страны уже сведена даже не к нулю, а к отрицательной величине. Поэтому попытка реанимации Украины представляется выразителям описываемого подхода неверной, а то и невозможной. Оптимальным для России сценарием им видится гниение украинского общества в контролируемом нацистами периметре (с возможным изъятием Польшей, Венгрией и Румынией районов, на которые они могут претендовать).

Предполагается, что при этом пройдет селекция населения: наиболее разумные и дееспособные эмигрируют в Россию или Евросоюз, а Украина превратится в «заповедник гоблинов», уничтожающих свое хозяйство и тем обеспечивающих свое вы-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

мирание. Никому не нужная, она вернется к своему естественному состоянию вне России — в аналог Дикого поля.

Этот подход удачно уловил (в концепте «Забыть Украину!») ключевую тенденцию новой эпохи — снижение значимости территории и в целом материальных факторов. Но это пиррова победа. Забывать о вторичности мира представлений по сравнению с миром материальным, а технологий формирования сознания по сравнению с технологиями жизнеобеспечения — недопустимо. Игнорирование фундаментальной ценности территории, пространства и связанного с ними населения несовместимо с сохранением глобальной конкурентоспособности. Особенно это верно сейчас, когда загнивание глобальных монополий растаскивает глобальные рынки на макрорегионы, которые после срыва в новую депрессию будут вынуждены строить свои хозяйства самостоятельно.

Продолжение гниения Украины создаст на границе России огромную «зону катастрофы», не просто генерирующую насилие, ложь, безумие, русофобию, но и постоянно заражающую ими нас. Дестабилизация России постоянным давлением на него «чумы XXI века» — серьезная угроза. Кроме того, нацистская Украина не будет умирать мирно: ее насилие и террор не удастся локализовать вне России.

А ведь нацизм — не органичная черта украинского (и даже западноукраинского) общества, но плод социальной инженерии. На примере Прибалтики и Польши, а теперь и Украины мы видим эффективное переформатирование сознания — сначала элиты, а затем и большинства общества. Целые страны становятся оплотами русофобии, а сама русофобия — такой же доминирующей ценностью Запада, какой она была в гитлеровской Европе.

Отказ от уничтожения этой тенденции означает распространение русофобии, завершение превращения ее в «новую норму» и качественное ухудшение положения России. Вероятно, что дальнейшее попустительство западной социальной инженерии завершится (причем в течение жизни одного поколения) превращением нашей Родины в «страну-изгой», а русских — в «народ-изгой».

При этом трансформация Украины (как и других обьятых русофобией стран) не окончательна: если социальная инженерия превращает людей в обезумевших нацистов, она же, скорее всего, сможет обеспечить их нормализацию. Пример дает гитлеровская Германия, денацификация которой была осуществлена державами-победителями в целом успешно. При этом социальные технологии того времени были неизмеримо слабее нынешних; поэтому денацификация украинского общества будет проще денацификации немецкого.

Без оздоровления Украины Россия будет находиться в постоянной опасности, как если бы жить в одной коммуналке с маньяком. Наша страна обязана не допустить превращения наиболее богатой и развитой части Советского Союза в постоянную угрозу своей безопасности, в гноящийся источник ненависти, лжи и насилия. Перед нами стоит объективная задача возвращения Украины в культурно-ценностном, ментальном смысле.

Осознание этой задачи привело редакцию издания «Свободная мысль» к проведению открытого конкурса концепций денацификации Украины. Была присуждена только одна, первая премия за работу, выделяющуюся на общем фоне системностью. К сожалению, в силу проживания автора на территории Украины (г. Ровно), публикация его имени преждевременна.

Возможные стилистические шероховатости вызваны переводом с украинского языка.

Концепция денацификации Украины

Высшей политической властью страны создается Комиссия по денацификации Украины (далее — Комиссия), обладающая на период денацификации (5 лет) следующими правами:

1. Сбор и систематизация данных о нацистских преступлениях и проявлениях на территории Украины с момента распада Советского Союза, а также на иных территориях, если эти проявления были связаны с гражданами Украины.

2. Отстранение от исполнения своих обязанностей на территории Украины любого гражданина Украины либо гражданина иного государства, подозреваемого в нацизме или симпатиях в нему, либо групп таких граждан. В случае подозрения в совершении нацистских преступлений соответствующие лица на время следствия могут при необходимости помещаться Комиссией в СИЗО до решения суда.

3. Ведение следствия в полном объеме по всем делам, связанным с нацистскими преступлениями и проявлениями нацизма, с привлечением всех компетентных органов Украины и с правом обращаться за помощью к компетентным органам других стран, а также политическим и общественным организациям Украины и других стран.

4. Представительство в украинских, иностранных и международных судах всех уровней по всему кругу вопросов, связанных с нацистскими преступлениями и проявлениями в качестве государственного обвинителя и эксперта.

5. Организация общественной и медийной деятельности по разоблачению нацистских преступлений и проявлений,

их нейтрализации и профилактике. Взаимодействие с общественными и политическими силами для решения соответствующих задач.

6. Внесение законопроект в парламент Украины, проектов указов президента Украины и проектов постановлений правительства Украины, а также проектов решений региональных органов власти с правом их первоочередного рассмотрения в установленные законом сроки.

По завершении периода денацификации Комиссия получает статус органа при президенте страны, права и обязанности по надзору за соблюдением законности, проведением следствия и представительства в суде в этой сфере (аналогичные права и обязанностям генпрокуратуры).

Ее деятельность не может быть прекращена ранее чем через 25 лет (время деятельности поколения) после ее начала.

Устанавливается закрытый список квалификационных признаков нацизма, любой из которых является неприемлемым и подлежащим искоренению. Ответственность имеет возможность обращения в органы государственной власти дополнять этот список новыми признаками. На первом этапе к ним относятся:

1. Восхваление и в целом положительная оценка Бандеры, Шухевича и других лидеров украинских нацистов времен Великой Отечественной войны, а также любых других лидеров нацизма (например, Гитлера) и фашизма (например, Муссолини). Использование нацистской символики (включая эмблемы нацистских организаций).

2. Восхваление и в целом положительная оценка Евромайдана и организованного на его основе государственного переворота, его лидеров и общественно значимых участников, включая иностранных политических и общественных деятелей в части их поддержки государственного переворота.

3. Восхваление и в целом положительная оценка нацистского террора на Украине в период подготовки и проведения государственного переворота, а также после него, включая т.н. «Антитеррористическую операцию» (АТО) на Юго-Востоке Украины, а также преступной деятельности их участников.

4. Применение и одобрение нацистских лозунгов, принципов, мировоззрения, а также практическая их реализация, включая участие в нацистских мероприятиях — как массовых, так и непубличных.

5. Оскорбительное высказывание и разжигание розни по национальному, религиозному или культурному принципу по отношению к неукраинцам. Особо должны учитываться призывы к насилию в отношении них, одобрение насилия

в отношении них и предоставление личных данных людей для применения (или возможного применения) к ним насилия.

6. Обычные преступления, совершенные в рамках нацистской деятельности.

Учитывается любое выражение мнения за период с распада Советского Союза, включая устное одобрение в разговорах, письменное одобрение (включая школьные сочинения) и одобрение в социальных сетях (включая как лично написанные посты, так и лайки под сообщениями других лиц).

В силу значительного объема соответствующей информации на первом этапе расследуется период с 1 ноября 2013 года. Совершавшим преступления, связанные с нацизмом, в более ранние периоды тем самым предоставляется время для явки с повинной.

Поскольку связанные с нацизмом преступления согласно решениям Нюрнбергского трибунала являются преступлениями против человечества, устанавливается, что нацистские преступления и проявления не имеют срока давности.

Учитываются следующие категории лиц, причастных к нацистской деятельности на Украине:

1. Организаторы и идеологи нацизма: государственные и общественные деятели, организаторы и командный состав вооруженных формирований, организаторы сбора средств для нацистской деятельности, публицисты, блогеры с аудиторией более 5 тыс. чел.

2. Лица, добровольно перечислявшие средства на финансирование нацистской деятельности (включая финансирование т.н. АТО) либо осуществлявшие организацию сбора средств на подобные цели. В случае юридического лица к такому относятся руководитель предприятия, представители владеющих более 10% капитала собственников, члены Совета директоров, финансовый директор (при его отсутствии — главный бухгалтер).

3. Исполнители нацистских преступлений — рядовые нацистские преступники.

4. Соучастники нацистских преступлений, одобрявшие либо поддерживавшие нацизм (в том числе лайками в социальных сетях), но не совершавшие подобных преступлений лично.

Первые три категории относятся к категории преступников и в случае выявления их (в том числе по заявлениям граждан) автоматически передаются следственным органам для возбуждения уголовного дела, проведения следственных мероприятий и передачи дел в суд.

Четвертая категория является потенциальными преступниками. В ходе денацификации входящие в нее лица долж-

ны дать подробные пояснения Комиссии, как, при каких обстоятельствах, в каких целях и под воздействием каких настроений они оказали поддержку нацистским преступлениям или проявлениям, а также дать оценку своим действиям и описать свое современное отношение к ним.

Отсутствие раскаяния данных лиц по поводу своих прошлых действий в поддержку нацизма должно рассматриваться как уголовное преступление и караться по суду (в случае незначительности поддержки — условными сроками).

Пока не получено свидетельств их участия в совершении преступлений, данные лица должны находиться под наблюдением.

Формирование указанных баз данных осуществляется как методом прямого сбора информации (из решений органов государственной власти и общественных организаций, медиа, социальных сетей, архивных и иных данных), так и на основе процедуры денацификации.

Каждый человек, находившийся на территории Украины с февраля 2014 года по момент начала денацификации вне зависимости от гражданства должен пройти процедуру денацификации.

Гражданин иного государства, не прошедший эту процедуру (в посольстве или консульстве Украины или при пересечении границы, путем заполнения специального бланка), не допускается на территорию Украины, за исключением случаев подозрения его в совершении преступлений.

Находящиеся на территории Украины лица должны пройти процедуру денацификации в течении двух месяцев.

Процедура заключается в подробном описании:

1) нацистских преступлений и проявлений либо фактов соучастия в преступлениях, допущенных соответствующим лицом за период с момента распада СССР, в первую очередь за период с момента государственного переворота 2014 года;

2) в аналогичном описании подобных действий других лиц, которым он стал свидетелем в указанный промежуток времени;

3) в разъяснении лицами, проходящими денацификацию, причин своих действий и бездействий, своих чувств и эмоций по поводу сообщаемых им фактов и своего отношения к ним.

Не прошедшие процедуру денацификации в установленные сроки лица, проживающие в Украине, подлежат задержанию до установления личности и расследования их деятельности. В случае, если факты их участия или соучастия в нацистских преступлениях и проявлениях не будут установлены, они освобождаются после уплаты значительного денежного штрафа (который должен компенсировать расходы на исследования их деятельности и личностей).

Сообщение ложных сведений, равно как и сокрытие информации о нацистских преступлениях и проявлениях, включая собственные действия, карается в соответствии с Уголовным кодексом как лжесвидетельство в суде.

Материалы, сообщаемые в ходе проведения процедуры денацификации, Комиссией передаются в следственные органы для изучения, сопоставления, возбуждения уголовных дел и предъявления обвинений.

Для лиц, совершивших нацистские преступления особой тяжести, как и совершивших другие преступления особой тяжести (включая измену Родине) в ходе осуществления нацистской деятельности, восстанавливается смертная казнь.

В случае искреннего раскаяния и активного сотрудничества со следствием смертная казнь может быть по ходатайству Комиссии заменена пожизненным заключением или лишением свободы на срок 25, 20 или 15 лет.

Лишенных свободы за участие в нацистских преступлениях на территории Украины или с ее территории следует использовать на принудительных работах по восстановлению объектов народного хозяйства, разрушенных нацистами.

Государство обязано приложить все силы и использовать все возможности для передачи на территорию Украины для последнего суда всех подозреваемых в нацистских преступлениях или проявлениях и в пособничестве им, находящихся за ее пределами, вне зависимости от гражданства этих лиц.

Все лица, оказывавшие поддержку нацистским преступлениям и проявлениям и совершавшие нацистские преступления, решением Комиссии лишаются на 10 лет избирательного права (для осужденных срок исчисляется с момента окончания срока осуждения). Они лишаются пожизненно права находиться на государственной службе (в том числе по совместительству), занимать любые руководящие должности, учреждать юридические лица, общественные и некоммерческие организации, заниматься любой юридической и политической деятельностью, преподавать общественные науки.

Осужденные за совершение нацистских преступлений должны иметь пожизненную отметку «нацистский преступник» на обложке и на внутреннем развороте каждого удостоверения личности, включая водительские права и документы международного образца (на последних — на языке их выдачи).

Соучастники нацистских преступлений и проявлений должны иметь пожизненную отметку «соучастник нацизма» на обложке и на внутреннем развороте каждого удостоверения личности, включая водительские права и документы международного образца (на последних — на языке их выдачи).

В течение первых пяти лет после прохождения процедур денацификации соучастники нацистских преступлений (а нацистские преступники — в течение пяти лет после завершения срока отбытия наказания и в течение этого срока, если наказание не связано с лишением свободы) должны не менее раза в месяц отмечаться в органах внутренних дел и подробно в письменном виде описывать все свои действия за истекший месяц и все свои намерения на следующий месяц. При необходимости они обязаны давать полный отчет сотрудникам органов внутренних дел или Комиссии о всех своих совершенных или планируемых действиях, а также о несоответствии своих действий заявленным намерениям. Введение в заблуждение органов внутренних дел или Комиссии должно караться как лжесвидетельство в суде.

Необходимо привить новым поколениям украинцев ненависть к нацизму и чувство исторической вины за толерантность к нему, в том числе и в прошлых поколениях.

Программы обучения, начиная с ясельного возраста и до вузов, как официальные, так и частные, должны в обязательном порядке включать раздел о нацистском периоде истории Украины. Это должно касаться всех форм обучения, включая заочные.

Зверства нацизма и его трагические последствия для населения Украины следует максимально широко освещать: в каждом месте и в каждом крупном селе должны быть устроены музеи (показывающие и героизм подпольной борьбы против нацизма), памятные мемориалы жертвам нацизма, установлены обелиски и памятники героям борьбы против него.

Герои борьбы против нацизма и их подвиги должны всесторонне пропагандироваться, равно как и зверства нацизма и его чудовищные последствия для терпевшего его населения и страны в целом.

Наиболее значимые преступления нацизма должны быть расследованы в приоритетном порядке и стать неизгладимыми фактами общественного сознания.

Для этого они должны изучаться в школе и в вузах, обсуждаться в популярных телепередачах, о них должны сниматься документальные фильмы-расследования, они должны вплетаться в канву художественных произведений.

Уроки покаяния за грех примирения с нацизмом должны проводиться не реже, чем раз в три месяца, во всех учебных заведениях без исключения. Для учащихся, пропустивших эти уроки по любым причинам (включая болезнь или обучение экстерном), они должны организовываться Комиссией отдельно. Учащиеся, уклоняющиеся от уроков антинациз-

ма, не имеют права получать аттестат о соответствующем образовании (среднем, среднем специальном, высшем).

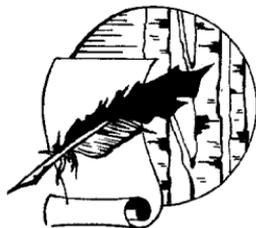
Все учащиеся с 7 до 18 лет включительно не реже одного раза в год должны совершать экскурсию в мемориалы и музеи памяти, где должны принимать участие в интенсивных программах обучения и покаяния, посвященных урокам нацизма и его последствиям для Украины. Учащиеся, не принявшие участие в необходимом количестве таких экскурсий и программ, не имеют права получать аттестат о соответствующем образовании (среднем, среднем специальном, высшем).

Необходимо полное уничтожение всей нацистской символики, включая орнаменты на зданиях и на малых архитектурных формах. Сохранение указанной символики, равно как и недонесение о ней, должно караться как пропаганда нацизма.

Все произведения искусства, все материальные или нематериальные плоды человеческой деятельности, содержащие нацистские символы или следы нацистской идеологии, должны быть очищены от них; в случае невозможности такого очищения они должны быть уничтожены, хранение их копий (включая Интернет-торренты и социальные сети) и их воспроизведение (например, песен), как публичное, так и непубличное, должно быть запрещено как пропаганда нацизма. Недонесение о нарушении данного правила должно караться по суду как соучастие в пропаганде нацизма.

Нацистские документы, выступления нацистских лидеров и иные материалы о нацистском периоде истории Украины могут публиковаться и распространяться исключительно вместе с исчерпывающими научными комментариями, одобренными Комиссией.

Деятели культуры и искусства, участвовавшие в пропаганде нацизма, а также организаторы деятельности в этой сфере должны (помимо осуждения на общих основаниях) быть лишены права ведения профессиональной деятельности пожизненно. Нарушение этого запрета должно караться как уголовное преступление.

Анатолий АВРУТИН

КРУГ ТРЕВОГИ И ПЕЧАЛИ

* * *

Звук обронил и не поднял
Дальний, невидный певец.
Кто это вышел в исподнем?..
Мне показалось — отец...

Пальцем в забытое тычет,
Палец и худ, и остёр.
Полночь... Кого он там кличет?..
Мне показалось — сестер...

Скрылся... И с мёртвыми косит.
Больше не явит мне плоть.
Кто это хлебушка просит?..
Мне показалось — Господь...

* * *

Скорей не потому, а вопреки,
Что над страной моей погасло солнце,
Я вас люблю, родные старики,
Матросова люблю и краснодонцев.

О, сколько было строек и атак
В моей стране, исчезнувшей!.. Однако
Ее люблю, не глядя на ГУЛАГ
И несмотря на травлю Пастернака.

Теперь она отчетливей видна,
Там дух иной и истинность — иная,

Где радио хрипело допоздна,
Что широка страна моя родная.

Мне до сих пор ночами напролет,
Из памяти виденья доставая,
Русланова про «Валенки» поет
И три танкиста гонят самураев...

Там Сталинград еще не Волгоград,
Там «Тихий Дон», там песенное слово.
И в ноябре, как водится, парад —
Под первый снег... В каникулы... Седьмого...

Мне в детские видения слова
Впечатались, чтоб нынче повториться:
«Столица нашей Родины — Москва...»
Я там же... Не Москва моя столица...

Смахну слезу... На несколько минут
Прижмусь щекой к отцовскому портрету.
Седьмое ноября... У нас — салют...
Во славу той страны, которой нету.

* * *

Догорала заря... Сивер выл над змеистым обрывом,
Умерла земляника во чреве забытых полян...
А он шел, напевая... Он был озорным и счастливым...
— Как же звать тебя, *милай?*.. И вторило эхо: «Иван...»

Он шагал через луг.. Чертыхаясь — несжатой полоской,
Ну а дальше, разувшись, — по руслу засохшей реки.
— И куда ты, Иване?
— Туда, где красую неброской
Очарован, стекает косматый туман со стрехи...

— Так чего тут искать? Это ж в каждой деревне такое,
Это ж выбери тропку и просто бреди наугад.
И увидишь туман, что с утра зародясь в травостое,
Чуть позднее стекает со стрех цепенеющих хат...

Эх, какая земля! Как здесь всё вековечно и странно!
Здесь густая живица в момент заживляет ладонь.
Здесь токует глухарь... И родится Иван от Ивана —
Подрастет и вражине промолвит: «Отчизну не тронь!»

Нараспашку душа... Да и двери не заперты на ночь.
Золотистая капля опять замерла на весу..
— Ты откуда, Иван?
— Так автобус сломался, Иваныч,
Обещал ведь Ванюшке гостинца... В авоське несу..

* * *

Шепоткам назло, глазам колючим,
Недругам, что ждут невдалеке,
Я пишу на русском, на могучем,
На роднящем души языке.

Я пишу.. И слышится далече,
Сквозь глухую летопись времен,
Исполинский рокот русской сечи,
Звонниц серебристый перезвон.

И живот в бою отдав за друга,
Друг уходит в лучшие миры..
И по-русски просит пить пичуга,
И стучат по-русски топоры.

И рожден родного слова ради,
Будет чист прозренья чудный миг,
Как слезинка кроткого дитяти,
Что стекла на белый воротник...

* * *

Вячеславу Лютому

Ничто не бывает печальной,
Чем Родина в сизом дыму,
Чем свет над излучиной дальней,
Колышущий зябкую тьму.

Ничто не бывает созвучней
Неспешному ходу времен,
Чем крик журавлиный, разлучный,
Буравящий даль испокон.

И сам ты на сирой аллее,
Такою ненастной порой,
Вдруг станешь светлей и добрее
Средь этой тоски золотой.

Поймешь — все концы и начала
Смешались средь поздних разлук.
И что-то в тебе зазвучало,
Когда уже кончился звук...

* * *

Серебряный ветер врывается в дом из-под шторы,
Чумная газета от ветра пускается в пляс.
И чудится Гоголь... И долгие страшные споры,
Что вел с непослушным Андрием чубатый Тарас.

И что-то несется сквозь ночь... На тебя... Издалёка...
И тайно вершится не божий, не праведный суд.
И чудятся скифы... И чёрная музыка Блока...
Кончаются звуки... А скифы идут и идут.

Полночи без сна... И едва ли усну до зари я...
Приходят виденья, чтоб снова уйти в никуда.
И слышно, как бьется пробитое сердце Андрия,
И слышно, как скачет по отчим просторам Орда.

На мокнувших стеклах полуночных фар перебранка,
И тени мелькают — от форточки наискосок.
А где-то, как некогда, тихо играет тальянка,
И в душу врывается старый, забытый вальсок...

Полоска рассвета, как след от веревки на вые...
Задернется штора... Отныне со мной навсегда
Года роковые, года вы мои ножевые,
Почти не живые, мои ножевые года.

Всё смолкнет внезапно...
Поверишь, что лопнули струны.
Спохватишься — где он, главу не склонивший редут?
Иное столетье... И это не скифы, а гунны,
Зловещие гунны в тяжёлых доспехах идут...

* * *

Октябрь... Во мгле ошетинились ели,
Потупила женщина раненый взгляд.
Намокли кусты... Журавли улетели.
А я всё хочу воротиться назад.

Туда, где туман над тропинкою ранней,
На луг васильками стекли небеса,
Где первые искорки робких желаний,
Зрачок о зрачок! — высекают глаза.

Где плющ закурчавился возле беседки,
Где гроздь рябины кровавят закат,
Где чахлое солнце повисло на ветке,
А я все хочу воротиться назад.

Туда, где поспела уже ежевика,
Где осы роятся ... Ужалят... Не трожь!
И где позади журавлиного крика
Несжатой полоскою стелется рожь.

Где сад сторожит дед с берданкою злющей,
Где все заголовки нахально кричат
О светлом пути, о счастливом грядущем...
И я всё хочу воротиться назад.

* * *

Золотистым нерезким просветом
Осень тихо на кроны сползла.
И такое явилось при этом,
Что в душе — ни печали, ни зла.

Осветила... Зажгла... Заалела...
Утолстила нагие стволы.
У хатенки, что никла несмело,
Сразу сделались ставни белы.

И среди векового раздора,
Где овраг, запустенье и глушь,
Чей-то голос запел без укора,
Будто вспомнив июльскую сушь.

Ну а после, чуть солнце в печали
Утонуло средь пней и грибниц,
Долго птицы о чём-то кричали,
Хоть казалось, что нет уже птиц...

* * *

Только дождь... Только ночь... Только ветер.
Только слабо чадит огонек.

Только листья с нищающих ветел
Закружились... И путник продрог.

Натянул капюшон и не слышит,
Что кричит ему женщина вслед.
Только ветку рукою колышет,
Только шурится молча на свет.

На неверном свету догорая,
Утомясь от небесных щедрот,
Только капля сверкнет золотая
И, поблекнув, по куртке сползет.

Молча выпью остывшего чаю,
И взгрустну, что сквозь влажную тьму
Никогда я уже не узнаю,
Что там вслед прокричали ему.

* * *

Я помню холодные женские руки,
Вечернее платье, разбитый бокал,
Коротенький миг — от любви до разлуки,
И слово, что зря на ветру расплескал.
Неверный, замедленный блеск снегопада,
Снежинку, рассекающую стынущий взгляд,
И губ единенье... И это: «Не надо...»,
И робкий порыв убежать в снегопад.
Я силился что-то сказать... Не хватало
Ни слов, ни дыханья, ни слёз из-под век...
И длинное платье с крылечка сметало
За эти мгновенья нападавший снег...
А после, оставшись один с этой мукой,
Гадал, повторяя: «Душой не криви...»,
Что ранит сильнее — любовь пред разлукой,
Иль память, в разлуке, о прошлой любви?

* * *

Тихо свечи догорают в полутьме,
Два безумца рассуждают об уме.
Двум несчастным это Божья благодать —
Всё о счастье, всё о счастье рассуждать.
И сидят они, и булькает вино,

И о трезвости толдычат все равно.
Повторяют, мол, спивается народ,
Оттого неурожай и недород,
Оттого по всей округе неуют,
Оттого-то, мол, и птицы не поют.
Оттого в домах и стрехи набекрень,
Оттого-то осыпается сирень...
О высоком рассуждают дураки —
Им стреху чинить, конечно, не с руки.
Снова чарку поднимают, снова пьют...
А в округе даже птицы не поют.

* * *

Нынче небо журавлит и плачет,
А назавтра снова журавлит.
В сентябре мне слышится иначе
Папин голос из-под серых плит.

Он звучит немного глуховато:
«Что, сыночек?.. Истины не те?..»
И печаль подсвечником прижата
К надмогильной папиной плите...

Глеет мусор в выкопанной яме...
И в промозглый, меркнувший зенит
Всё летит душа за журавлями,
В белом оперении летит...

* * *

Такое время... Сентябрит...
Всё птичьи свадьбы.
Как свадьба в воздухе парит! —
Не помешать бы!

Закрыли солнце... Полумгла...
Всё выше, круче.
Лишь брызжут с мокрого крыла
Искринки тучи.

Парят крикливою семьей
Почти по кругу.
Как бережёт он, Боже мой,
Свою подругу!

Глаза поднимешь — слепнет взгляд,
Ликует стая.
Им вслед березы шелестят,
Листву роняя.

Припомнишь — искорка прожгла
Листок намедни.
Как в миг последнего тепла,
Как в день последний...

* * *

Где была излучина
Высохшей реки,
На простор измученно
Смотрят топольки.

Три листочка... Веточка...
И еще листок.
Деточка... Не деточка...
Куцый тополек.

Больно тонок — мается,
И обид не счесть.
Птицы опасаются
На него присесть...

А над хлипкой кроною,
В тучах — не резка,
Всё парит зеленая
Смертная тоска.

В общем всё, как давеча —
Только скрип и стон,
Только клекот галочий
С четырех сторон...

* * *

Полночь... Пусто... Одиноко...
Бренности печать.
В полутьме читаю Блока...
А кого читать?

В сотый раз прочту, ликуя,
Вновь под горлом ком.
Вновь о Родине пишу я...
А писать о ком?

Об Отчизне-недотроге...
В зрелости крещён,
Снова думаю о Боге...
А о ком еще?

* * *

Лицом к врагу, спиной ли к другу —
И оглянуться не с руки.
Мы всё по кругу, всё по кругу,
Хотя казалось — напрямки...
И осознаётся едва ли,
Среди забот, среди разлук,
Что круг тревоги и печали —
Внезапно кончившийся круг...

ГАВРИЛЫЧ

РАССКАЗ

Надолго запомнилась мне эта маленькая история из прошлого века, о которой хочу рассказать.

В эту станицу на Азовском море я когда-то приехал отдохнуть от суетливой московской жизни и остановился у Архиповны, пожилой одинокой женщины. Она выделила мне небольшой отдельный домик, стоящий в самом конце двора среди яблонь и груш. Я довольно быстро познакомился со многими станичниками, но особенно близко сошелся с Гаврилычем, высоким, сухим, жилистым стариком, который жил рядом.

Как-то Архиповна сказала, что он вёз на мопеде куль пшеницы, упал и вывихнул ногу, поэтому безотлучно находится дома. Я пошел его навестить.

Гаврилыч лежал в комнате, больше похожей на кладовую: наполовину она была заставлена куклями с пшеницей, овсом, рожью, тут же стояли кадки с разными соленьями, на окнах — банки с помидорами и огурцами, под потолком вялилась рыба. (Раньше это был жилой дом, но вот уж три года как Гаври-

ПРОЗА

лыч построил новый, а старый служил чем-то вроде подсобки). Кроме хозяина, в доме находился Андриушка, его шестилетний младший сын, и Федоровна, его жена, которая белила кухню (Гаврилыч был женат второй раз). При моем появлении он сел на кровати, осторожно вытянув больную ногу с перевязанной ступней.

Мы поздоровались и обменялись обычными при первой встрече фразами.

— Болит? — показал я на ногу, присев на старый скрипучий стул.

— Ступить нельзя! С костылем мучаюсь. — Гаврилыч показал на костыль, похожий на ходулину; ступенька ходулины была обита куском овчины.

— Сам сделал?

— Не-е, Васька, средний мой, смастерил.

— Прекрасный костыль! — похвалил я Васькину работу.

— Лучше некуда! — Гаврилыч храбро предложил: — Хошь, пройду для тебя?

— Не надо, — отказался я.

Гаврилыч поправил больную ногу.

— В три часа поеду на станичное партсобрание, — важно сообщил он, — на отчетно-выборное. Как пенсионер обязан быть! Утром послал жену в сельсовет с запиской, так, мол, и так, по причине больной ноги своим ходом идти не могу, прошу предоставить транспорт. Через, — он посмотрел на часы, — два часа машина, как штык, будет у трапа!

— А может, не стоит, с такой-то ногой, — сказал я.

— Ну, нет! — запротестовал он. — Я любитель этого дела, бывать на собраниях. Кто-нибудь выступит, а я — поправочку! Без этого нельзя — вдруг кто не туды скажет... Или розалюцию прочтут, а я опять поправочку. И всё бывает к месту.. — Он взял в руки костыль. — Давай примем по кружечке, разговор лучше пойдет. Я любитель этого дела...

— Какого?

— Поговорить.

— А я думал — принимать.

— И этого тоже!.. Пойдем ближе к бару, у меня тут всё, как на пароходе. — Он проковылял по комнате, сел на стул. — Ставь сюда тубаретку, так, вместо стола у нас будет. — Затем открыл дверцу маленького шкафчика, сбитого на скорую руку из неоструганных досок, достал две металлические кружки и, взяв с окна огромную, литров на десять, бутылку, наполнил их домашним сухим вином. — Ну, держи! За дружбу!

Мы чокнулись, и Гаврилыч махом осушил свою кружку, а я стал пить не спеша. Разговор у нас зашел о Севере; это

была наша дежурная тема: Гаврилыч там рыбачил, был капитаном траулера, а я два года работал корреспондентом Мурманского радио и несколько раз выходил в море на плавбазе, а также на большом морозильном траулере.

— Счас насчет закуски сообразим, — сказал хозяин, налив по второй. — Андрюшка, — обратился он к сыну, который крутился возле нас. — Принеси-ка груш.

— Да они уже портиться начали, — подала голос Федоровна.

— Ничего, выберет. Беги давай...

Андрюшка попал в затруднительное положение, не зная, кого слушать, и потому не торопился.

— Неси быстро! — повторил Гаврилыч. — А то счас пойду и спилю грушу!

Андрюшка по-прежнему стоял на месте.

— Да беги же! — Отец в шутку замахнулся на него костылем, и мальчик убежал.

Вскоре он вернулся, неся на тарелке три крупных груши с желтой в мелких крапинках кожей.

— Что молодец, то молодец! — похвалил отец сына. — Выбрал самые лучшие. И даже вымыл, а! Ну, молоток! Теперь грушу не спилю, подожду.. — Он взял одну грушу, отрезал ломтик, попробовал. — О! То, что надо! Угощайся, Сергей, очень пользительная.

Груша была мягкая, сочная, терпкая, в городе таких вряд ли найдешь, и я ел ее с большим удовольствием.

У меня уже пошумливало в голове, и у собеседника живее прежнего поблескивали глаза. Нам было хорошо сидеть и толковать, и разговор наш тек, сам выбирая себе русло, и я подумал, что нет сейчас лучшего места в станице, чем это, — среди мешков, кадушек и бутылей, без лишнего народу, и хорошо, что никуда не надо спешить. Уже Федоровна закончила побелку и занималась какими-то другими делами, уже Андрюшка куда-то убежал, а мы потягивали винцо и, поставив кружки на табуретку, вспоминали Кольский залив, Исландию, Лабрадор, Фарелы (так Гаврилыч называл Фарерские острова), норвежские шхеры, кошельковые эпопеи у острова Ян-Майен, а потом снова брали кружки. Мой собеседник беспрестанно дымил, и скоро я стал его различать уже как бы в дымке, как бы в тумане ранним летним утром у скалистых берегов Нью-Фаундленда, и я предложил выйти на улицу.

— Повремени, — отмахнулся он.

— Разве его оторвешь от бутыли-то? — подала голос Федоровна, которая, находясь за стенкой, чутко следила за разви-

тием событий и за нашим разговором. — Пока всё вино не выпьет, не оторвется, — уже с улыбкой добавила она, так как знала, что даже при самом большом желании всё вино выпить невозможно — рядом с початой бутылкой стояло две непчатых.

— Выпью — тогда и забот не будет! — подхватил тон жены Гаврилыч. — И душа тогда будет на месте. Сиди! — замахал он на меня руками, видя, что я хочу подняться. — Штормовать так штормовать!

Делать нечего, я остался на месте, а старый моряк потянулся к бутылке.

— Главное — держись носом на волну! И тогда никакой шторм не страшен!

— А если машина придет, что тогда будешь делать? — спросила Федоровна. — Давать задний ход или травить за борт?

— Ни то, ни другое. Если придет машина, я прикажу спустить парадный трап! И поеду! Без меня там никак... Кто же, oprичь меня, сделает поправочку к лиза... к роза... тьфу, к этой самой... А я сделаю! По всем правилам!..

Вскоре я распрощался с моим другом и отправился домой.

На другой день я зашел к нему и первым делом поинтересовался:

— Ну как, приезжала вчера машина?

Гаврилыч потупил голову. Наверно, не приезжала, подумал я, а старому капитану не хочется в этом признаваться.

— Приезжать-то приезжала, — тяжело вздохнув, наконец сказал он, — да я заснул. Будили, будили, да так ни с чем и уехали. — Гаврилыч крякнул. — Сон ить у меня ого-го! На море привык: шторм не шторм, а спать надо... Ну вот и доспался. Наверно, никто поправочку и не внес. Без меня куды... Это ить надо уметь — вовремя поправочку вставить! Собрание, верно, никуды было. — Он пренебрежительно махнул рукой. — Что за собрание без поправочки?... Да и вообще там у них... пустая болтовня...

— У тебя самая хорошая усадьба в станице, — сказал я однажды, когда мы сидели с Гаврилычем под яблоней у него во дворе; костыль и палку он прислонил к дереву. — На берегу моря, вдаль от дорог, от шума, от мотоциклов...

— А то нет! — отозвался Гаврилыч. — Сам, поди, выбирал! Всю жизнь на море проплавал, на море и помру!.. Знатная усадьба, почитай, самая лучшая в станице... Кто ни приедет, все хвалят!.. У меня родственников да знакомых непчатый край — все едут ко мне отдыхать, и никому не отказываю. Разве можно отказать людям! И платы никогда не беру. Они

удовольствие мне доставляют, а я плату с них брать буду? Да никогда!.. В прошлом годе восемнадцать человек побывало! Не веришь? Спроси у Шуры. Шура! — крикнул он. — Не слышит. На кухне, наверно. Васька, — обратился он к среднему, — позови маму.

— А где она?

— Поищи.

— Некогда мне — голубей гоняю.

— Не слушают отца — и всё! Ну, что ты будешь делать!

— На траулере было легче, — сказал я.

— Там два раза повторять не надо, пулей летят. А почему, думаешь?

— Дисциплина.

— Дисциплина — это само собой. А еще боялись, чтоб не списал. Знашь, сколько у меня матросы зарабатывали? По пятьсот-шестьсот рублей! А если матрос первого класса, то и все девятьсот! Я ведь меньше трех планов не брал! Премии всё время шли. Конечно, они будут держаться за такого кэпа... А знашь, сколько я зарабатывал? Все равно не угадашь? По тыще само мало! А чаще по тыще двести и даже по тыще пятьсот! Вот нет с собой партбилета, а то показал бы — по взносам. Шура, — обратился он к жене, которая вынесла корм гусям, — принеси партбилет, покажу Сергею, сколько я зарабатывал.

— У меня только и забот, что ходить за твоим партбилетом, — отозвалась Федоровна.

— Ну ладно, в другой раз покажу, — отступил Гаврилыч, — ты только не забудь напомнить...

Васька и Ленька (самый старший сын капитана, девятиклассник) вывели из сарая мопед.

— Куда вы? — спросил Гаврилыч.

— За кокишем поедем.

— Кокиш еще есть, поезжайте лучше за свеклой.

— Мама сказала — за кокишем.

— Ну вот, что мать скажет, то и делают, а на отца — ноль внимания!..

Когда ребята уехали, я спросил про кокиш.

— О! — сказал Гаврилыч. — Кокиш — это клад! Трава такая, а внутри молоко. Пользительная до ужаса! Что корове, что поросенку, что кроликам. Все уплетают за милую душу. У меня живности — полный двор. Огольцов ведь кормить надо, куда денешься...

Через полчаса «огольцы» вернулись с травой, Ленька ушел учить уроки, а Васька вертелся около нас.

— Иди русский учи, а то опять диктовку не осилишь, — подсказал ему Гаврилыч.

— Успею.

— Видал его! Если бы мать сказала, живо убежал бы!.. Пойдем, Сергей, в бар, дернем по кружечке за море — единственную мою отраду, — предложил он.

Не дожидаясь моего согласия, Гаврилыч хотел встать, но ни ходулины, ни палки рядом не оказалось.

— Утки в дудки, тараканы в барабаны! Васька упер! Тащи сюда костыль! — закричал он ему, но тот и ухом не повел. — Шурина работа... бдит... Тащи костыль! — снова закричал он. — Ну, что ты будешь делать! мать слушает, а отца — нет... Ну, ладно, я и так доберусь!

Гаврилыч взял скамейку, на которой мы сидели, оперся о нее коленом больной ноги, а на второй стал прыгать, передвигая при каждом «шаге» скамейку. Так и «шел», ругая Ваську и оставляя на земле две узкие полоски от скамьи. Достигнув крыльца, он схватился за перила и победно огляделся.

— Они думали, не дойду, а я взял и дошел! Пойдем, Сергей, дернем по кружечке.

Я отказался, сославшись на то, что меня ждет важное дело.

— Ну тогда и я не буду! Они думают, что я привязан к бутылки, а я не привязан: хочу — пью, хочу — не пью. У меня, старого моряка, характер еще тот, кремневый! Сказал — сделал! Слов на ветер не бросаю!..

Несколько дней я не был у Гаврилыча, а когда пришел, то, к своему удивлению, не застал его дома.

— Корову пасет, — сказала Федоровна.

— Значит, нога у него уже поправилась?

— Не совсем: прихрамывает, но ходить может.

Весь следующий день Гаврилыч снова пас корову, и застал я его только на пятый день, вечером. Он сидел на кухне и пил чай.

— Молодец, что пришел, — похвалил он меня. — Почитай, пять дней не разговаривал с людьми. С коровами особенно не поговоришь. — Он отставил пустой стакан в сторону. — Вспомнил свою самую первую специальность... Меня определили подпаском еще малолетним пацаном. Нужда заставила. Я был девятым ребенком в семье. Жили в нищете, частенько голодали, ни обутки, ни одежонки не было: на брюхо лег, спиной укрылся. Больно вспоминать... Я хотел учиться, большая тяга была у меня к грамоте, но проучился всего три года. Отец сказал: «Научился буквы выводить — и будя. По сравнению со мной ты большой грамотей: я и расписаться не

умею, вместо подписи крестик ставлю. Лучшая школа — это работа, иди паси скот».

Несколько лет был подпаском, а потом — пастухом. Изучил это дело вдоль и поперек. Корова для меня — открытая книга: знаю, чего она хочет и чего не хочет, какой ключ подобрать к одной, а какой — к другой. Можно сказать, стал профессором по этой части...

Гаврилыч пересел к окну.

— А где ты пас своих коров? — любопытствовал я.

— Около сада, есть там одна полянка. А больше нигде и пасти, колхоз всю землю перепахал... Сегодня мне не повезло, на Брюханова, председателя колхоза, напоролся: едет мимо на «Волге» и кричит: «Убрать скот!» А куда убрать? Земли-то все перепаханы. Детишки плакать будут, если я послушаюсь Брюханова... А в общем-то, замучился я с ней, этой коровой. Корму для нее достать — цельная проблема. Два месяца плотничал в колхозе, хотя какой из меня, капитана, плотник? Заработал триста рублей да, опричь того, колхоз сена привез. Теперь надо бы еще соломы раздобыть... Забот, говорю, с этой коровой полон рот, проще продать, да и...

— Так я тебе и позволила продать! — вступила в разговор Федоровна, убирающаяся на кухне.

— А не позволишь, пусть живет, — охотно согласился Гаврилыч. — Не знаю, правда, сколько она протянет. Она ведь больна, — пояснил он. — Счас даёт молоко, но в любой момент может отказать. Два раза водил к ветелинару. Говорит, она съела гвоздь или какое другое железо. Если вдруг откинет копыта, то не беда: я ее застраховал — на триста пятьдесят целковых. Куплю новую, только и всего...

Федоровна, закончив приборку, спросила у мужа:

— Кто завтра повезет молоко — Ленька или Васька?

— Пусть Ленька слетает, — сказал Гаврилыч. — Мы ведь сдаем молоко в колхоз, — снова пояснил он, — договор заключили на двести литров: по восемнадцать копеек за литр. Колхоз обещал силос доставить или еще какой корм... Выкручиваемся... Я же не колхозник, пенсионер, никто мне ничего не дает. Придешь что просить — на тебя смотрят, как на иностранца. Как будто из Америки приехал. А я в этой станции и родился, и вырос...

— Корову выгоняешь — только и слышишь: «Понаехали тут!» — вставила Федоровна.

— «Понаехали!» А когда я снялся по призыву на Север рыбалить — это тоже «понаехал»? Я же отправился стране помогать, море осваивать... Почему-то никто больше не рвется отсюда, знают — не сахар там... Ну, жизнь!.. Для хозяй-

ства ну ничего не достанешь! Придет какой-нибудь товар в магазин — всё по начальству, а нам — шиш. Штыковой лопаты не могу купить! Раз зашел в магазин — нет, два зашел — нет; а потом иду по улице, гляжу — колхозный бухгалтер несет целую связку лопат. Спрашиваю: «Где брал?» «В магазине», — отвечает. Я туда. Говорю: «Как же так? Для кого есть, а для кого — нет!» А продавщица: «Это по спецзаказу». Знаю я эти «спецзаказы»!.. Ну, как тут жить? — спрашиваю. Смотрят на человека, как на скотобазу..

Прибежал голодный Васька, попросил у матери есть, и та поставила перед ним полную тарелку борща.

— Завтра отдыхаю, беру у хозяйки отгул, — сказал Гаврилыч. — Приходи, Сергей, в шахматы сгоняем.

— Какой отгул, окстись! — Федоровна сердито взглянула на мужа. — Еще больше ста литров сдавать, а он — отгул...

— Имею я право отдохнуть или нет?

— Вот сдадим всё молоко, тогда и отдохай.

Гаврилыч встал и прошелся по кухне.

— На следующий год ко мне придут два члена моей бывшей команды — старпом и боцман. Если они узнают, что я пасу корову, они меня засмеют. Одно дело такой человек, как ты, и другое — прожженные моряки, они ведь не понимают, что пасти корову — это дело хорошее. Для них существует только море, а всё остальное — не стоящее внимания... Ты, дорогая половина, меня уж не выдавай, когда они придут, слышишь?

— Слышу, не глухая.

Гаврилыч успокоился, но через минуту его снова охватила тревога.

— Если спросят, кто у нас пасет корову, скажи: Ленька или Васька, лучше — Васька, средний, мол. Запомнила?

— Да запомнила, чего ты пристал!

— Ага, опять Васька отдувайся, недовольно проговорил Васька, отодвигая тарелку. — Как что, сразу Васька. Не пас я корову, так и скажу им.

— Ну ты скажи, какой вредный! — заерзал на табурете Гаврилыч. — Да тебя никто и не заставляет пасти, твое дело только молчать.

— А чего я буду молчать! Я расскажу всё как есть.

— Нет, вы только посмотрите на него! На позор выставит родного отца!

— Подари мяч — буду молчать, — сказал Васька, принимаясь за молоко.

Гаврилыч потер щеку.

— Ладно, — неожиданно согласился он, — получишь мяч да еще в придачу автомобильную камеру, плавать будешь...

— Мне этим летом скрозь везет! — делилась со мной новостями Архиповна, накрывая на стол. — Картошкой запаслась, капустой тоже — прямо к воротам машина подъезжала: хлопцы привозили на рынок в Бейск, да не распродали, вот и приехали в нашу станицу.. И с углем повезло, — она указала на большую кучу угля, возвышавшуюся посреди двора; этот уголь появился вчера вечером, в мое отсутствие. — Пришла машина из Донецка, и мы с соседом взяли пополам; дорого-вато, правда, но зато я теперь спокойна: на всю зиму топливом обеспечена.

— А ближе разве нет угля?

— Как нет, понятное дело, есть, да вот как его достать? Я уж рада не рада, что этот купила... Хлопцы говорят: на следующее лето приедет отдыхать начальник шахты с семьей, ну, и если я пушу его к себе, то он мне — машину угля. Я, конечно, согласилась; что я дура, что ли, от своего счастья отказываться... Я же говорю: мне этим летом скрозь везет!..

Я уже расправился с варениками и принялся за арбуз, когда на дворе появился Гаврилыч. Увидев уголь, он болезненно поморщился:

— Разве это уголь? Семечки, а не уголь! Как ты могла, Архиповна, купить такую шелуху? Сколько они с тебя содрали? Семьдесят пять рублей? Грабеж среди бела дня! Грабеж да и только! Мне такой уголь и даром не нужен!

— А я рада и такому, — отвечала Архиповна. — Лучше такой иметь, чем никакого. А ты, мой голубь, достань себе самого лучшего.

— И достану, даю слово моряка! И не по тридцать рублей за тонну (стану я мошенникам переплачивать!), а по семь! И не в Донецке, а в Бейске! А то и прямо в станице. Как пенсионеру обязаны дать.

Он повернулся и зашагал со двора, давая понять, что не намерен больше обсуждать этот вопрос.

Через несколько дней наступило неожиданное для юга похолодание с дождем и ветром. Архиповна затопила печь и, довольная, что у нее в хате тепло и не нужно заботиться о топливе, сообщила, что Гаврилыч уехал доставать уголь.

— Помоги ему, Господи, — перекрестившись, сказала она.

Три дня хлопотал Гаврилыч насчет угля, но так ничего и не достал. Федоровна отыскала в сарае остатки прошлогоднего топлива и затопила печь. Она молча справляла свои обычные кухонные дела и ничем не попрекала мужа, хотя, может

быть, у нее и были на это основания, а старый капитан, грея у открытой дверцы большие озябшие руки и изредка побряхтывая от удовольствия, рассказывал мне о своей «одиссее».

— Первым делом я зашел в сельсовет, так, мол, и так, сию без угля. Начальник: «Уголь еще не завезли». «Очень плохо, — говорю. — На дворе уже похолодание». — «Похолодание временное, — отвечает начальник, — через несколько дней снова будет тепло». — «А если не будет?» — «Тогда завезем».

Вижу, каши тут не сварить, хлопнул дверью — и в Бейск, прямо на угольную базу, к работягам, с которыми можно договориться гораздо быстрее, чем с начальством. Поставил им пару бутылок. «Выручайте, хлопцы, детишки замерзают». «Половина-наполовину согласен?» Это значит: две с половиной тонны хорошего, крупного угля и две с половиной — мелочи. Я прикинул: лучше иметь такой, чем никакой, и говорю: «Согласен». «Тогда давай машину». Я мигом поймал левака (на четвертной с ним договорились), подъезжаю грузиться — транспортер сломался. Надо же такому быть, ни раньше, ни позже! Ну, делать нечего, жду; прождал до темноты — так и не починили.

Эхма, уж как пойдет цепляться одно за другое, так пиши — пропало! Домой пора — автобусы перестали ходить. Поймал такси. «Плати за оба конца, тогда поеду; ночью кого я повезу из твоей станицы?» За оба конца десять рублей. Накладно! А с другой стороны, не на улице же ночевать. Выложил десятку и вернулся домой.

Утром, в пять часов, первым автобусом обратно. К обеду транспортер всё же пустили — машины нет. Я к одному леваку, к другому — не хотят. Предлагаю четвертную — мало. Даю тридцать — опять мало. Так ни с кем и не договорился. Замерз, как собака, и ни с чем вернулся домой.

Приезжаю на третий день — бригада сменилась. Объясняя, что я уже поставил пару бутылок вчерашним хлопцам. «Вот пусть они тебя и загружают». А сами так хитровато поглядывают, мол, если и нам поставишь, тогда другое дело. Как быть? Если им поставлю, то на уголь денег не хватит; если не поставлю, то...

Почесал затылок и вернулся в станицу.

Во как бывает, Сергей! Во как уголь достается! Измучился за эти дни, сколько денег угрохал, а все без толку!

Гаврилыч встал с табуретки и принялся ходить по кухне, заложив руки под мышки и тяжело вздыхая. Федоровна, чтобы успокоить мужа, сказала:

— Говорят, на завтра-послезавтра потеплеет.

— А если нет? — остановился старый моряк. — Теперь ведь от природы чего угодно можно ожидать... Сергей, подсоби достать уголь, на тебя последняя надежда.

— Ладно, — пообещал я, — попробуем.

На другой день мы поехали в Бейск.

— Взял с собой восемьдесят рублей. — Гаврилыч похлопал по карману. — На пять тонн угля плюс машина. Ну, и на всякие непредвиденные расходы.

Было заметно, что он сильно переживает за успех нашей операции. Да и я, откровенно говоря, почувствовал некоторое волнение, когда вошел в кабинет начальника гортопа. Я показал ему удостоверение Союза журналистов СССР и сказал, что собираюсь писать статью о гортопе, о том, как руководство в сезон «пик» успешно решает стоящие перед ним задачи, а попутно намекнул, что мне нужна машина угля. Против статьи начальник не возражал, а вот насчет угля дело обстояло сложнее, так как последнюю тонну он отдал вчера детскому саду, а когда завезут еще, неизвестно — все зависит от Донецка, который, кстати говоря, поставляет уголь крайне неаккуратно и не соблюдает никаких сроков. Начальнику (я это заметил сразу) очень хотелось, чтобы в газете появилась статья, и в то же время он, конечно, догадывался, что я не буду ее писать до тех пор, пока не получу уголь, и потому он переживал за исход этого дела, может быть, больше, чем я и Гаврилыч, вместе взятые.

Старый капитан, услышав новость, потускнел:

— Н-да, жалко. Если уж не повезет, так не повезет. Эхма! Утки в дудки, тараканы в барабаны! Житуха наша никуда не годная... А всё они, коммуняки, устроили всё так, чтобы уморить простого человека. Кто я для них? Да никто, вошь мелкая, а кто с вошью будет считаться?! А себя уважают, выпячивают на каждом шагу... Я с ними давно разобрался, с коммуняками... Они мягко стелют, да жестко спать...

— А почему же ты вступил в партию?

Гаврилыч быстро-быстро замигал глазами:

— Ошибочка тут у меня вышла, сознаюсь... Вступил с корыстной целью: думал, поблажки будут мне делать, привелегиями разными баловать, а получил шиш с маслом. Превелегии, они есть, но только не для нас, а для них... это я тоже быстренько скумекал...

— Влип, короче.

— Еще как! Но я исправлюсь: завтра же пойду к парторгу колхоза и сдам свой партбилет. Скажу: «Он мне не нужен! Да и вы все мне не нужны!»

Небо было безоблачное, синее, и солнце стояло уже высоко; вдали, у самого горизонта водной глади, делал разворот катер, он тащил за собой два каюка; еще один каюк, ближе к нам (можно было различить фигурки людей на борту), обрабатывал ставной невод; пляж был пустынен; несколько отдыхающих с турбазы гуляли вдоль обрыва, останавливались, глядели на море; долго-долго играла пластинка и никак не могла закончиться; море было спокойным, без волн, и зыбкая, едва различимая полоса, отделяющая мутную воду от чистой, проходила гораздо ближе к берегу, чем в штормовую погоду; и каюки, и отдыхающих, и турбазу окутывала легкая сизая дымка, и всё казалось каким-то размытым и нерельефным.

Мы с Гаврилычем сидели на лавочке около его дома, и всё, что происходило на берегу и в море, нам было видно как на ладони. Катер с двумя каюками на буксире уже подходил к берегу; третий каюк, закончив обработку невода, тоже снялся с места.

— Разве это рыбалка?! — кивнул на море Гаврилыч. — Смех, а не рыбалка! Вот на севере, это да! Во-первых, круглый год, а во-вторых, иди куда хочешь: хоть к Исландии, хоть к Фарерам. Любое море в твоих руках!.. Стоишь на мостике, в руках бинокль, на румбе триста, а то и все триста пятьдесят градусов, а ты подаешь команды рулевому.. Знаешь, какая моя самая любимая команда?

— Какая?

— Угадай.

— Да нет, куда мне, сухопутному человеку.

— А ты попробуй.

— «Вира трал!» — прикинул я.

— Э-э, и близко не подошел. «Лево на борт» — вот что я больше всего люблю. Причем, не сразу «Лево на борт», а постепенно, постепенно подходишь к этой команде (в море ничего с размаху не делается); ну вот, значит, сначала говоришь «Лево помалу», негромким таким, обычным голосом (я вообще на мостике не повышаю голоса, отдаю команды так... ну, как вот прошу Шуру принести мне тапочки), говоришь, значит, будничным голосом «Лево помалу», и нос траулера начинает забирать в левую сторону, причем незаметно так забирать, только опытным глазом и можно это определить; потом — «Больше лево» и наконец — «Лево на борт». Посмотришь за корму, а там красивая такая дуга...

Гаврилыч провел рукой, показывая эту самую дугу.

— Был у меня однажды такой случай. Ко мне на борт сели два художника (я в то время капитанил на «Альбатросе»):

«Море, — говорят, — хотим печатлеть, героизм рыбаков». «Печатлейте на здоровье, — отвечаю им. — Это дело хорошее». Ребята старались всюю, запечатлели всё, что можно было: и спуск трала, и подъем, и вахту, и подвахту, и меня, грешным делом, прихватили, ну, а после меня и печатлеть больше нечего.

«Веди, — говорят, — товарищ кэп, свой корабль прямиком в айсберги, айсбергов, — говорят, — нам не хватает, а без них и героизм рыбаков не героизм». Я говорю: «Пойти-то можно хоть куда, хоть в айсберги, хоть к черту на кулички, да берег не пустит». «Что ты за кэп, — говорят они мне, — если без берега не можешь и шагу ступить. Покажи, — говорят, — что ты настоящий морской кэп, а не береговая крыса!»

Короче, распалили они меня, дальше некуда. «Ладно, — думаю, — была не была, схожу в айсберги, угожу ребятам, а может, и рыбу там найду, из пролова выскочу (тут у меня рыбалка не ладилась)». Плюнул, в общем, на берег (не всё же по его указке танцевать) и пошел к Шпицбергену. (Гаврилыч, как заправский морской волк, ставил ударения не обычные, а морские: не Мурманск, а Мурманск, не Шпицберген, а Шпицберген).

— И что же из этого вышло, товарищи вы мои? — продолжал старый капитан, хотя рядом с ним по-прежнему сидел только я один. — А вышло то, что я нашел рыбу и взял сразу три плана, а художники напечатлели белые скалы-айсберги и были в полном восторге! Вот так! А другие кэпы не посмели туда идти, хотя я выдал им точные координаты. Берега побоялись, несчастные трусишки! Прихожу в порт, начальство глазам не верит: «Где ты, Гаврилыч, добыл рыбу? У других пусто, а у тебя — под завязку!» — «Уметь, — говорю, — надо! Настоящий кэп и с завязанными глазами рыбу найдет!» — «Ну, — говорят, — Гаврилыч! Творишь чудеса, да и только!» Уже когда на пенсию уходил, рассказал начальнику флота, так, мол, и так было дело. Он смеется: «Знаю, — говорит, — ты у меня такой...» Да, было дело....

Гаврилыч приложил руку козырьком ко лбу, проследил, как третий каюк швартуется к берегу.

— А начальников я не боялся, наоборот, они меня боялись.

Уловив мой недоверчивый взгляд, он подтвердил:

— Да, боялись. Не веришь? Сейчас расскажу, как было, сразу поверишь.

Ко мне повадился капитан порта. И знаешь зачем? За сельдью. Как вернусь с моря, он ко мне: «Гаврилыч, оставь для меня пяток бочек сельди». Отказать неудобно — начальник всё же. Раз дал, два, а он уже наглеет: «Оставь, — говорит, —

восемь бочек». Оставил и восемь. Не помню, сколько времени это продолжалось, только дело подошло уже к десяти бочкам. И куда, думаешь, он эту рыбу употреблял? Шабашникам. Они ему дачу строили, а он, значит, натурой расплачивался. Нет, думаю, так дело не пойдет... Да и команда роптать стала, мол, мы вкалываем, как рабы на галерах, а он... ни стыда, ни совести...

Хорошо, думаю, выведу тебя на чистую воду, если меры не хочешь знать. И принародно отчихвостил его: так, мол, и так, до каких пор, говорю, ты можешь наглеть?

— А он?

— Что он? Затаил на меня зло и не выпустил в рейс. Это меня-то, самого знаменитого кэпа, в рейс не выпускать! Не на того напал, дружок! Взял и вызвал комиссию из обкома партии. Комиссия разобралась и капитана порта — по шапке. Не дали Гаврилыча в обиду... После этого случая против меня — никто! Бояться даже стали. А ты говоришь...

Старый капитан замолчал, а я никак не мог отделаться от мысли, что где-то уже слышал про эту историю. Кажется, еще в Мурманске. Или читал. И про художников где-то слышал или читал. Ну да, читал. Книжечка такая вышла — «Альбатрос». Неплохая книжечка.

Я сказал об этом моему собеседнику.

— Утки в дудки, тараканы в барабаны! Поймал-таки, а! Надо же! — Гаврилыч опустил голову и как-то весь ссутулится, став сразу чуть ли не в два раза меньше. И было в его позе и смущение, и неловкость, и стыдливость. — Никакой я не капитан, — произнес он виновато. — И в Мурманске ни разу не был. (Слово Мурманск он на этот раз произнес с правильным ударением). Всю жизнь на суше и прожил. Вместо морских дорог пылил по сухопутным. — Гаврилыч взглянул на меня, и в его глазах, неожиданно повеселевших, мне почудилось какое-то лукавство. — На автофургонах вкалывал — был дальнебойщиком. Рейсы выпадали и правда неблизкие: то Харьков, то Оренбург, то Ярославль. Поколесил, одним словом, по матушке-Расее. Возил разные хозяйственные грузы: холодильники, пылесосы, газовые плиты, стиральные машины — лучше спроси, чего я не возил. Куда ни приедешь — тебя уже ждут: нужным я был человеком... Поневоле себя зауважашь...

Снова потеплело, да так, что, казалось, наступило второе лето, и мы с Гаврилычем отправились на пляж. Загорающих было немного, да и те в основном турбазовские — там один человек, там двое; ничего удивительного — конец сезона.

Спасаясь от ветра, они попрятались в песчаные чаши, которые сами вырыли, — виднелись только головы.

Издаലെка под острым углом бежали большие пологие волны; они с шумом накатывались на песчаный берег, а потом долго стекали назад, оставляя рваные клочки пены.

Мы искупались и легли на теплый песочек погреться.

— Счас только и поваляться, — размышлял Гаврилыч, — а раньше и дома почти не бывал: всё рейсы, рейсы, рейсы... Тула или Саратов — это, считай, рядом; до Новгорода и до Питера ходил! А то и до Кустаная! Жаль, что недолго; пришлось уйти.

— Почему?

— Из-за бабы. Известно: мы, мужики, в основном из-за баб и гибнем... Приглянулась мне одна бабенка, в чайной работала, буфетчицей; ладная такая, при теле; ну, и я, видно, чем-то пришелся ей, не знаю уж чем, только и она, как остановилась перекусить, тоже поглядывает в мою сторону.

Один раз устал, как черт, полсуток за баранкой просидел. Дай, думаю, дерну с устатка водчонки. «Налей, говорю, милая, стаканчик, только неразбавленной». «Если хочешь неразбавленной, приходи, говорит, домой». «Хорошо, говорю, быть по-твоему...» Пришел. С тех пор и зачастил к своей Соне. Если посылали в другую сторону, я менялся с ребятами рейсами — и к ней. Шура говорит: «Чего ты зачастил в этот самый Кустанай, медом тебя там кормят, что ли?» Я говорю: «Выгодный рейс, вот и хожу. Для семьи стараюсь». «Что-то не видно твоих стараний, — это Шура опять. — Когда в Харьков да в Саратов ходил, и то больше получалось». Засекла, короче, меня. Да. А отступать поздно, на уме один Кустанай. Ну и докустанайничался! Все время ведь торопишься, чтобы сэкономить день-другой для своей зазнобы. Вот и сидишь весь рейс на сухомятке, а то и вовсе забудешь поесть. Общим, испортил я свой желудок до такой степени, что мочи нет. Прихожу к врачам; они: язва желудка. Вот так. Дали мне путевку и отправили лечиться в Крым. Знашь, как лечат эту самую язву? Встаешь утром, а тебе пятьдесят граммов чистого спирта подносят. Без закуски. Представляешь! Целый день ходишь косою. Подкармливать начинают дней через десять-пятнадцать. Некоторым такое лечение не особенно нравилось, а мне — одно удовольствие. Моя Сонька, между прочим, не дремала и вскорости пожаловала в Крым, сняла рядом с санаторием комнату, и я, считай, жил не в санатории, а у нее.

Гаврилыч посмотрел на море.

— Давай-ка еще разок искупнемся, пока волны есть. Тут ведь быстро... ветер переменялся — и всё.

Мы долго воевали с волнами, пока не устали; тяжело дыша, вышли на берег; Гаврилыч попрыгал на одной ноге, вытряхивая из уха воду, пригладил волосы.

— Всё хорошо, только вода грязная, будь она неладна. Не поплывешь же на середину моря ополаскиваться. Сергей, пойдем-ка в баньку, помоемся от души. Надо же хоть один раз за всё лето помыться.

Мы зашли домой и взяли всё необходимое для бани.

— Я любитель ходить в баню; зимой каждую субботу бываешь, а как лето — всё на море да на море, а про баню и забудешь... — рассуждал Гаврилыч. — Бывало, в дальних рейсах недели по две, а то и больше без бани, соскучишься донельзя, а как доберешься — тут уж душеньку отведешь! Счастлив человек, у которого собственная баня. Жив буду, и я срублю себе...

Прежде чем забраться на полок, Гаврилыч долго готовил пар: вымел парную, проветрил ее и только после этого стал поддавать в каменку воду — мелкими порциями; после восьми или десяти доз присел на лавку — «пусть пар крепость наберет»; потом надел шапку и рукавицы и полез на верхо-туру.

— Вот это пар! Вот это парок! — приговаривал он, наяривая себя веником. — Пронимает до последней жилочки! О-хо-хо! Чертовски пронимает!.. Сергей, плесни еще сто грам! Добре! Достает до самой печенки! Еще сто пятьдесят, будь другом! — Гаврилыч лег на спину и, поднимая то одну ногу, то другую, понужал их веником, побряхтывая от удовольствия. — Сергей, залезай наверх, похлешу тебя.

Я отказался, так как и внизу еле-еле переносил жар.

— Помолодел на десять лет! — заявил Гаврилыч, появившись в раздевалке через некоторое время и закутываясь в громадное банное полотенце. — Заботливая у меня Шура, видишь, каким полотенцем снабдила...

Я напомнил о недосказанной истории.

— Я и говорю: заботливая у меня жинка. Вот и в тот раз позаботилась. Разнюхала про мои похождения, уж не знаю, как, но разнюхала. Поехала в Краснодар и уволила меня с работы. Без моего согласия.

Вот так. Пришлось пересесть на самосвал. Из станицы в Бейск и обратно — вот и весь мой маршрут. Это после прежних-то моих рейсов! Поневоле загрустишь... Частенько вспоминаю то счастливое время: то Новгород придет на ум, то Горький, то Москва. Я и в белокаменной несколько раз был. Знаком с нею, никогда не заблужусь; знаю, где надо тихо ехать, а где быстро. По Кузнецкому мосту, например,

шпаришь, только пыль стоит! Хороший мост, широкий, красивый, не то что в Харькове. Да и другие мосты то, что надо...

Мой отдых в станице заканчивался, и я пошел проститься с Гаврилычем, к которому, по правде сказать, сильно привязался. Он сидел за кухонным столом, на своем обычном месте, в углу, и, шевеля губами, читал местную газету «Южные степи». Очки, которые я видел на нем первый раз, делали его неожиданно строгим.

— Ай да «Южанка»! — воскликнул Гаврилыч, отложив газету. — Резанула правду-матку! И не про кого-нибудь, а про нашего председателя сельсовета. Свадьба у нас недавно была, и это... пришли жених и невеста в сельсовет — расписаться, значит, а на двери замок. Председатель сельсовета, несмотря на субботний день, обещал прийти, но слова не сдержал. Отправились к нему домой. «Счас, — говорит, — приду, стакан чаю только выпью». Полчаса ждут, час ждут — нет председателя. Пошли снова домой. «Уехал в Бейск, — это жена им говорит, — по срочному делу». Так и остались молодые без записи.

Молодец, «Южанка»! Пропесочила коммуняку!

— Дома хозяин-то али нет?

Скрипнула дверь, и на кухню вошла худая, почти под прямым углом согнутая старуха в длинном мужском пиджаке с подвернутыми рукавами и с батогом в руке. — Дома, батюшка, вижу, што дома. А я иду и не надеюся.

— Садись, Мироновна, отдохни, — пригласил хозяин.

— Да некогда мне рассиживать-то, по делу я к тебе, отец мой.

— А что за дело-то?

— Сделал бы ты мне, батюшка, этажерку, унуку хочу подарить, он счас у городе живет, у Бейском...

— Какую мать... этажерку?

— Да абнакнавенную, какие ты завсегда столярничал. Помнишь, сбил мне однажды этажерку, дак она и счас стоит у мене у красном угле... Таковую же и унуку смастери... Ты же у нас знатный столяр, другого такого по усей станице нема... Уж не откажи, батюшка...

Гаврилыч, стараясь не смотреть в мою сторону, как-то весь сник.

— Ладно, Мироновна, — сказал он через силу и после долгого молчания. — Слажу я тебе эту самую... этажерку.. Ступай.

— Храни тебя Бог, отец мой.

Старуха перекрестилась и, стуча батогом, ушла.

— Гаврилыч, — сказал я, стараясь не замечать смущенного вида хозяина, — приезжай ко мне в гости. Москву хоть раз в жизни увидишь.

«Беломорина», которую разминал старик, чуть не выпала у него из пальцев.

— Как ты... как ты, говорю, узнал, что я... не был в Москве? — спросил он, запинаясь.

— По Кузнецкому мосту прогуляемся.

— Что, не угадал я? Узкий он, наверно?

— Увидишь.

— В Москву... Хорошо бы, да разве выберешься! Заказов накопилась пропасть — с твоего приезда рубанка в руки не брал...

— Столярничаешь давно?

— Да почти всю жизнь. Сначала, конечно, учился, лет восемь или десять. Учитель у меня был... золотые руки... Звали его Фока. По столярной части умел всё. «Дерево, говорил он, живое, и относиться к нему нужно бережно. Вот как к детям мы относимся бережно и с любовью, так и к дереву. И тогда оно у тебя запоет». Заветы его помню до сих пор. Всегда прикидываю: а как бы распорядился этим материалом Фока? Или: понравилось бы ему мое изделие или нет? Дела у меня шли лучше некуда. Заказы стали поступать даже из соседних станиц. Но всё это меня мало радовало.

— Как так?

— Душа моя... как бы это сказать... простору просит... Мало ей нашей станицы, хочется за ее пределы улететь. А как улетишь, если нет крыльев? Коммуняки мои крылья обрубали. Да и не только мои. Считай, всему русскому народу шею пригнули. Пришли, злыдни, погостить три дня, а задержались на целый век... Эхма, было времечко — осталось одно бере-мечко...

Архиповна пошла проводить меня до остановки автобуса, которая находилась в центре станицы.

— На следующий год приедешь к нам? — поинтересовалась она, когда мы вышли на главную улицу.

— Чего не знаю, того не знаю, — ответил я.

— Приезжай, у нас тут хорошо отдыхать. Остановишься опять у меня. Гаврилыч обещал новые окна в твоём домике поставить, чтобы их можно было открывать в жаркую погоду...

— А комод — это дело его рук?

— Его, кого же еще. Такой славный комод получился, радоваться не могу. Гаврилыч мне ни в чём не отказывает:

помог крышу подправить, ворота починил, стул сладил. И, что главное, плату с меня не берет. «Ты, говорит, пенсионерка, живешь одна, помогать тебе некому, поэтому никакой платы мне с тебя не надо. И не заикайся даже, а то обижусь».

— А другим людям?

— По-божески он относится к станичникам, очень по-божески. Он так обычно говорит: «Если можешь платить, заплати, а если не можешь — не плати. За деньгами я не гонюсь: в рай ведут не деньги, а добрые дела». На том краю станицы живет одна сирота, Любушка ее зовут. Она с детства не может ходить. Гаврилыч раз в месяц навещает ее и дает десять рублей. «И до самой моей смерти буду помогать ей, говорит он. Потому как она убогая».

Подошел автобус. Я стал прощаться с Архиповной. Вдруг на остановке появился запыхавшийся Гаврилыч.

— Успел... всё же... — Немного отдышавшись, он протянул мне небольшой сверток. — Кусочек балыка... возьми в дорогу..

Я хотел отказаться, но он настоял на своем.

— Не поминай меня лихом...

Мы обнялись.

— Как приедешь, дай телеграмму. Чтобы я не волновался... Обещаешь?

— Обещаю, — заверил я его.

МИР БУДУЩЕГО

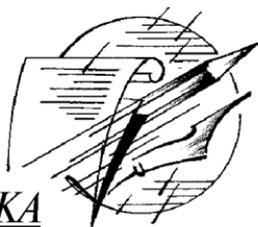
(Беседа с историком)

— Андрей Ильич, куда идет этот мир, т.е. как выглядит картина будущего?

— Мир стремительно идёт к концу капитализма. От последнего не так много осталось: рынка практически уже нет, есть глобальные монополии; государство отмирает; гражданское общество скукоживается; политика превращается в комбинацию административной системы и шоу-бизнеса, деньги потеряли ряд функций и в значительной степени перестали быть деньгами; европейцы утратили одну из своих основ — трудовую этику, капиталу почти удалось поглотить, сожрать труд, но и сам он от этого перестаёт быть капиталом.

— Кто строит новый мир?

— Одновременно идут два процесса: разрушение старого мира и оформление нового. Старый капиталистический мир ломает капиталистическая же верхушка — он ей больше, по крайней мере в перспективе, не нужен. С середины 1970-х годов идёт демонтаж капитализма. Он как бы «едет» в своё «додемократическое прошлое», в эпоху «железной пяты» и ост-индских компа-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ний, этих предшественниц нынешних транснациональных корпораций, только более крутых, чем эти последние. Свертывание прогресса и есть способ создания мировой верхушкой их нового мира. Для большей части человечества этот «новый мир» обернётся новыми «тёмными веками» — не путать со Средневековьем, стартовавшим в IX в. распадом империи Карла Великого. «Тёмные века» — это время между серединой VI в. и серединой IX в.

— Темновековые — это, действительно, эпоха мрака и крови, в отличие от оболганного деятелями Ренессанса и особенно Просвещения (жуликами типа Вольтера) Средневековья — светлой, вплоть до начала XIV в. эпохи; XIV—XVII вв. — новое темновековье, у которого, впрочем, был столь же зазывный, сколь фальшивый фасад — Ренессанс.

— Есть ли альтернатива западной модели будущего (новым тёмным векам)?

— На данный момент такая альтернатива просматривается плохо. Сейчас главное не дать реализоваться темновековому проекту, а там будет видно. Альтернатива — сопротивление глобальной повестке, т.е. курсу на варварское сокращение населения планеты, разрушение государства (суверенитета), семьи, науки, образования, здравоохранения, которое, как заметил М. Мур, превращается в здравоохранение.

— Есть ли возможность вернуться на тот путь развития, по которому планета шла 50—60 лет назад?

— Едва ли. Возвращения и реставрации в истории невозможны. Невозможно повторить уникальную эпоху 1945—1975 гг. — рывок человечества во главе с СССР в будущее, рывок, искусственно прерванный тупой советской номенклатурой и расчётливой верхушкой капиталистического мира. Советская верхушка за этот ситуационный союз расплатилась разрушением СССР.

— Можно ли вернуть людям уверенность в завтрашнем дне, надежду и оптимизм?

— Оптимизм — это состояние души сильных и цельных людей, умеющих не просто менять обстоятельства, но создавать их. Оптимизм — это нелёгкий, но в то же время радостный труд, часто наперекор судьбе. Оптимизм нельзя дать, подарить, вернуть. Он рождается в борьбе. Разумеется, есть биохимическая (генетическая) основа оптимизма, тем не менее, оптимизм — социальная функция здоровых обществ. Достаточно сравнить советское общество середины 1930-х — середины 1960-х годов («Нам нет преград на суше и на море», «Туманность Андромеды» И.Ефремова и многое другое) с советским же обществом 1970—1980-х годов — усталым,

циничным, саркастическим и безрадостным. И это при том, что жить в 1970-е годы стало комфортнее, легче и сытнее; страх ушёл, а счастье не наступило. 1960-е годы были кратким мигом надежд, которые не осуществились ни у нас, ни в мире.

— Можно ли поставить прогресс на службу всем людям (или хотя бы большинству)?

— СССР пытался. И лет тридцать у нас это выходило. Значит — можно. Только нужно быть бдительными и помнить сталинское предупреждение о том, что по мере развития социализма классовая борьба обостряется, т.е. налицо угроза перерождения. Так оно и произошло, причём одними из первых переродились определённые сегменты ЦК КПСС и КГБ. Недоработала партийная инквизиция.

— Мечта — черновой набросок будущего. О чём же люди мечтают сегодня?

— Разные люди мечтают о разном. Это зависит от того, на что они ориентированы — на явь, навь или правь. Т.е. либо на мир тёмных и вульгарных страстей (богатство и удовольствие любой ценой для себя лично и в ущерб другим), либо на солидарный труд на основе социальной справедливости и сохранения своей этнокультурной идентичности.

— Проблема «золотого миллиарда» — самая опасная проблема современности. Согласны ли Вы с этим?

— Проблема «золотого миллиарда» в том виде, в каком она формулировалась, не является самой опасной, поскольку миллиард этот размывается. В Европе его размывают арабы, турки, курды, африканцы, и их будет всё больше. Такое впечатление, что европейскую часть «золотого миллиарда» списали и спускают в «унитаз истории», то ли пытаются селективным путём с помощью выходцев с Юга выработать из европейцев новый тип, который не числом, а умением станет биться за будущее. Правда, пока что молодые образованные европейцы эмигрируют в Канаду, Австралию, Новую Зеландию, но не в США, где скоро будет тоже горячо. Ведь там социальные проблемы замешаны на расовых: негры, которых теперь принято называть афроамериканцами, испаноязычные (латинос). Расовый и этнокультурный состав Запада меняется. Собственно, Запада в привычном смысле уже и нет. Есть постзападное постхристианское общество, стремительно закатывающееся в «лунку Истории». Какой-то план у тех, кого Б.Дизраэли называл «хозяевами истории», а писатель О.Маркеев «хозяевами мировой игры», есть, но, во-первых, похоже, ситуация выходит из-под контроля. Во-вторых, развёртывается борьба внутри мировой правящей эли-

ты (она ведь не едина) за будущее. Вот на этих противоречиях нам и надо сыграть, как это сделал Сталин в 1930-е годы.

— Какое место отведено России и русским (в обобщенном смысле этого слова, т.е. жителям России) по этому плану?

— В исходном плане места для русских и многих других незападных народов, думаю, нет. Но, повторю, план, похоже, ломается. Впрочем, несколько линий глобалисты обрабатывают очень жёстко: разрушение государства, семьи, образования, здравоохранения и науки. Это часть их глобальной повестки. Поэтому, несмотря ни на какую риторику и ситуационные громкие акции во внешней политике, я поверю в благие намерения только такой власти у нас, которая остановит погром науки, образования и здравоохранения, т.е. поломает глобальную повестку в этих областях. Что это за борьба за суверенитет государства сегодня, если всё идёт так, что завтра некому и нечем (отсутствие здоровых мужиков и мозгов) будет его защищать?

— Какой план можем предложить вместо этого мы?

— Мы — это кто? Народ, олигархи, власть? Чтобы предложить план, нужно иметь стратегию. Чтобы иметь стратегию, нужно иметь идеологию. У нас государство — формально — без- и внеидеологическое, а удел тех, у кого в сегодняшнем мире нет идеологии, а следовательно, своего проекта будущего — пикник на обочине истории в ожидании, что, может быть, хозяева позовут на новый праздник жизни. Не позовут даже служивших им «плохишей»: «Рим предателям не платит». Цель у России может быть только одна — выжить и победить в XXI в., сохранив идентичность, население и территорию. Это — программа-минимум. Сделать это можно только путём создания социальной системы, основанной на социальной справедливости, тогда Власть и Родина станут одним и тем же. Люди могут убивать из-за денег, но умирать из-за денег никто не будет. За Родину — будут, Великая Отечественная война это показала. Потому-то мы и победили — за нами была справедливая социальная система, чей коллективистски-антикапиталистический характер соответствовал русским архетипам сознания и подсознания и культурно-историческому коду. Как говорил Александр Блок, большевизм «есть свойство русской души, а не фракция в Государственной думе».

XXI век станет временем жесточайшей борьбы за будущее, когда целые государства, этносы, культуры будут нещадно, без сантиментов стираться Ластиком Истории. Отморозки от власти (имя им легион, один пример — посмотрите на лицо Х.Клинтон) не остановятся ни перед чем. В этой борьбе вы-

живут и победят сплочённые социальные системы, спаянные единым ценностным кодом, характеризующиеся минимальной социальной поляризацией и имеющие в себе высокий процент носителей знания, эдакие нации-корпорации. Олигархические системы в этой борьбе не выживут, их участь — стать экономическим удобрением, навозом для сильных; собственно, иного они и не заслуживают. Во второй половине XX в. олигархизировавшиеся структуры власти в СССР дважды блокировали прогресс и жестоко поплатились за это.

В середине 1960-х годов СССР готов был совершить научно-технический рывок в будущее, превратившись из системного антикапитализма в реальный посткапитализм, однако это было не в интересах как советской номенклатуры, так и верхушки мирового капиталистического класса. Прорыв был жёстко заблокирован, а детант (ослабление международной напряженности) и взлёт цен на нефть внесли в советские верхи чувство усюкоенности и «глубокого удовлетворения». У нас нередко брежневские времена вспоминают с умирлением — стабильность, уверенность в завтрашнем дне. В краткосрочной перспективе так оно и было, однако в среднесрочной (не говоря уже о долгосрочной перспективе) брежневская эпоха была проеданием будущего, временем упущенных исторических возможностей. «Мешковатые старики... боявшиеся собственных жён» (Э.Неизвестный) профукали будущее системы — она умирала в них и посредством них. И это при том, что в многослойном СССР существовал супермощный научно-технический комплекс, который должен был рвануть в будущее не позже начала 1990-х годов. Однако если порыв 1960-х подсекли детантом и нефтью, то второй — перестройкой и разрушением СССР, в основе которых лежало банальное желание части советской номенклатуры «записаться в буржуинство». Остаётся надеяться, что состоявшаяся в самом конце 1980-х годов эвакуация режима была не только финансовой, но и научно-технической. Впрочем, «выстрел из будущего» — это прекрасно, но и самим надо не плошать.

— Чтобы России (и нам вместе с ней) выжить в сложившейся ситуации, необходимо отбиться от внешней атаки. Известна истина, что, когда собаку бьют палкой, та, чтобы спастись, должна кусать не палку и даже не руку, а горло того, кто держит палку. Для того чтобы найти это горло, нужно очень хорошо представлять себе структуру современного мира, знать силы, действующие в нём, и места их обитания. Дает ли наука, которую представляете Вы, ответ на эти вопросы?

— Да, даёт. Враг России — глобальные ростовщики и обслуживающие их политики, журналисты, шоу-деятели, причём не только за пределами нашей страны, но и внутри её. В последнем случае речь идёт о регрессорах, рушащих ценностные, интеллектуальные и технологические основы нашего общества. Но они всего лишь безликие функции глобальной матрицы, саламандры Чапека, о которых писатель говорил: «Они приходят как тысяча масок без лиц». Иными словами, главный враг — глобальная матрица, эдакая выросшая до планетарных размеров паучиха Шелоб из «Властелина колец». Кстати, идею глобальной Матрицы (G-Matrix) как структуры, навязывающей мировому населению определённый образ мышления, выдвинули деятели Римского клуба ещё в 1970 году.

— Есть ли механизм, связывающий научные достижения с практической политикой в нашей стране?

— Задачи выживания и побед в любой стране должно решать прежде всего руководство страны. Вопрос в том, насколько умело и честно оно это делает, насколько отождествляет себя со своей страной. Наконец, насколько развит у него инстинкт самосохранения, насколько он сильнее хватательного инстинкта и страсти к красивой жизни. Если последние перевесят, то рано или поздно явится История в виде собственного народа и скажет с нехорошей ухмылкой: «Ты всё пела? Это дело: так поди же, попляши!» И пляска эта скорее всего будет пляской смерти.

— Есть ли в России силы, способные привести её к спасению?

— Надеюсь, что есть. Но вообще-то спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Как пелось в «Интернационале»: «Никто не даст нам избавленья: ни бог, ни царь и ни герой. Добьёмся мы освобожденья своею собственной рукой». Мы долго раскачиваемся, но быстро ездим. Так что надежда всегда есть.

— Как их найти и сплотить?

— Лучший способ сплочения — общее дело на основе общих ценностей. Но какое общее дело может быть у богача и бедняка, вора и нищего?

— Какую идеологию должна принять Россия в XXI веке?

— Идеологии не висят в магазине на вешалке, они рождаются в кровавых и жестоких кризисах как ответ на вопрос, какое будущее мы хотим для себя, наших детей и внуков.

— Не пора ли в России создавать военно-духовное сословие?

— Сословия не создаются, они возникают в ходе истории. Думаю, однако, время сословий, как и монархии, прошло —

отжили. Тем более в истории России сильной сословной системы, как и аристократии, не было.

— На протяжении последних 400 лет в начале каждого века Россия участвовала в войне, грозящей ей уничтожением: 1610-е годы — Великая смута; 1710-е — Северная война; 1810-е — Отечественная война с Наполеоном; 1910-е — Первая мировая. Это случайность или закономерность? Сейчас идут 2010-е.

— Могу привести другой ряд: Ливонская (1558—1583), с Польшей (1654—1667), Семилетняя (1756—1763), Крымская (1853—1856), Великая Отечественная (1941—1945). Их значение не меньше, так что мистики цифр тут нет.

— «Хозяева истории строят свои модели общества будущего. В связи с этим возникает ряд вопросов. Всякая ли модель, придуманная человеком, сможет функционировать (т.е. быть жизнеспособной)?

— Конечно, не всякая.

— Всякая ли модель будет способна к развитию?

— То же самое.

— Есть ли критерии, позволяющие различать жизнеспособные и нежизнеспособные системы ещё на этапе их моделирования?

— Боюсь, что нет. Мы можем оценивать лишь степень вероятности. Может быть хилая модель, но мир вокруг меняется, и данная модель оказывается наиболее адекватной — это как рецессивная мутация в развитии биосистем. И наоборот: есть сильная, хорошо адаптированная модель, но резко меняется ситуация и условно: динозавры вымирают, а маргинальные «землеройки» захватывают освободившиеся экологические ниши.

— Есть ли методология, позволяющая строить заведомо жизнеспособные системы?

— В стремительно меняющемся мире скорее возможны принципы негативного ряда — т.е. то, чего не следует делать.

— Есть ли своя модель будущего у нас?

— Пока я её не вижу. А вообще модели рождаются в борьбе, в частности — в сопротивлении Злу.

— Каково Ваше отношение, если можно так выразиться, к «христианскому проекту» или к т.н. «библейскому проекту»?

— После Христа был создан корпус христианской литературы, а в Европе были выстроены — по модели Римской империи — иерархия и территориальное устройство. Т.е. был разработан т.н. «библейский проект», адекватный новой эпохе. Но к концу XV в. католическая церковь настолько скомпрометировала себя, а ереси настолько расшатали её поло-

жение, что ей был брошен вызов со стороны протестантизма. Будучи ударом по католицизму и противостоя ему (по накалу — вплоть до религиозных войн XVI — первой половины XVII в.), протестантизм парадоксальным образом не только ослабил, но временно отчасти укрепил западный «библейский проект». Во-первых, он создал его более современную (в плане ориентации на деньги, на успех, на селективную избранность — в этом плане протестантизм есть максимально иудаизированная версия христианства), более жестокую и в то же время более простую форму; во-вторых, стал своеобразным клапаном для исхода недовольных из католицизма. Но ненадолго. Время работало против обеих версий западного христианства, отколовшихся от православия. Наступала новая эпоха, для структурного и рефлексивного управления которой нужно было оформленное рациональное знание — наука. И не случайно в той же Франции развитию такого знания (например, в лице Декарта) способствовали иезуиты.

В XVIII — начале XIX в. западный «библейский проект», трещавший по швам, пережил ещё одну мутацию: христианская вера была отброшена, и появилась сначала прото-идеология в виде проекта британских масонских лож, реализованного главным образом на французской почве, — просвещение, а затем идеология в трёх её базовых формах: консерватизм, либерализм, марксизм. Это были уже безрелигиозные, т.е. терминальные формы «библейского проекта», выступавшие одновременно и как средства борьбы, и как формы социального контроля над резко усложнившейся общественной средой. Как когда-то христианские священники отодвинули или уничтожили жречество, так в XVIII—XX вв. масоны, идеологи либерализма, марксизма, нацисты обрушились на христианскую церковь. В данном случае весьма уместно вспомнить фразу блаженного Августина о том, что «наказания без вины не бывает», или: «Каким судом судите...»

Вообще нужно сказать, что исходная сложность христианства, отражающая сложность европейской цивилизации эпохи поздней античности, — это одновременно и сила, и слабость. Сложная композиция может быть разобрана на части. Это ислам един — его можно только на куски рубить, а вот христианство чревато неожиданными мутациями. Ведь заметил же Н.А. Бердяев, что христианство чревато католицизмом, католицизм — протестантизмом, а протестантизм — атеизмом (я бы добавил сюда масонство). Это одна линия. Католицизм чреват вырождением в неожреческую иерархию. И разве папа римский после принятия догмата о непогрешии-

мости папы — это не верховный жрец неоязыческого, по сути, культа? А непростые отношения западного христианства и иудаизма, уже провозглашённого римским первосвященником «старшим братом»? И не является ли «старший брат» Большим Братом?

В настоящее время «библейский проект» почти на финише, равно как и феномен идеологии; мировые верхушки срочно ищут замену. И уже сегодня кое о чём можно догадаться. С одной стороны, «хозяева мировой игры» лихо крушат образование и науку, уводя первое и вторую в закрытые структуры, стремясь превратить население в вечных подростков, которым культуру заменяют комфорт и чувство глубокого физического удовлетворения. Приведу только два примера — американское кино и телевидение. В своё время журналист Д. Робинсон в газете «Таймс» написал следующее: «1985 год войдёт в историю как самый мрачный период в американском кино. Именно в этом году Голливуд после почти семидесятилетнего господства в кинопромышленности отбросил всякие претензии на то, чтобы служить здоровому интеллекту взрослого человека». А вот что поведала ведущая довольно примитивной передачи о здоровье «Жить здорово» Е. Малышева. В передаче «На ночь глядя» (от 11.02.2016 г.), взяв интервью о своём журналистском обучении вместе с другими восточноевропейцами в США в середине 1990-х годов, она сказала, на кого их учили ориентироваться в своих телепередачах: «Вы должны делать телевидение по простоте изложения для одиннадцатилетних недоразвитых подростков». Судя по передаче, она это и делает. Какой контраст с передачами о здоровье советского времени, которые вела, например, умная, интеллигентная, далёкая от самодовольства и воспитанная Э.Белянчикова!

Превращение взрослых людей в недоразвитых подростков, живущих не интеллектом, а гормонально-инстинктивными программами, попросту говоря, дебилизация (этому служат и всевозможные ток-шоу) преследует простую цель: воспитать абсолютно несамостоятельную личность, которую будет легко подключить к глобальной коммуникационной сети в качестве полностью управляемой «клетки». Творческого, минимально интеллектуального человека в «клетку» электронного мозга, контролируемого неожрецами и техно-магами, не превратишь.

С другой стороны, всё больше средств вкладывается в исследования NBICS — нано-био-инфо-когно-социо. Речь, по видимому, идёт об установлении дистанционного контроля живущей на плавающих городах или в недоступных сухопут-

ных анклавах элиты над психосферой массы населения. Что-то подсказывает мне: сегодня в виде и под маской дистанционного образования, максимально примитивизирующего само образование, исключаяющего из него личностное начало (учитель) и дебилизирующего объект обучения, на самом деле отрабатываются методы и формы дистанционного психосоциоконтроля «верхов» над «низами». Думаю, однако, эта схема провалится, прежде всего — в России.

— Почему в соцлагере повсеместным явлением было недовольство жизнью и правительством?

— Причин несколько. Во-первых, люди не ценили то, что имели. Они видели фотографии или кадры из западных кинофильмов — полные прилавки, 100 сортов колбасы и сыра, модная одежда; они сравнивали зарплаты. При этом они «забывали», сколько на Западе уходит на уплату налогов (до 50%), «забывали» про платную медицину и образование, кредитное рабство, короткий отпуск. А у себя «забывали» добавить к зарплате те расходы, которые несёт система по обеспечению бесплатной медицины, образования и многого другого. Когда после разрушения они это почувствовали, было поздно. Как говорится в Коране: «Пусть наслаждаются, потом они узнают!» Сегодня ясно: для России и Восточной Европы десятилетия социализма были лучшим и в плане благосостояния, и в плане исторической субъектности временем.

Во-вторых, социализм — значительно более уязвимое для критики общество. Он постулирует социальную справедливость и равенство, а они-то как раз и нарушались в ходе развития социализма и превращения номенклатуры в квазикласс, удовлетворяющий свои материальные потребности в значительной степени на Западе. Это было явным противоречием реальности и прокламируемым идеалам. А вот капитализм (и постсоветская реальность в той же РФ, Чехии, Болгарии и т.д.), тем более, когда после разрушения социализма некого бояться и некого стесняться, как бы заявляет: да, у нас эксплуататорское общество, рынок, конкуренция, выживает сильнейший — это и есть свобода. Многие претензии, которые можно предъявить социализму, не могут быть предъявлены капитализму. Что можно сказать тому, кто постулирует: «Да, вот такое я дерьмо! Это норма!» И что тут скажешь? Иными словами, значительная часть недовольства в соцстранах — это недовольство нарушением принципов социализма и глупая уверенность, что это можно исправить инъекцией капитализма. Исправили? Стало лучше? Перефразируя Гоголя: «Ну что, сынку, помогли тебе твои пиндосы? Стала твоя родина вторым Пиндостаном?».

В-третьих, почти всех жителей католического и протестантского Запада в той или иной степени раздражал СССР, раздражали русские — сильные всегда раздражают. По разным причинам: поляков — потому что мы их били и потому что, как бы они ни кичились, великой культуры не создали, а как были, так и остались (и остаются) задворками Запада, а Россия и великую культуру создала, и империю. Потому что они в большинстве своем легли под Гитлера, а русские не только не легли, но и хребет сломали третьему рейху. У нас есть Победа — у кого в Европе ещё она есть? Русские — единственный славянский народ имперского типа, создавший успешную империю (сербы тоже имперский народ, но исторически по объективным причинам им трудно было добиться успеха). Это противопоставляет русских почти всем славянам, а также всем неимперским народам, оказавшимся в русской орбите, но так и не выработавшим исторической благодарности за то, что русские всегда защищали их от Запада, прежде всего от немцев, от волчьей тевтонской стаи. Поэтому прав был К. Леонтьев в своём скепсисе по отношению к «славянскому братству». «Имперское братство» прочнее. Надо помнить об этом, когда к середине XXI в. под натиском миллионов арабов и негров Европа начнёт трещать и ее народ ломанётся в Россию за защитой. Нам тогда надо будет «вспомнить всё» — без злорадства, но и без эмоций, только с трезвым расчётом. Хватит спасать неблагодарных, которые на второй день после очередного спасения плюют нам в спину и начинают косить «под Запад». Когда я слышу, как те же поляки говорят «мы — Запад», мне хочется сказать им: «Расскажите это немцам!»

— Было ли это следствием плохой экономики?

— Экономика — элемент системы; система (внеэкономическое распределение факторов производства, классовый интерес) определяет элемент, а не наоборот. К тому же экономика СССР и соцлагеря в целом не была плохой или слабой. Взглянем на цифры. До 1985 г., т.е. до перестройки, СССР занимал второе место в мире и первое в Европе по производству промышленной продукции. В 1975 г. удельный вес СССР в мировой промышленной продукции составлял 20% (для сравнения: в 1999 г. США — 20,4%, Евросоюз — 19,8%). Советский ВВП был 10% от мирового. В том же 1975 г. национальный доход СССР составлял 60—65% национального дохода США. Израильская разведка давала ещё большие цифры: согласно подсчётам израильских аналитиков, уровень жизни в СССР, включая платные и бесплатные услуги, а также так называемые неоцениваемые гуманитарные факторы

(уровень преступности, социальной защищённости), составлял 70—75% от американского и имел тенденцию к сближению с ним. С 1970-го по 1975 г. доля отраслей, в наибольшей степени определяющих эффективность народного хозяйства (машиностроение, электроэнергетика, химическая и нефтехимическая промышленность), выросла с 31% до 36%. Затем началась пробуксовка, но достигнутый к 1975 г. уровень был высоким. При этом за указанный период выпуск продукции машиностроения увеличился в 1,8 раза, в том числе вычислительной техники — в 4 раза (на рубеже 1960—1970-х годов были свёрнуты важнейшие направления в этой сфере, но не все. Впрочем, отставание от США по ЭВМ нарастало стремительно), приборов, средств автоматизации и запчастей к ним — в 1,9 раза. В 1975 г. при населении 9,4% от мирового СЭВ давал более 30% мировой промышленной продукции и более 25% мирового дохода. СССР производил 60% промышленной продукции СЭВ. С 1951 по 1975 г. доля социалистических стран в мировой промышленной продукции увеличилась в 1,5 раза (с 20% до 30%), тогда как доля капиталистических стран снизилась с 80% до 50% (а США — с 50% до 22—25%).

К этому следует добавить успехи советского сельского хозяйства 1985—1990 гг. и особенно 1991 г.: рост составил 9,8% по сравнению с 5,8% в предыдущей пятилетке. СССР обеспечил самые низкие цены на продовольствие в Европе. Потребление продовольствия на душу населения в 1990—1991 гг. достигло максимума в нашей истории XX в.: хлеб — 119 кг, мясо — 75 кг, рыба — 20 кг, молоко и молочные продукты — 386 л., яйца — 97 штук. 1990-й и 1991 годы отмечены исключительно большим урожаем и ростом поголовья скота. А полки в магазинах при этом были пустыми — дефицит создавался сознательно, чтобы окончательно озлобить население городов против социализма, спровоцировать беспорядки. У колхозов сознательно не закупалась их продукция, вместо этого сельхозпродукция закупалась у канадских фермеров — в 5—6 раз дороже. Таким образом рушили и колхозы. Всё это делалось ещё и для того, чтобы запугать население угрозой голода, чтобы обосновать повышение цен. Последнее, представлявшее не что иное, как экспроприацию денег у населения, должно было лишить народ финансовых возможностей участвовать в приватизации, которую планировали для своих. Запугивание населения правительством и официальными СМИ осенью 1991 г. было, таким образом, важнейшей подготовительной акцией приватизации.

На самом деле никакой угрозы голода не было, это была ложь, с ходу разоблачённая специалистами, позже их правоту подтвердил ЦСУ. Е. Гайдар настаивал на том, что полугодовая потребность страны в хлебе якобы составляет 25 млн. тонн, а на конец 1991 г. в стране якобы имеется лишь 10 млн. тонн при месячном потреблении 5 млн. тонн. Отсюда вывод: через два месяца — голод и угроза гражданской войны. Именно на этом держится лживый либеральный миф о «Гайдаре — спасителе страны». Действительность была совершенно иной. Гайдар сознательно считал хлеб с кормовым зерном, т.е. месячное потребление — 2 млн. тонн. К этому надо добавить имевшиеся 2 млн. тонн из Госрезерва и 3,5 млн. тонн зерна по импорту, которое должно было поступить в декабре 1991 — январе 1992 г., т.е. до нового урожая в конце июля — начале августа 1992 г. этого более чем хватало. Но главная ложь Гайдара была даже не в 5 млн. тонн ежемесячного потребления хлеба страной, а в том, что 26 млн. тонн — это годовое, а не полугодовое потребление, что и подтвердил статистический отчёт 1992 г. Однако осенью 1991 г. ельцинской команде удалось протолкнуть свою ложь во все СМИ.

— Возможна ли система, похожая на социалистическую, но с хорошей экономикой?

— Я уже сказал, что социалистическая экономика не была слабой; более того, она была успешной, особенно в сравнении с капиталистической, как это парадоксально ни прозвучит. У нас, к сожалению, плохо представляют себе реалии экономики США в 1970—1980-е годы. Сейчас у нас не социализм — и что, у нас хорошая экономика? В большей части капиталистического мира — плохая экономика и тяжёлая жизнь. Это признавали даже такие апологеты западнизма-капитализма, как Г. Явлинский и Е. Гайдар. Они фиксировали «жалкое состояние» и «застойную бедность» большинства капиталистических стран. Правда, рецепт успеха у них был странный: отказ от части суверенитета на пути евроатлантической интеграции, иначе — периферийность и бедность. Трудно сказать, чего здесь больше — заведомой лжи или непроходимой тупости. Ведь именно уступка суверенитета Западу, которая ведёт к диктату ГНК, и является причиной бедности и периферийности большей части капиталистических стран. Мир капитала — это мир бедности, причём растущей: в 2009 г. 1% населения владел 44% мирового богатства; в 2014 г. — 48%; в 2016 г. — 50%. В 2015 г. за чертой бедности (жизнь на менее чем 1,25 долл. в день) в мире жило 830 млн. чел. (14% населения); ещё около 40% живут на 2 долл. в день. «Хорошая экономика» — в той части капмира, который гра-

бит слабых (колонии, полуколонии) и штампует долларовые бумажки. Да, лишний раз подивисься, людей с каким уровнем интеллекта выбросила наверх перестройка и постперестройка. Впрочем, возможно, именно таких и подбирали для реализации полуколониальной схемы.

— Дефицит и очереди — это неперенный спутник социализма?

— К сожалению, дефицитарность экономики — характерная черта социализма в том виде, в котором он реально существовал в истории. У неё несколько экономических и политических причин. Это, во-первых, необходимость ускоренного развития военно-промышленного комплекса и поддержания военно-стратегического паритета с Западом при меньшем ВВП, чем у коллективного Запада. При этом надо помнить, что в соцлагере основная военная нагрузка ложилась на СССР, тогда как в НАТО военные расходы распределялись несколько более равномерно. Например, в 1975 г. военные расходы Варшавского договора — 110,3 млрд. долл., из них СССР — 99,8 млрд.; НАТО — 184,9 млрд., из них США — 101,2 млрд. В 1980 г. соответственно — 119,5 млрд. и 107,3 млрд. и 193,9 млрд. и 111,2 млрд. Естественно, такие страны, как промышленно развитые ГДР и Чехословакия, сталкивались со значительно меньшим дефицитом. Что касается Польши, Румынии, Венгрии и Болгарии, то это были исходно очень бедные страны. Сейчас во всех названных странах дефицита нет, а люди живут намного хуже.

В СССР в 1990 г., т.е. накануне краха системы, когда нас убеждали, как всё плохо, и страшали грядущим голодом, потребление мяса и мясопродуктов составило 78 кг на душу населения (импорт — 13%), а спустя 15 лет в РФ — 57 кг (импорт — 35%). Так что не всё нужно мерить дефицитом как изолированным показателем. Во-вторых, конечно же, у дефицита были экономические причины, связанные со спецификой социализма как системы — неповоротливая административная система, отсутствие совершенствования социалистических методов планирования. Так, в СССР плановая экономика де-факто прекратила своё существование в 1972—1973 гг. и на смену ей пришла согласительная экономика, которую пытались «лечить» капиталистическими методами. Долечились. В-третьих, дефицит, плохо совместимый с экономической жизнью системы, был создан в СССР искусственно в 1989—1990 гг. посредством реализации закона о госпредприятии (принят 30 июня 1987 г., для всех предприятий вступил в силу с 1 января 1989 г.). Согласно этому убийственному для экономики СССР закону, большое число

предприятий получило право непосредственного выхода на мировой рынок, т.е. была де-факто ликвидирована монополия внешней торговли. Товары этих предприятий реализовывались на мировом рынке за доллары; затем внутри страны доллары обменивались на рубли и возникла огромная рублёвая масса, не обеспеченная товаром. В СССР со времён кредитной реформы 1930—1932 гг. жёстко поддерживалось равновесие между товарной массой и денежной массой, между налом и безналом. Действие закона о госпредприятии уже в 1989 г. сломало эту систему, и население бросилось сметать с полок всё, что было в магазинах. В 1990—1991 гг. иные ретивые «демократы» открыто призывали создавать дефицит для озлобления масс против системы, против социализма, в качестве спасения от которого подсовывалась «рыночная экономика», т.е. капитализм.

— Геоклиматические катастрофы: это случайность или реакция разумной планеты (а то и Космоса) на разрушение ее человеком?

— Геоклиматические катастрофы происходили и до появления человека. Но даже сегодня масштаб деятельности человека пока ещё на глобальную геоклиматическую катастрофу не потянет. Хотя, конечно, природу охранять надо, в том числе от человека. Что касается термина «разумный», то вряд ли он применим к планете. Я бы предложил: организованная целостность, ориентированная на поддержание равновесия, т.е. самосохранения, и устраняющая любые элементы, угрожающие целому. Внешне это выглядит как разумное поведение, но это нечто другое — не хуже и не лучше — другое.

— Считаете ли вы возможным мнение, что наша планета сама стирает тупиковые ветви развития, будь то динозавры или бесперспективные цивилизации («Молот Люцифера»)?

— Вполне возможно. Планета — целостная система.

— Согласны ли вы с тем, что современное общество похоже на больной раком организм, лишенный вдобавок чувства боли?

— Согласен, но чувство боли есть, оно проявляется уродливо — в кривлянии, например. Эта боль корёжит даже уродов и социопатов. А что касается вашей метафоры, то мне порой кажется, что есть огромная опухоль, с краю которой примостилось то, что осталось от здорового общества.

— Мы видим, что верхи не испытывают дискомфорта при попадании низов в тяжелое положение.

— Верхи, как правило, вообще бесчувственны по отношению к низам, особенно те верхи, которые вчера вылезли из грязи, которые по своей сути — антиаристократичны, рвань.

Достаточно вспомнить недавнюю историю, когда очередная группа «аристократов из помойки» требовала оградить их «патриотики» и от «шариковых» из спальных районов Москвы. Люди не понимают, что своим социальным расизмом сами разжигают классовую ненависть, которая потом ударит по ним или по их детям.

— Но низы не имеют свободы манёвра для выхода из тяжелого положения.

— Социальный триумф низов — редчайшая вещь в истории. СССР был в течение нескольких десятилетий триумфом простонародья, однако с середины 1950-х годов народный социализм сталинской эпохи начал превращаться в «номенклатурный социализм» столоначальников, которым уже с конца 1960-х годов очень захотелось интегрироваться в мировую капиталистическую систему. То, что они были хозяевами мировой социалистической системы, их не вдохновляло.

Причём мировая капсистема ассоциировалась у многих из этих людей, равно как и у их постперестроечных наследников, со сладкой и красивой жизнью, нередко — в её наиболее вульгарном варианте. Это очень напоминает мне мечты бандита Джона Колорадо из фильма «Золото Маккены», бережно хранящего пожухлую газету «Парижская жизнь», в которой изображены канканирующие девицы, богатые кабаки и их завсегдагаи. «Парижская жизнь» — доминанта его поведения.

Те, кто разменял мировую соцсистему, альтернативную капитализму, обижаются, что им не зарезервировали место в центре капсистемы. Болезные, раньше вы были хозяевами Большой Системы. Согласившись же на «запись в буржуинство», т.е. на включение в другую Большую Систему в качестве её элемента, вы согласились на положение хозяйчиков малой системки, полностью зависимой от другой Большой. Целое определяет элемент, а не наоборот. Хозяйчик не может сидеть рядом с хозяином, для которого он лишь приказчик. Это с хозяином Большой Системы СССР хозяева Запада были на равных, а теперь — извините. Даже со впадающим в маразм Брежневым ни один западный лидер не позволил бы себе разговаривать так, как с поздним Горбачёвым или Ельциным.

— Современный капитализм — это мельница по перемалыванию ресурсов и спускаания их в помойку. Многие из этих ресурсов невозполнимы.

— Нынешний капитализм и есть помойка. Один из его символов — это инсталляция с фекалиями, драными джинсами и ажурным женским бельём.

— Возможна ли плановая бескризисная экономика, ориентированная на удовлетворение человеческих потребностей?

— Едва ли. Неравновесность и нелинейность — имманентные качества живой природы. «Вечный покой сердцу вряд ли обрадует, вечный покой для седых пирамид». А если говорить о наступившем столетии, то это вообще будет глобальный «бунташный век», нестабильность и кризисы — его норма.

— Возможна ли ресурсоориентированная экономика, где финансы займут положенное им подчиненное место?

— Конечно возможна. Взбесившиеся финансы — это признак смертельной болезни капитализма, его «поцелуй смерти». Ни в одной социальной системе, кроме капитализма, причём только на его поздней, летальной фазе, мы не видели настолько всеохватывающей власти — даже не денег, а чего-то странного, ведь деньги, по сути, отмерли. Если ты можешь напечатать сколько угодно ничем не подкреплённых бумажек, то это значит, что ни одной из пяти базовых функций денег у этих бумажек нет. Это нечто вроде очага, нарисованного на холсте.

— Что помешало Леонтьеву создать теорию такой экономики?

— Не знаю. Может, время не пришло; может, интересы были в другом; может, США — не лучшее место для разработки такой теории.

— Любая наука ценна базирующимся на ней предсказаниями. Какие предсказания может предложить историческая наука сегодня?

— Историческая наука ничего предложить не может. Предлагают люди, т.е. историки, а они, как правило, занимаются прошлым, причём чаще всего описывают его мелкие кусочки. Научную историю — историологию — ещё только предстоит создать.

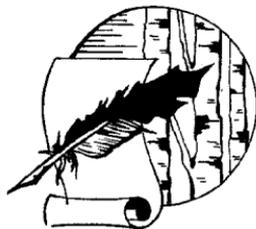
Прогноз на ближайшее будущее прост: капитализм умрёт, он едва ли доживёт до середины XXI века и уж точно не доживёт до начала XXII века. Умирать он будет некрасиво и кроваво. Значительная часть планеты варваризируется. Белых людей на ней станет заметно меньше, и им предстоит сражаться насмерть, чтобы остаться в истории, но — сами виноваты, что допустили такую ситуацию. Уже сейчас детей, прежде всего мальчиков (из них вырастут мужчины), нужно воспитывать для жизни в условиях военного времени: «хочешь мира — готовься к войне». И воспитывать нужно не на примере педерастов и проституток, а на героических примерах.

Уровень культуры общества в целом будет падать. Семейные библиотеки станут роскошью, но волевой интеллект и знания в футуроархаическом мире будут цениться весьма высоко. Совет родителям: всерьёз занимайтесь образованием детей, не позволяйте ЕГЭзированной школе превращать их в космополитичных дебилов.

Если не произойдёт катастрофы, то на рубеже XXI—XXII вв. ситуация стабилизируется и возникнет новая социальная система, весьма далёкая от той, что описали великий Иван Ефремов в «Туманности Андромеды» и ранние Стругацкие в книге «Возвращение. Полдень, XXII век». Какая конкретно система — это зависит от того, кто и как в XXI в. победит в борьбе за будущее. Вывод: растить надо победителей. Впрочем, всё может изменить геоклиматическая катастрофа или, например, огромный астероид. Не исключено, что (условно) внукам наших внуков придётся пережить катастрофу такого рода. Это не значит, что нужно быть пессимистами. Наоборот. Как учил Антонио Грамши, «пессимизм разума, но оптимизм воли». Или как говорил герой рассказа Д. Олдриджа «Последний дюйм»: «Человек может всё, если только не надорвёт пупок». Чтобы смочь, надо иметь силу; чтобы не надорвать пупок — ум. Вкупе с пониманием тенденций мирового развития — это мощнейшая триада, необходимая для Победы.

Беседовал Олег Морозов

<http://worldcrisis.ru/crisis/2558871>

Эмма МЕНЬШИКОВА

О, КАК ЛЮБЛЮ Я ЭТУ ЗЕМЛЮ!..

ЛЕТО

Какое буйство красок, света!
Вокруг — безудержная песнь,
Как будто хор всех сущих это
Хвалу возносит до небес
За то, что ночь едва коснётся
Земного края, как опять
Взмывает красной птицей солнце,
Чтоб утро крыльями объять,
За то, что жизнь так неподсудна
И так — до боли — хороша,
За то, что всё в ней — безрассудно
И всё — душа, душа, душа...

* * *

Ночь, улица, фонарь, аптека...

А. Блок

И снова ночь, опять фонарь, аптека,
Всё так, пока пребудут времена,
Всё повторяется... Но век от века
Небесным светом жизнь озарена.

И над земной и тусклой суетою
Мерцает мириадами лампад
Весь горный мир, где воинство святое
Со Ангелы пред Богом предстоят...

* * *

Оглянешься назад — всё вёрсты, вёрсты.
А впереди — густых туманов взвесь.
И далеко ль незримый перекрёсток
Земного и небесного — Бог весть.

Всё разрешится волею Господней —
Гадать напрасно о своей судьбе.
Не сетуй, не ропщи — коль жив сегодня.
Так что ещё вознадобно тебе?..

Сквозь пелену дождей иди без страха,
Творя молитв извечные слова.
И не останется ни памяти, ни праха
Здесь, где за всё болела голова...

* * *

Под снегом утлые хатёнки,
Уже отжившие свой век.
Оконцев мутные глазёнки
Ещё взирают из-под век —

Отяжелевших снулых балок,
Осевших ставенок и крыш.
В избышках наших родин малых
Ещё ты, Русь, себя хранишь.

Кой-где дымок ещё совьётся
Из покосившейся трубы.
Ещё и тень мелькнёт в оконце...
А по весне и снег сорвётся,
И заколотят дверь избы.

* * *

Промозглый день в дырявой шапке неба
Дрожит, как путник на семи ветрах.
И зыбко всё, кружатся быль и небыль...
И день, одетый словно впопыхах
В унылые и жалкие лохмотья,
Подбитые туманом и дождём,
Уходит прочь, куда и мы уйдём...
Да что там день — и жизнь на поворотье,
И ни догнать, ни крикнуть ей притом.

* * *

А я теперь не устаю молиться.
Чуть что — и «Слава Богу!» говорю.
И в строгий пост, и в светлую седмицу,
Всяк день и час молитовку творю.

Читаю вслух и «Отче наш!», и «Верую»,
Пою в тиши свой покаянный стих...
И, в жизни согрешавшая безмерно,
Прошу заступничества у святых...

Молюсь за дочь свою Анастасию
Живоначальной Троице святой,
Для всех родных, для матери-России
Испрашиваю милость и покой...

Творю молитвы до восхода солнца,
И ночь-послушница, едва дыша,
Стоит у растворённого оконца —
И плачет в умилении душа,

На всё, на всё слезами отзываясь,
Вбирая счастье, боль и радость впрок...
С молитвою ложусь и просыпаюсь,
И с нею — на порог и за порог.

Благодарю за жизнь свою и долю.
Ужели старость? — Или благодать?
Ах, взять бы посох — и, согнувшись долу,
Идти, идти, молиться и страдать.

ЖИЗНЬ ДУШИ

Жизнь души начинается ночью,
Когда всё предстоит как воочью,
И луна не с полотен Куинджи,
А с небес зеленеет в тиши.

Когда спят мои люди родные,
Отпускают тревоги земные —
Вот тогда подступает всё ближе
Заповедная зона души...

* * *

Последняя любовь — какая это мука.
Ни прошлого у ней, ни будущего нет.
Рифмуется она единственно с разлукой,
Но как пленителен её нездешний свет...

Последняя любовь — нет чувства безнадёжной,
Как осень, как закат: всё вспышка, всё расцвет.
И больше ничего, что было бы дороже,
Когда ни прошлого, ни будущего нет...

БАБУШКА МОТЯ

Сто лет старушке отмечают.
Сидит она — едва жива.
От президента ей вручают
В конверте добрые слова.

Цветы, подарки — честь по чести.
В дому гостей невпроворот.
Родня, собравшаяся вместе,
Уже устала от хлопот.

Начальники «по протоколу»
Сказали речи за столом —
И важно так, под пепси-колу,
Заговорили о быллом...

Мол, да, теперь не то, что прежде...
А что и прежде? Так себе.
Бабуля приоткрыла вежды:
Об чём беседа? О судьбе?

Всё вспомнит: отчий дом и сенцы,
И печь с лежанкой и плитой...
Как в поле гнулись с малолетства,
Как ели пижму с лебедой...

Зато и насиделась в девках —
Приданого-то ни гроша,
Хотя — и в поле, и на спевках,
Да и собою хороша...

А появился наречённый —
Моложе лет на пять: беда!
Но крепок духом, и с Матрёной
Венчался в страшные года,

Когда от церкви в отдаленье
Ходили все — и стар, и млад.
По Божьему соизволенью,
По вере русской был обряд.

И тихо бабушка Матрёна
Перечисляет имена,
И вспоминает время оно,
Когда «случилась» война...

Муж обернулся на пороге...
«Ах, как же он жалел меня!»
Обнял детей, сказал нестрого:
«Мать берегите, ребятня!»

Старушка посидела молча.
«Венца ведь не сломала я...
Всё думала и днём, и ночью:
Придёт домой, а где семья?»

Скажу, ждала — не дождалась?
Вертайся, милый, на вокзал?
И всё казалось мне, что спасся:
Ведь он же «без вести пропал».

Глаза закрыв, она вздохнула.
«Не тут мы встренемся, так там:
Венчались же», — и вверх взглянула,
Взор обращая к небесам...

И речь пошла о доле вдовьей:
Тянули жизнь как борозду,
И ждали суженых с любовью...
«А я его поныне жду...»

Да как же так, помилуй Боже!
Взывали мы: ведь вам сто лет!
«Вы что, забыли?! Он моложе!» —
Сказала бабушка в ответ.

* * *

Круглолицая, с чёлкой...
Смех в глазах не тая,
Смотрит с фото девчонка —
Это мама моя.

Скоро, скоро, однако,
В дом нагрянет беда —
Сиротою, подранком
Мать входила в года.

И уже не до смеха
Станет ей с этих пор.
С каждой новой вехой
Всё грустнел её взор.

Блочный дом у вокзала,
Скудный быт и обед.
Смотрит мама устало
С фотографий тех лет,

Но в глазах столько света...
И красива — до слёз.
Вот она в креп-жоржете
И в короне из кос —

Это свадебный снимок.
Новой жизни отсчёт.
Незадолго зазимок
Ей на косы падёт.

Дети, дом и работа —
Треугольник простой.
У станка — до ломоты,
Суета день-деньской.

Жизнь кружила метелью,
Наметала снегов.
Дети, внуки выросли,
Таял звук их шагов.

Но в окне каждый вечер
Свет мерцал, как маяк:
Это теплила свечи
В доме мама моя.

Было время, твердила:
«Моё сердце — вещун».
А потом всё забыла,
Затушила свечу.

Было счастья не много
Ей в стране бытия.
И стоит у порога
Нынче мама моя.

Смотрит птицей пугливой,
Вся седая как лунь,
Что-то тщится пыгливо
Разглядеть через мглу.

А потом улыбнётся,
Не узнает меня.
А в душе моей бьётся:
Это мама моя...

* * *

Поля заснеженные дремлют,
Лелея сон хлебов своих...
О, как люблю я эту землю,
И этот снег, и этот миг,

Когда лишь небо надо мною,
Когда лишь свет и свет кругом!
И это таинство земное —
Как сон о чём-то неземном...

г. Липецк

ГОЛОСА БЫЛОГО

Фрагменты книги

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Максима Ефимовича Ковалёва — отца автора этих воспоминаний — не призвали в действующую армию по состоянию здоровья. Но с самого начала Великой Отечественной войны назначили в Могилёвский районный военкомат на мобилизационную работу.

Когда летом 1941 года начались бомбёжки Белоруссии, военкомат из крупного населенного пункта переехал в деревню Махово. Работать приходилось в полевых условиях — в сенокосе возле кладбища, на окраине большого леса. Но прорвавшаяся немецкая мотопехота стремительной лавиной «накрыла» практически всю территорию местного сельсовета. Сотрудники военкомата едва успели сжечь документы и, кто как мог, скрыться. Скрываться от глаз фашистов помогли обычная гражданская одежда и лес, где можно было спрятаться до темноты.

Максим Ефимович забежал домой (квартира была при школе), когда по улицам с треском проносились немецкие мотоциклисты. Он хотел взять самые необходимые вещи. Но не успел...

ДОРОГИ И СУДЬБЫ

В дом ввалились два немецких солдата. Он спрятался за печь-«голландку», стоявшую в углу комнаты. Бегло с порога осмотрев комнату, немцы увидели только уборщицу, шустро смекнувшую предложить непрошеным гостям молока и яиц. Её предложение совпало с их желанием поесть. Приняв угощения, они медленно удалились.

Позже у немецких солдат стало традицией требовать у хозяев белорусских хат угощение. Врываясь в очередной дом, они громко кричали:

— Матка, млеко! Матка, яйка!

Эти и некоторые другие обиходные слова немцы брали из специально изданного для солдат «Разговорника».

Максиму Ковалёву несказанно повезло, что в доме оказалась уборщица, отвлекшая солдат от осмотра жилища. Если бы его увидели, то расстреляли бы тотчас. Особой причины для расстрела не требовалось. Уже одно то, что человек спрятался, служило поводом для его убийства. Именно так погиб военный комиссар райвоенкомата. От Маховского кладбища, где располагался военкомат, он спешно выехал в Могилёв на своей легковой «эмке». Но в нескольких километрах от Махова его схватили фашисты и тут же без всяких разбирательств расстреляли вместе с водителем. Это произошло на глазах жителей деревни Костинка.

Через некоторое время, когда немецкая мотопехота схлынула на восток, Максим Ковалёв по колхозному полю уполз в лес и там переждал несколько дней. Затем осторожно вернулся домой, погрузил на школьную подводу кое-какие вещи и просёлочными дорогами повёз семью в Заболотье, находившееся в пятидесяти километрах от Махова. Сделать это было необходимо, чтобы сохранить жизнь себе, жене и детям.

Людмила ТУРОВСКАЯ

...На следующий день под вечер мы уже были в десяти километрах от Заболотья — у деревни Берёзовка. Здесь нас перехватили немцы.

Мне тогда не было и двух с половиной лет, но я хорошо запомнил один момент. Возможно, потому, что мне было страшно. Холодно и очень страшно. Стараясь спрятать от глаз фашистов, мама укутала меня в большой клетчатый платок. Замотанный в него, я постепенно успокоился и согрелся.

Помню две фигуры в железных немецких касках у лошадиной головы... Снятую с одного конца оглобли дугу на фоне

ещё светлого неба... Коня у нас немцы отобрали, но вещи почему-то не тронули. И мы так и остались ночевать у дороги. Спасло семью то, что летняя ночь была сравнительно тёплой. На следующий день отец добыл в Берёзовке коня, чтобы отвезти нас до места.

Мы, маленькие дети, конечно, не могли понять всю трагедию войны. Но в нас жило ощущение очень большой беды, неведомой опасности и огромного всеобщего горя. Это ощущение мы испытывали повседневно до тех пор, пока Белоруссию не освободили советские войска.

В тревожных разговорах взрослых часто слышалось: «Немец пришёл в деревню», «Немец занял Тереховку», «Прятались от немца». Это проклятое слово «немец» я поначалу понимал буквально, представляя себе огромного, зловещего, очень плохого человека.

Этому способствовал момент, когда гулким летним вечером мы услышали пугающее завывание немецких самолётов и звуки бомбовых разрывов. Тётя Гаша сказала, махнув рукой в сторону дальнего леса:

— Немец Лопатичи бомбит...

А в той стороне почти неподвижно уже стоял высокий столб чёрного дыма, расширяясь кверху, как крона дерева. И этот столб казался мне большим страшным Немцем.

* * *

Однажды в нашу деревню стремительно ворвалась группа фашистов на мотоциклах и автомашинах. Они быстро обшарили хаты. Два солдата заглянули к нам. Выкрикивая непонятные слова, вытолкали всех на улицу. Потом отделили от толпы мужчин и стариков (в их число попали наш отец и дядя Степан) и под крики, причитания и плач женщин повели их по полю к перелеску в сторону деревни Телеши. Старые и молодые женщины с детьми, плача и причитая, бежали следом.

Среди них была и моя мама. Меня она держала на руках, а старшего брата вела за руку. Рядом бежала сестра отца тётя Гаша. Километрах в двух или трёх от деревни, на широком лугу, всю нестройную мужскую колонну остановили и заставили сесть на землю.

Затем в небе появился немецкий самолёт-разведчик, так называемая «рама». Он сделал над полем несколько кругов. По-видимому, лётчик заметил скопление людей и пытался выяснить, кто это — свои или чужие. Четыре солдата раскинули большое красное полотнище с белым кругом и чёрной свастикой в центре. Это был сигнал — «свои». Сразу после этого «рама» улетела.

Потом к колонне подкатила чёрная легковая автомашина. Из неё вышли люди в немецкой форме. На них были фуражки с высокими тульями.

Очевидно, у немцев изменилась обстановка, и необходимость в гонимых куда-то белорусских мужчинах на тот момент отпала. По непонятным причинам конвой отпустил арестованных.

Спустя минут десять освобождённые уже бежали в нашу сторону. Сразу после этого тревожного и странного события отец куда-то исчез.

* * *

Когда фронт ушёл далеко на восток и захватчики увязли в мясорубке смоленского сражения, где в тяжелейших боях отступавшей Красной Армией перемалывались их прекрасно вооружённые и обученные соединения, в уже занятых немцами районах Белоруссии установилось относительное затишье.

Однажды во время игры я побежал за мячом и услышал резкие хлопки, доносившиеся из-за низко осажённой двери. Заглянув в погреб, увидел двух мужчин, в одном из которых узнал нашего учителя Шендерова, часто бывавшего у нас дома. Они что-то подпиливали, подтачивали в стоявших рядом винтовках. Брали некоторые из них, клацали затворами и стреляли в стенку. Я почувствовал резкий запах пороховой гари, и это заворожило меня. Привлекли моё внимание и патроны, которые казались мне очень красивыми. На мой вопрос, почему так пахнут патроны после выстрела, дяди дали весёлые, но несколько пугающие ответы.

Впоследствии от отца я узнал, что эта их работа была исключительно важной. Ведь все партизанские отряды в первые месяцы войны воевали только тем оружием, которое смогли найти, отремонтировать, а также захватить у немцев. Многие боевые операции партизаны проводили в гарнизонах и тех населённых пунктах, где находились оружейные склады. Там они пополняли своё оружие.

В первые месяцы войны в окружение попали значительные группы советских войск — от небольших разрозненных отрядов до целых подразделений и даже соединений. Красноармейцы, передвигавшиеся в одиночку или неорганизованными группами, не сумев (или не пожелав) перейти к своим через линию фронта, оставались в тылу. Наиболее сознательные и активные из них создавали собственные партизанские отряды или вливались в уже действующие соединения, которые были созданы заблаговременно партийными и советскими органами. Иные же «окапывались» в семьях, где

не было мужчин, и под видом хозяев дома пережидали военное лихолетье. Это считалось одной из форм дезертирства, за которое потом пришлось отвечать перед государственными службами безопасности. Особенно в тех случаях, когда такие окруженцы шли на сотрудничество с оккупантами.

Немецкие комендатуры выявленных окруженцев отправляли в концлагеря. Других делали полициями или службистами немецких управ. Для этой цели периодически устраивались облавы. Пользовались немцы и услугами предателей из числа местных жителей, бывших скрытых врагов Советской власти, строчивших на односельчан доносы.

Однажды в близлежащих деревнях были выявлены и арестованы одиннадцать скрывавшихся красноармейцев. Их собрали на окраине деревни Телеси. Немецкий офицер, увидав среди них буряты, ткнул в него пальцем и гневно закричал:

— Erschissen!

Молодого советского бойца расстреляли тотчас на глазах у всех остальных красноармейцев.

У немцев была установка — в первую очередь убивать восточных «недочеловеков», хотя те воевали умело, храбро и не хуже русских. Вспомним знаменитую Панфиловскую дивизию, сформированную в Казахстане. Её командир, генерал Иван Васильевич Панфилов, погиб в Подмоскovie при артобстреле. Взвод этой дивизии, состоявший в основном из казахов, под командованием политрука Клочкова на подступах к Москве остановил целую танковую армаду. Советские бойцы подбили более тридцати танков. И погибли почти все.

Мой отец вскоре стал связным партизанского отряда Бажикова, который позже взаимодействовал с партизанским соединением легендарного командира Сергея Владимировича Гришина.

* * *

Массовые зверства фашистов на оккупированной территории Советского Союза были для них нормой. Нелюди из «цивилизованной» Европы не щадили ни женщин, ни стариков, ни детей. Особенно когда захватчикам стало известно о многочисленных фактах участия в вооружённом сопротивлении местных детей и подростков. Когда на своей шкуре они ощутили — кто такие народные мстители.

В одной из белорусских деревень пятнадцатилетний подросток обнаружил расстрелянной всю свою семью, кроме ушедшего на фронт отца. Он достал с сеновала ручной пулемёт Дегтярёва, который несколькими днями раньше подобрал на месте боя, и залёг с ним на лесной дороге у мостика

через ручей. Когда появилась колонна немецких машин, подпустил первую из них поближе и открыл огонь. Немцы с отчаянными криками выпрыгивали из машин и падали под его пулями. Пока несколько минут царил неразбериха, мальчишка дважды сменил пулёмётные диски.

Когда фашисты опомнились, то ответным огнём из автоматов, а потом и гранатой справились с юным героем. Позже на месте этого неравного боя местные жители нашли искорёженный взрывом гранаты пулёмёт с тремя пустыми дисками, залитыми кровью.

В другой деревне двенадцатилетний мальчик, хату которого выбрал для постоя немецкий офицер, не устоял перед соблазном и съел несколько конфет со стола «гостя». Немец распорядился повесить всю семью несчастного мальчишки. Друг мальчика, вместе с ним полакомившийся немецкими конфетами, не стал безропотно дожидаться казни. Пока фашисты сооружали виселицу, он пробрался в сарай, где было припрятано собранное в округе оружие. Когда солдаты во главе с офицером столпились по одну сторону виселицы (по другую они согнали жителей деревни), ударил по ним длинными очередями из русского автомата ППШ. Немецкого офицера и нескольких солдат он уложил сразу. Уцелевшие солдаты, по-видимому, решив, что на них напали партизаны, спешно отступили. Местные жители, в том числе и спасённая мальчишкой семья, скрылись в лесу.

Известен и такой эпизод войны, случившийся в одной из белорусских деревень, через которую проходила немецкая часть. Разнузданная немецкая солдатня наскоро грабила попадавшиеся ей на пути дома. При малейшем сопротивлении грабежу мирных жителей расстреливали. В одной из хат убили женщину и восьмилетнюю девочку. Отсутствовавший дома двенадцатилетний сынишка, вбежав в родную хату, увидел мертвые тела своей матери и младшей сестры. Он долго молчал, сидя возле них, ни на что не реагируя. Потом парень исчез. Но вскоре снова вернулся откуда-то и встал возле калитки. Когда к калитке приблизился немецкий штабной автобус, вскочил на подножку и бросил в открытое окно свёрток. Страшный взрыв разметал автобус в клочья. К отскочившему в сторону и упавшему на землю мальчику подбежал немец и несколько раз выстрелил в него из пистолета.

Подобных подвигов детей в Белоруссии были сотни.

* * *

Тёмной октябрьской ночью 1941 года в свою родную деревню Фомино вернулся молодой парень — младший лейтенант

танковых войск Сергей Гришин. Война для него началась в Белостоке: танковый взвод, которым он командовал, прикрывал отступление советских войск. Но в начале июля под Минском его танк был подбит, и он с группой красноармейцев оказался в окружении. Больше трёх месяцев лесами и болотами Белоруссии и Смоленщины Гришин с товарищами пробирался на восток. Несколько раз советские воины устраивали засады на дорогах. Им удалось подбить три автомашины и уничтожить около пятнадцати немцев. Группа молодых советских парней сумела неплохо вооружиться и действовала отважно. Появился сначала небольшой партизанский отряд. Постепенно он накапливал опыт партизанской борьбы.

Двадцатитрёхлетний советский офицер Сергей Гришин, ранее бывший сельским учителем, вместе со своими товарищами создал партизанский отряд по имени «Тринадцать». Название это пришло из одноимённого довоенного советского фильма. В нём группа пограничников (тринадцать человек) в одной из среднеазиатских пустынь держала бой с бандой басмачей. Бой был неравным — двенадцать пограничников погибли, в живых остался лишь один.

Отряд, созданный Гришиным, со временем превратился в Особый партизанский полк «Тринадцать», который в документах немецкого командования значился «Чёртовой дюжиной». О его деятельности высокопоставленные немецкие начальники докладывали лично Гитлеру. Это известно из архивных документов. Такой чести удостоивались немногие партизанские формирования. В тылу действовали сотни партизанских отрядов и соединений. Были и многочисленные подпольные группы в городах и рабочих посёлках.

Авторитет Гришина как командира был абсолютно непрекаем — он проявлял себя отличным организатором и умелым воином. При необходимости во время боя он всегда оказывался в нужном месте — ложился за пулемёт и первым принимался в атаку. Эти его замечательные качества бойцы особенно уважали.

В одном из первых рейдов по фашистским тылам из тридцати трёх партизан до цели дошли лишь семнадцать. В их числе был Гришин. Из этих семнадцати и состоял его отряд. Но к маю 1942 года в нём уже было двести человек, а в июне — семьсот.

Особый партизанский полк «Тринадцать» громил гарнизоны фашистов, взрывал мосты, пускал под откос железнодорожные составы, уничтожал в сёлах и небольших городках полицаяв, добывал для высших армейских штабов важные стратегические документы. Сам командир был неуловим.

За столь активные действия, известные самому Гитлеру, в марте 1943 года Сергею Владимировичу Гришину (в один день с другим легендарным партизанским комбригом Константином Сергеевичем Заслоновым, воевавшим в районе Орши), было присвоено звание Героя Советского Союза.

Весной 1943 года Особый партизанский полк Гришина превратился в Особое партизанское соединение «Тринадцать». Расположилось оно юго-восточнее Могилёва. А его штаб обосновался в нашей деревушке Заболотье, где Гришин жил в хате моего дяди Степана — через улицу наискосок от нас.

Иногда вечерами со своими товарищами Сергей Владимирович выходил из калитки отдохнуть от тяжелейших партизанских забот, усаживался на скамейке возле частокола. Мы, деревенская детвора, играли тут же в свои нехитрые игры. Партизаны, а порой и сам Гришин общались с нами. Иногда подхватывали нас на руки и подбрасывали вверх. Бывало, угощали кусочками колотого сахара, что воспринималось нами как большая удача.

В конце лета 1943 года партизанское соединение «Тринадцать» насчитывало уже более двух тысяч бойцов. Его отряды контролировали в лесном крае довольно большую территорию. Немцы малыми силами соваться сюда не рисковали, дожидаясь крупных карательных экспедиций.

В это время случались относительно тихие и спокойные вечера. Среди отдохнувших партизан, поддерживая их разговоры, бывал и мой отец.

Соединение Гришина отличалось активной наступательной тактикой. Один только 1-й батальон за два года провёл около двухсот боёв с фашистами (в среднем по две боевые схватки за неделю!).

Летом 1943 года по решению Ставки Верховного Главнокомандования и Центрального Штаба партизанского движения проводилась «рельсовая война». На всём протяжении фронта — а это тысячи километров! — партизанские диверсионные группы одновременно взрывали железнодорожные мосты и рельсы, парализуя действия вражеской армии.

Только гришинские соколы в ночь на 7 августа взорвали 650 мощных зарядов, разнёсших в осколки вагоны, рельсы, мостовые фермы. И это сразу парализовало всё снабжение гитлеровских войск.

Вторая одномоментная массовая операция прошла в ночь на 18 сентября на участках дороги Могилёв—Кричев и Орша—Кричев. Эти разрушения немцы не смогли полностью восстановить до самого своего отступления. Помощь от партизан наступавшим советским войскам была огромной.

Немецкое командование не могло мириться с тем, что партизаны перерезали многие коммуникации и мешали перевозкам военных грузов — особенно новой военной техники и другого вооружения. С восточного фронта по приказу начальника тылового района генерала фон Кюблера были сняты немалые силы — 286-я и 203-я охранные дивизии общей численностью до пятнадцати тысяч человек. Всех их направили в район действия партизанского соединения «Тринадцать». Гришин и его товарищи были окружены. В один из летних дней их начала бомбить авиация. Для партизан это не стало неожиданностью. Ведь над ними накануне кружила «рама», и это означало, что немец проводил разведку.

Особое партизанское соединение «Тринадцать» действовало в прифронтовой полосе. Это была территория, где немцы внимательно следили за всеми протянувшимися с запада и рокадными (идущими параллельно линии фронта) транспортными магистралями. Помимо обычных тыловых охранных войск и полицейских подразделений, наскоро созданных из местных предателей, они привлекали к карательным акциям фронтовые полки и даже дивизии.

Благодаря помощи местного населения Гришин и его бойцы были неутомимыми и неуловимыми народными мстителями. Днём и ночью, донимая фашистов, они уничтожали большие и малые гарнизоны в населённых пунктах, а также полицаев, которых ненавидели хуже немцев. Оккупанты не могли передохнуть от частых набегов партизан.

Вот что писал о Гришине бывший подполковник вермахта Гельмут Крайдель, участвовавший в карательных операциях, а потом ставший военным историком: *«Руководство бандой (партизанским соединением «Тринадцать». — В.К.) было с самого начала целеустремлённым и чётким... Благодаря ловкости и энергии командира... долгое время попытки нейтрализовать силы Гришина оставались безуспешными... Благодаря частым успехам отряда, пополнение в него поступало в большом количестве»*. Это было высокой оценкой нашему партизанскому командиру.

Во время пребывания штаба Гришина в нашей деревне мы хорошо знали о насущных партизанских делах — успешных операциях и иных действиях. Успехи и поражения партизан мы, дети, и все остальные местные жители чувствовали по общему настроению и поведению бойцов.

В предвечерние часы порой, отдыхая на скамейке у плетня, командир партизан с его товарищами вели негромкие беседы. Темы их разговоров мне, малыцу, были неизвестны. Но всплески смеха, слышавшиеся довольно часто, нам всё же

были понятны. Однажды невероятно развеселила всех забавная история.

В деревне жила слабоумная женщина Пелагея. Ей было около сорока лет. Тихая, часто улыбающаяся, она вела своё скромное хозяйство и многим помогала в огородных делах. Молодые партизаны разыгрывали её, передавая письма якобы от некоего влюблённого в неё Гриши. Будучи неграмотной, Пелагея приносила читать эти письма нашей маме. Мама пыталась убедить её, что никакого Гриши не существует и что партизаны шутят. Но Пелагея упрямо верила в существование влюбленного в неё Гриши.

В один прекрасный день женщина снова появилась в нашей хате. Внимательно выслушала очередное письмо, в котором «Гриша» клялся ей в любви. Он предлагал поставить на плоскую крышу истопки (небольшого сарайчика для хранения продуктов и инвентаря) бочку с привязанной к ней верёвкой. Перед заходом солнца Пелагее надо было сесть в неё и ждать. Гриша будет пролетать над деревней на самолёте, подхватит бочку за верёвку, и они вместе улетят в райские края...

В этот вечер мы с мальчишками играли неподалёку от дома дяди Степана. Вдруг услышали гомерический хохот партизан, сидевших с Гришиным на скамье. Они не могли даже говорить от приступов неудержимого смеха. Прибежав к истопке, мы увидели в лучах заходящего солнца большую бочку и торчавшую из неё голову Пелагеи. Женщина приготовилась к полёту.

Но тут к штабу прискакала на конях группа партизан, прозвучали какие-то резкие команды, все поднялись со скамейки и быстро зашли в хату. Прибывшие товарищи сообщили, что совсем рядом появилась весьма внушительная колонна немцев. А ближайшее подразделение партизан в данный момент ведёт неравный бой и просит подкрепления. Участник общего безудержного веселья Гришин страшно смутился, но тут же взял себя в руки и отдал необходимые распоряжения.

Веселье сменилось тревогой. Из хат выбежали партизаны с оружием. С околицы быстро привели коней. Через несколько минут конная группа, а затем и пешие подразделения спешили на помощь товарищам.

* * *

В 1994 году я пытался найти Гришина. Переписка для установления его места жительства продолжалась недолго, но я всё же опоздал. Сергей Владимирович ушёл в мир иной на семьдесят седьмом году жизни. Он мог бы пожить ещё, но сказа-

лись напряжённая жизнь, физические и психические перегрузки, тяжесть ответственности за судьбы тысяч людей.

Однажды у меня появилась другая возможность сосприкоснуться с партизанским миром. По пути из Москвы в Могилёв я проезжал Оршу. Крупный транспортный узел с довоенных времён знаменит большим, прекрасно отделанным вокзалом. Здесь в паровозном депо в годы войны работал молодой инженер Константин Заслонов. Сначала он был подпольщиком, потом командиром партизанской бригады. Погиб в 1942 году в деревне Куповать.

В советское время это имя знал каждый школьник нашей огромной страны. О Заслонове были написаны книги, рассказы, песни, создан фильм с захватывающим сюжетом. В Орше рядом с вокзалом открыли посвящённый ему музей.

После войны останки комбрига перезахоронили. Могила его находится там, откуда начинался его трудовой и военный путь. С тех пор возле вокзала стоит прекрасный памятник Герою Советского Союза Константину Сергеевичу Заслонову. С высокого постамента, открытый солнцу и ветру, он будто вглядывается в белорусскую равнинную даль.

Летом 1994 года возле памятника я увидел нескольких пожилых мужчин с орденами на груди. Седые люди молча стояли над могилой, слегка склонив головы. Поодаль так же молча стояли случайные прохожие. Всем было ясно, что помянуть своего командира пришли его боевые товарищи. Скорбная минута превратилась для всех в вечность... Что-то сказав друг другу, ветераны медленно прошли через площадь к ждавшей их машине.

С особым чувством волнения я подошёл к могиле и долго стоял там, обуреваемый грустными мыслями.

Партизанская тема настолько глубоко вошла в сознание белорусов, что и сегодня любое воспоминание об ужасах фашистской оккупации вызывает душевную боль и печаль в сердцах людей. Родную землю защищали все, кто мог, и не только люди, державшие в руках оружие. Местные жители помогали партизанам продуктами питания, сбором информации и многим другим, в чём нуждались народные мстители.

В некоторых районах в партизанские отряды уходили семьями. Были случаи, когда партизанскими становились целые деревни, а иногда и районы. В них действовала Советская власть — районные и сельские исполкомы. Например, существовала Кличевская партизанская зона, в которой работали органы Советской власти. Туда фашисты без боя не совались.

Партизанские отряды пополнялись и жителями Могилёва. В городе действовало несколько подпольных групп. В од-

ной из них активно работала девятнадцатилетняя девушка Таня Карпинская со своей мамой Ольгой Николаевной. По доносу предателя их арестовали, жестоко пытали и казнили. Именем Тани Карпинской после войны назвали один из переулков в центре города, создали музей, посвященный её жизни.

* * *

Гитлер накануне войны обмолвился: «Белорусы из всех славян наиболее безобидный народ». Возможно, он думал, что с белорусами у его бешеных орд особых хлопот не будет, и народ покорно ляжет под немецкий сапог. Ведь именно так произошло с поляками и другими европейскими народами. Можно себе представить, какую свирепую ярость вызвали у него сводки о действиях белорусских партизан и, в частности, о соединении «Тринадцать».

В Белоруссии в годы войны погиб каждый третий житель, и её население лишь сравнительно недавно достигло довоенного уровня. Не поддаётся нормальному человеческому осмыслению то запредельное изуверство, которое чинили на белорусской земле немцы-нацисты. Но ещё страшнее были совершенно безумные, патологически лютые, изощрённо-садистские убийства, пытки и надругательства, творимые среди незащитного мирного населения литовскими и эстонскими нацистами, которых презирали даже фашисты.

Беларусь не ждала милостей от оккупантов — она яростно сражалась. Вопреки близорукому ожиданию Гитлера. Только в одном Могилёвском районе действовали четыре партизанских полка, две бригады и одна военно-оперативная группа.

После войны белорусы не встали с протянутой рукой, стелая и скуля о трагических потерях. Они не устраивали международных тяжбы и не унизились до вымогательства у Германии огромных денег. Они не позволили себе смаковать трагедию во всемирном масштабе и устраивать по этому поводу спектакли мирового уровня.

Пролитая кровь, неисчислимы потери дорогих и близких людей бесценны. Как бесценны и невообразимые трудовые затраты на восстановление республики из военных развалин и пепелищ.

Удивительно, что в страшно разоренной Белоруссии одним из первых в СССР встал на ноги и прогремел на всю огромную страну колхоз «Рассвет» во главе с легендарным разведчиком Кириллом Прокофьевичем Орловским, ставшим прообразом героя известного фильма «Председатель». Героическое партизанское движение прославило Белоруссию на весь мир. За этот подвиг республика и получила имя «Партизанской».

Этот страшный день мне помнится и сейчас. С утра я играл на окраине деревни у леса с соседским мальчиком Адамом, моим сверстником. Услышав первые грохочущие звуки, мы побежали домой и с ужасом увидели взрывы и загорающиеся хаты. В отчаянии мы стали кричать и плакать, не понимая, что происходит, и не находя своих родных. Хорошо были видны отсветы пламени пылающих хат в окрестных деревнях — Закрупце и Заглинном. Над ними тоже кружили немецкие самолёты.

Бомбы рвались то одиночно, то сериями — подобно автоматным очередям. Их падение сопровождалось страшным воющим звуком «и-ю-у-у-у». А навстречу нам беспорядочно бежали люди — деревенские жители и партизаны.

Меня подхватил на руки бежавший мужчина. Кто это был — не знаю. В общей суматохе он втащил меня в блиндаж, ранее отрытый партизанами. В него набилось множество людей и было слишком тесно. Меня передавали с рук на руки, и я очутился в дальнем углу. Туда же, чувствуя опасность, забились и партизанская овчарка, с которой мы часто видели гришинского ординарца. Собаку пытались из блиндажа вытолкать, но безуспешно. Она жалобно скулила и лаяла.

Моя мама, пытавшаяся в начале бомбёжки вынести из хаты пожитки, едва не погибла. Совсем близко с домом разорвалась бомба. Маму оглушило и присыпало землёй. От осколков её спасли сложенные в штабель половые доски, заблаговременно снятые и вынесенные из жилища, чтобы уберечь его от возможного пожара. Выручила крестьянская предусмотрительность. Распиловка брёвен на доски в сёлах делалась вручную и была очень трудоёмкой, поэтому доски берегли как зеницу ока.

На нашей улице пылали хаты. В Закрупце и Заглинном тоже. Мне казалось, что тот самый, ранее грезившийся мне, огромный и страшный Немец вдруг одновременно зажжёт десятки жарко пылающих факелов.

Всю остальную жизнь любой пожар вызывал во мне отголоски этого давнего детского ужаса. Остро переживал я пожары при просмотре кинофильмов. В «Думе о Ковпаке» горит деревня, и под ветром мечется страшное пламя пожара. На фоне огня старик-партизан с седой бородой и в распахнутом полушубке яростно бьёт из пулемёта, держа его на весу...

В нашей деревушке при этом налёте было разрушено и сожжено более пятнадцати хат. Остались живы лишь три окраинные избытки, стоявшие на отшибе. Жители оказались в

тяжелейшем положении. Выход из него был один — «зарываться» в землю. И сделать это надо было до наступления холодов. Никаких запасных строений, пригодных для жилья, у нас не было. Выручил обычай иметь в каждом дворе погреб для домашних солений.

Сравнительно мягкий климат позволял хранить картофель и другие овощи под полом в избе, а излишек овощей — в буртах. Звались они «конусами», так как имели коническую форму. Картофель при закладке покрывался соломой и забрасывался землёй.

Некоторые соседи после пронёсшегося огненного урагана рыли дополнительные ямы, примыкавшие к погребам, тем самым увеличивая площадь землянок. Стены и кровлю делали из остатков разбитых бомбами хат. У некоторых сельчан уцелели бани. Их тоже использовали под жилища.

Люди оборудовали жильё, помогая друг другу. Срочно собиралась толока (сбор населения для общей работы). И это давало возможность быстрее поселиться в землянках. Мужской силы очень не хватало, ведь почти все мужчины были на фронте. Строили землянки женщины, подростки и дети. Всем помогал сельский мастер дядя Степан.

Тяжёлых потерь среди партизан и жителей Заболотья удалось избежать благодаря предусмотрительности партизанского командования. Не знаю, от кого последовало столь разумное распоряжение, но во дворах было сразу, с появлением партизан, отрыто несколько вместительных блиндажей-землянок. В землянке, отрытой на нашем огороде, вмещалось до двадцати человек.

Внезапно нахлынувшее бедствие сразу изменило деревенский быт и весь домашний уклад. Общение соседей стало возможным только на улице. С наступлением холодов оно вообще прекратилось. Ведь одежда сельчан, хотя и не была лохмотьями, но не защищала от осенней непогоды и зимних стуж. Поэтому почти всё дневное и ночное время мы, дети, проводили во временных жилых закутках.

Бомбёжка оставила сильный и глубокий след в моей памяти. После этого всякий звук вражеских самолётов вызывал у меня безотчётный страх, даже если они пролетали мимо. А летали над нами фашисты часто. И мы все, даже самые малые ребята, безошибочно отличали их от наших истребителей по резкому и злому завыванию моторов. Мы называли немецкие самолёты бомбовозами.

Помню несколько воздушных боёв, за которыми мы следили с земли со страхом и тревогой. Они происходили высоко в небе и несколько в стороне от деревни. Наши истребите-

ли, казавшиеся лёгкими, с нарастающим рёвом то устремлялись вверх, то выписывали крутые виражи. До нас доносился то короткий треск пулемётов, то более длинные пулемётные очереди. В таких случаях взрослые быстро загоняли нас с улицы в землянку.

Однажды в нашу землянку вошла тётя Гаша и горестно, едва не плача, выдохнула:

— Нашего сбили...

После бомбежки деревня и её окрестности стали неузнаваемыми. Бомбы сильно изуродовали во многих местах землю и разрушили много хат. И в этом огневом и земляном месиве пропал партийный билет моего отца, незадолго до бомбежки закопанный вместе с другими документами во дворе дома. Отец сильно переживал его утрату.

Но партизанам эта бомбёжка особого урона не нанесла, так как они были готовы и к ней, и к карательной операции, заблаговременно изучив продвижение вражеских войск на дальних подступах к партизанской зоне.

После авиационного налёта каратели сжали кольцо окружения вокруг партизанской зоны. Их численность в несколько раз превышала количество партизан. К тому же они были подкреплены артиллерией и другой военной техникой, которой не было у партизан, живших в лесах и на болотах.

Однажды каратели нагрянули в Заболотье. Два десятка их, одетых в серо-зелёную форму, быстро зашли в нашу хату и уселись на скамью у окна. Отец стоял в сенях у двери, я — рядом с ним на краю широкой лавки. Один из немцев остановился возле нас, пальцем поднял мой подбородок, потом слегка потрепал по щеке. Испугавшись, я резко от него отстранился.

— Не бойся, это дядя... — пытался успокоить меня отец.

— Нет, немец! — твёрдо сказал я.

Отец ещё пару раз объяснил мне, что это просто дядя и его не надо бояться. Но я столь же упрямо называл его «немцем».

Солдат засмеялся:

— Что, немец нехорош? — спросил он на русском языке и прошёл в хату.

Чудесным образом моё упрямство не понесло сурового наказания. Скорее всего, это войсковое подразделение было привлечено к карательным акциям из обычной фронтовой части, в которой служили не только штатные изверги.

* * *

В сенях нашей хаты у входной двери постоянно стоял ручной пулемёт Дегтярёва с примкнутым диском и комочком

бумаги в стволе. Не знаю, кому он принадлежал, и зачем нужно было держать его круглосуточно в боевом состоянии, даже когда в хате никого не было. Видимо, сама обстановка, пронизанная военным духом, особыми флюидами боевой тревоги действовала и на нас, детей. Наши незрелые мысли и довольно сумбурные, неустоявшиеся чувства были наполнены дыханием бушевавшей вокруг войны. С непередаваемым чувством, улучив момент, я ложился возле рубчатого исцарапанного приклада, сжимал пальцами холодное железо и воображал себя героем-партизаном.

В разное время суток (чаще днём) на нашей улочке вдруг оживлялась обстановка, усиливалось движение — подходили и уходили группы пеших партизан. Подъезжали, заходили в штабную хату, а потом с места галопом уносились конные бойцы — связные, порученцы, разведчики. От них — лихих, бойких, стремительных — исходила на всех окружающих возбуждающая энергия.

На голове их были кепки, фуражки, кубанки, пилотки (в том числе и немецкие), в руках — автоматы, на поясе — ножи и гранаты. Некоторые были перепоясаны перекрещивающимися пулемётными лентами.

Эти волнующие и необыкновенно красивые военные атрибуты отдыхавшие партизаны иногда позволяли подержать в руках нам, пацанам. Эти сакральные прикосновения к настоящему боевому оружию — стрелковому и холодному — позже зародили во мне тягу и любовь к нему. И эти чувства не ослабевали с годами. В том числе и во времена владения табельным пистолетом Макарова в годы службы в системе МВД.

Всем была известна строгость командира в поддержании дисциплины среди партизан. Был он требовательным и строгим и при проверке чистоты помещений, и при осмотре снаряжения бойцов. Расхлябанности командир не терпел. Особые требования предъявлял к бойцам, общавшимся с местным, поддерживающим партизан населением. Отношение к сельчанам должно было быть уважительным. Несколько раз местные проводники выводили партизан из окружения по болотным тропам буквально под носом у немцев, когда те сторожили их недалеко от переправы. Немцы считали те болота непроходимыми.

Однажды была выявлена кража партизаном узелка с сухарями у жительницы деревни Комаричи. Вора расстреляли по приговору партизанского трибунала. Гришин знал что делал. Ведь слава о героических партизанах соединения «Тринадцать» была повсеместной, и любое — даже мелкое! — шкурничество командир допустить не мог.

Плата жизнью за узелок с сухарями выглядит сегодня невероятной. Но в военное советское время дело выглядело именно так. И народ не видел в подобной суровой каре безумия или крайней жестокости. Дремучее безумие, тотальное воровство и сплошной криминал на землях СССР — ныне. Теперь мы имеем возможность сравнить высокую этику советских людей и полное её отсутствие у многочисленных сегодняшних соотечественников — корыстолюбцев, жуликов и стяжателей.

Главной задачей соединения «Тринадцать» были глубокие рейды по тылам противника. За двадцать восемь месяцев активной деятельности партизаны прошли с боями девятнадцать районов Смоленской, Могилёвской и Витебской областей. К осени 1943 года партизанский штаб покинул Заболотье, а партизанские подразделения — близлежащие населённые пункты. Но эта местность ещё долго была «на прицеле» у командования оккупантов.

Однажды в нашу деревню влетела группа карателей во главе с офицером. Громко крича, они ворвались в нашу хату. Сразу вывели во двор отца и поставили его лицом к стене.

Мне запомнилась эта картина в конкретных деталях, будто бы на фотоснимке. Лежащие на бревне руки отца, его повернутая в сторону голова с густой, окладистой бородой. Чуть в стороне — плачущая мама и всхлипывающий брат Славик. А в нескольких шагах — солдаты в касках, с закатанными рукавами и чёрными автоматами в руках. Рядом — офицер в фуражке с высокой тульей. Высокая туля осталась в памяти, наверное, потому, что наши красноармейские фуражки были другой — более естественной формы.

Офицер о чём-то резко, порой переходя на крик, спрашивал отца. Тот отвечал необычным, срывающимся голосом. И это меня сильно испугало.

В этот момент одна деревенская тётка-единоличница (местные называли её «подкулачницей») закричала:

— Вон, вон они! Глядите!

Она показывала рукой на убежавших к лесу наших соседей — отца и сына, прибывших домой из партизанского отряда, чтобы запастись продуктами и помыться в бане. Немцы бросились за ними, строча из автоматов и оставив всех нас на дворе. К счастью, беглецы успели скрыться в лесу. А мы разбежались кто куда и попрятались.

А несчастную доносительницу, которая к тому же оказывала женские услуги полицаяу Гибаруте, вскоре поймали и повесили по приговору партизанского трибунала.

Ранней осенью 1943 года в нашу деревню с криками и стрельбой ворвалась конная банда непонятных налётчиков, назвавших себя партизанами. Они бросились грабить и бесчинствовать по всем хатам.

Вбежав к себе домой, я увидел, как двое бандитов деловито заворачивали в суконное одеяло костюм и сапоги отца, ещё какие-то вещи, не обращая никакого внимания на горестные причитания и укоры нашей бабушки. Все эти вещи воры унесли с собой.

Грабители долго не задержались в Заболотье. Вскоре они ускакали в сторону Рудни. Но далеко уйти не смогли.

Моя мама разыскала отца и рассказала ему о случившемся. Отец тотчас сообщил об этом в ближайший из отрядов Гришина. Взвод конной разведки настиг бандитов, уже покинувших Рудню. Одних партизаны порубили, других — застрелили. Кара настигла всех бандитов, ни один из них не остался в живых.

Подобных предателей-provokаторов фашисты специально готовили из местных маргиналов. Своими разбойничьи-ми налётами они должны были вызвать недоверие к партизанам и лишить их поддержки местного населения. При поимке этих мародёров пощады им от партизан не было.

Полицаев в округе было немного. Из Галузы своим предательством был известен один Гибарута. Во время пребывания партизан в Заболотье и окрестных деревеньках он находился где-то поодаль — в Чаусах или в Пропойске. Это и спасло его. Иначе для него быстро подобрали бы подходящую осину.

Во время оккупации наша семья, как и большинство семей односельчан, жила очень плохо. Сурового голода со смертельным исходом не было, но жили мы впроголодь. Питались лишь тем, что могли вырастить на огороде. Или выменять, если было на что менять. В обмен на скудные продукты ушли почти вся довоенная одежда отца и лучшие платья мамы.

Настоящими праздниками были для детей и взрослых дни выпечки домашнего хлеба. Увы, это случалось нечасто. Когда из русской печи мама доставала каравай с бесподобным запахом и закутывала его во влажное полотенце, мы с братом, затаив дыхание и не сводя глаз с тёмно-коричневых караваев, терпеливо дожидались, когда кто-нибудь из взрослых отрежет вкусный ломоть и вручит его нам как великую награду. Хлебный живой дух дарил нам минуты несказанного счастья.

Мы, дети, любили жевать сухо поджаренный кислотоватый капустный лист, на который клали сырой каравай и он подгорал на огнедышащем печном поде. Очень редким деликатесом в военное лихолетье и сразу после него были «сковородники». Их пекли из квашеного теста на сковородках в русской печи.

Мяса в домашнем обиходе не было. Ведь завести в хозяйстве какое-либо животное было практически невозможно. Взять животных было негде, и кормить их было нечем. А если какому-то счастливицу всё же удавалась завести поросёнка, то немцы при первой же возможности отбирали его без лишних церемоний.

Летом 1943 года, когда гришинский штаб располагался в Заболотье, пару раз партизаны отбивали у немцев отобранных у крестьян коров, которых они, как правило, переправляли в Германию. После перестрелок участники боя вместе с местными жителями находили убитых и раненых животных. И можно было хорошо пообедать или поужинать и партизанам, и жителям деревни. После подобных «удач» женщины варили мясные супы и борщи. И несколько дней можно было лакомиться небольшими кусочками мяса.

Бежишь, бывало, по улице, а навстречу двое несут на палке коровью голову, говяжий окорок или заднюю ногу коровы, найденной где-нибудь на окраине леса. И знаешь, что сегодня-завтра будет, наконец, сытная пища. Эту добычу поровну делили между партизанами и местными жителями. Какое-либо умышленное утаивание говядины опозорило бы человека на многие годы.

Дефицитом всегда была соль. Дорожили каждой её щепоткой.

* * *

В августе-сентябре 1943 года зерновые на огородах были уже обмолочены, погода стояла довольно прохладная. Тётя Гаша запрягла в телегу хромого, недавно оправившегося от осколочной раны конька, которого выбраковали и подарили отцу партизаны, взяла меня с собой, и мы выехали пахать небольшой участок поля в километре от дома.

Под вечер, закончив работу, она собралась запрячь коня и отправиться домой. Но со стороны нашей деревушки раздались взрывы. Потом частая стрельба, то затихавшая, то возобновлявшаяся с новой силой. Вскоре стемнело. Тётя Гаша возвращаться домой не рискнула.

Я сильно замёрз, и она укрыла меня соломой и старой рогожей, уложив в телеге. Сама же устроилась под телегой, тоже

закопавшись в солому. Стреноженный конь Тузик пасся рядом. Ночь мы провели в поле.

Рано утром тётя Гаша сходила в деревню и узнала, что в Заболотье вчера вечером был бой. Вся наша родня и остальные немногочисленные жители, к счастью, уцелели. Люди в основном попрятались и отсиделись в погребах.

Произошёл необычный, редкий на войне случай. Несколько партизан находились в деревне, когда с двух противоположных сторон к ней подошли карательные части фашистов. Видимо, между вражескими подразделениями не было связи, а значит и согласованности в действиях. Этим умело воспользовались наши бойцы. Когда немцы открыли огонь по деревне, им ответили не только партизаны, но и другая фашистская часть, подошедшая с другой стороны деревни. Поняв ситуацию, партизаны ускользнули в лес. А немцы убивали друг друга до тех пор, пока не поняли своей глупости. Скорее всего, они не догадались, что в деревне были партизаны. Во всяком случае, местных жителей они не тронули и ушли восвояси, не оставшись в Заболотье на ночь. Видимо, фашистам было не до нас — надо было подсчитывать потери и замести их следы.

* * *

Как-то случилась стычка отца с одним из бесцеремонных гостей нашего дома, хотя он и был партизаном. Несколько человек зашли в нашу хату. Разговорились с отцом. Один из них, самый молодой, заметив толстый том стихов Пушкина, без разрешения взял его с полки, намереваясь выдрать из него добрую сотню страниц. Листы эти должны были пойти на табачные самокрутки. Увидав это, отец резким окриком остановил наглеца и вырвал из его рук книгу. Тот возмутился, бравлируя своим партизанством. Но остальные товарищи тотчас поставили его на место.

Книга эта была великой драгоценностью нашей семьи, закральной реликвией, духовной опорой нашей жизни. Изданная в 1937 году к столетию со дня смерти Пушкина и содержащая тысячу двести страниц, она была раскуплена в считанные дни, сразу став библиографической редкостью. Отцу уникальное издание досталось случайно до войны в книжном магазине Могилёва от человека, крайне нуждавшегося в деньгах. В годы войны отец читал нам с братом стихи Пушкина, многие из которых мы заучивали наизусть. По заголовкам этой книги мы знакомились с азбукой. Благодаря этому, я рано научился читать и ценить русскую поэзию.

Довольно часто, в свободную минутку отец доставал книгу с полки и наслаждался стихами. Он давал читать стихи

Пушкина командиру и комиссару партизанского соединения «Тринадцать». Когда впоследствии корешок переплёта от длительного пользования износился, отец сам заботливо переплёл книгу, и она продолжала служить нашей семье, как и прежде.

Бережно, как дорогую святыню, хранил он её многие годы. Потом томик долгое время жил в родительском доме, построенном отцом после войны. Сейчас она, как самая драгоценная семейная реликвия, принадлежит мне. Беря её в руки, всякий раз я испытываю душевное волнение, словно физически прикасаюсь к незабываемому прошлому — миру моего детства и юности.

* * *

Жизнь в постоянной тревоге для нас, детей войны, за три года оккупации стала естественным состоянием. Иное мироощущение нам было просто незнакомо. Однако, несмотря на карательные экспедиции и блокаду, благодаря партизанской защите, нам не довелось воочию видеть ни массовых расстрелов, ни одиночных убийств, ни других зверств в отношении белорусов.

Малыми силами немецкие подразделения в лесные чащи и на болота не совались, а наступления и блокады партизанского района большими силами (полками и дивизиями) случились лишь два раза.

Освобождение от фашистов произошло весьма неожиданно. Сначала появились советские танки. Однажды под вечер несколько не виденных нами ранее грозных машин с рокотом вырвались из-за леса, пронеслись по улице и скрылись в пыли далеко за деревней. Потом появлялись люди в фуражках — военные. Они о чём-то разговаривали с отцом и уходили. Один из них неожиданно подозвал меня к себе и надел на голову новенькую армейскую пилотку, которая оказалась мне почти впору. Это было огромным, ни с чем не сравнимым для меня счастьем! Мне исполнилось пять лет. И эта военная советская пилотка была первой обновкой в моей тогдашней жизни.

Отступившие фашисты закрепились на водном рубеже — речке Проне. И там вскоре разгорелись ожесточённые бои, в которых погибли, защищая свою родную землю, многие только что призванные в армию жители окрестных деревень. Они вступили в бой, даже не успев получить обмундирование. Произошло это потому, что военная тактика при наступлении требовала закрыть брешь, образовавшуюся на нашем направлении. После боёв местные женщины ещё долго хо-

дили на места битвы, надеясь найти там останки своих мужей и сыновей.

В эти же дни был мобилизован в Армию и мой отец. Но из-за болезни рук он попал в нестроевую службу. Война лишь недавно перевалила за половину, и никто не мог предсказать его солдатскую судьбу. Перед самым своим уходом отец поднял меня на руки, потом обнял брата Славика и повернулся лицом к дороге. Но вдруг остановился и снова подошёл ко мне. И я не разумом, а каким-то особым чувством понял глубокую печаль нашего расставания. На лице его была врезавшаяся навсегда мою память тихая, словно виноватая улыбка.

* * *

Незадолго до этого в Заболотье случайно оказалась призванная в действующую армию группа молодёжи — бывшие ученики отца из деревень Осовца и Дубровки. Заболотье фашисты сожгли, и жители его стали обустроиваться, кто как мог. Молодые ребята предложили свою помощь. Пришли к нам и быстро вырыли большую яму. Края её укрепили вертикально поставленными нетолстыми брёвнами. Над землёй соорудили небольшое (как в бане) окошко. Крышу сделали из тех же столбиков, покрыв её толстым слоем земли. В землянке они поставили топчаны и небольшую печку. Трубу от печи вывели через крышу. Здесь нашей семье пришлось жить несколько месяцев. Особенно трудно было выжить зимой, когда ступенчатый вход заметало снегом вровень с землёй.

Затем фронт надолго стабилизировался. И пока готовилось большое наступление советских войск, из прифронтовой полосы местные жители были эвакуированы в сосновый лес возле села Усохи.

* * *

Однажды мы, дети, играли в соснах, между которыми были вырыты землянки. И увидели, что в нашу сторону идут двое — женщина из нашей деревни и мужчина в военной форме и с винтовкой на ремне. Женщина, весело засмеявшись, окликнула нас с братом:

— Играйте, играйте! А я вашего отца поведу к соседям!

Лишь после этих слов, узнав своего отца, мы кинулись к нему. Радости нашей не было границ. Смеясь от счастья, мы разглядывали и ошупывали его необычное военное снаряжение.

Он принёс нам драгоценные гостинцы — два кусочка сахара. А маме — зелёный кусок туалетного мыла. Но самым

великим событием была возможность поносить отцовскую винтовку и из неё прицелиться. При этом мне приходилось класть её на стол, ведь винтовка была большой и тяжёлой, и я с трудом удерживал её в руках. Я почти не отходил от боевого оружия, и отец не мешал моему общению с ним.

* * *

Наступили осенние холода. Жителей Заболотья снова вывезли. Теперь в местечко Дяговичи. Транспорта не хватало, и ночевать нам пришлось в лесу.

Здесь стихийно образовался большой лагерь. Чтобы согреться и приготовить хоть какую-то пищу, многие семьи развели костры. Вскоре послышался воющий звук немецких самолётов. И сразу раздались резкие команды, требующие срочно гасить огонь.

Высокий, худощавый старик, размахивая руками, громко кричал:

— Гасите огни! Гасите огни!

К счастью, самолёты прошли стороной. Люди вновь разожгли костры. А на рассвете снова двинулись в путь.

В лесу мы жили в окопах и землянках. Скорее всего, это был оставленный бойцами военный лагерь.

* * *

Деревенских детских игр и забав было немного. А наша неуёмная энергия требовала выхода. Старшие мальчишки и подростки затевали порой далеко не безопасные «партизанские» операции. Боевых патронов у всех было достаточно, и они ни у нас, ни у взрослых не вызывали тревогу. А поскольку использовать их по назначению возможности не было, мы изобретали всякую всячину.

Из винтовочного патрона, например, расшатывая, извлекали пулю, часть пороха отсыпали, пулю снова забивали в гильзу, а изъятую часть пороха засыпали сверху. Потом ставили патрон вертикально и поджигали его. Вслед за вспышкой пороха звучал выстрел. При этом часто пуля с высоты падала неподалёку, и её находили по звуку падения. У подростков это считалось «высшим пилотажем». Нам, ребятам помладше, они запрещали проводить такие серьёзные эксперименты. И мы играли в эту опасную игру тайно.

На окраине деревни, в конце соседней улицы на обочине дороги лежала, полузасыпанная землёй, то ли небольшая авиабомба, то ли крупнокалиберная миномётная мина. Люди ходили мимо, совершенно её не замечая.

Однажды под вечер старшие подростки, около которых увивались и мы, мелкота, подошли к снаряду, осмотрели его и откатили на луг в заросшую канаву. Потом обложили снаряд дровами и, накрыв большой липовой плахой, подожгли костёр. Сами же легли в соседнюю канаву, протянувшуюся в сотне метров от костра.

Нас, младших, отогнать не смогли. Лишь настрого приказали не поднимать из канавы головы. Ждать было утомительно. Когда терпение было уже на исходе, рвануло с такой силой, что куски плахи с воем пронеслись над нашими головами. А в ближайших домах треснули стёкла. Из домов выбежали с проклятиями женщины. Вся наша компания кинулась врассыпную. К счастью, никто из нас не пострадал. Старшие ребята велели нам молчать о происшествии. И мы, конечно, не проболтались.

В другой раз двенадцатилетние ребята втайне от родителей затеяли поход к деревне Красница, что была в пятнадцать километров от нас. Меня, как я ни просил, не взяли, потребовав обещания не проговориться. Вернулись пацаны лишь к вечеру, переполненные трофеями и впечатлениями. По дороге они увидели поле танкового побоища, где покоились подбитые, изуродованные немецкие и советские танки. Один из ребят с особым восторгом рассказал нам о вероятном танковом таране, в результате которого с немецкого танка была сбита башня, а наш танк навалился на его броню, подняв вверх пушечное дуло. На поле были разбросаны снарядные, скорее всего гаубичные, гильзы. Вокруг подбитых и сгоревших танков валялись помеченные чёрными буквами и цифрами шёлковые пакеты с орудийным порохом. Ребята подобрали эти находки.

Все эти атрибуты войны и смерти сохранились на поле боя и лежали там ещё какое-то время. Жителей окрестных сёл, желающих полюбоваться столь ужасной картиной, особо не находилось.

Ближайшая к нам деревня Красница была сожжена фашистами вместе с жителями. В огне погибли около двухсот человек — старики, женщины, дети. Красница стала одной из ста восьмидесяти шести не возрождённых после войны белорусских деревень, памятники которым установлены в Хатыни.

В лесу в пяти километрах от Махова находился брошенный немцами склад боеприпасов. До него никак не доходили руки местных властей. Туда наши мальчишки навевывались два или три раза. Из склада принесли в деревню толовые шашки, детонаторы к ним, мешочки с орудийным порохом и

две противотанковые гранаты. Порох втайне от взрослых упаковали в небольшие ящички, которые хорошо промазали дёгтем и хвойной смолой. Потом эти ящички зарыли в землю. Позже, при установке огородного столба в нашем палисаднике, мы обнаружили два ящичка с трубчатым порохом. И мой брат Славик рассовал его для просушки под кровельную дранку на чердаке строившегося дома.

На берегу небольшого озера по дороге на Быново, пацаны зарыли противотанковые гранаты. Сделали это они просто так, на всякий случай.

Однажды в сумерках, когда бабушки и более молодые женщины сидели на завалинках, в берёзовой посадке полыхнуло пламя. Женщины начали креститься, послышались встревоженные голоса. Вдруг один за другим такие же столбы огня поднялись в нескольких местах! Выяснилось, что ребята развесили на ветках берёз принесённые шёлковые мешочки с порохом и приложенными к ним ватными фитилями. И одновременно зажгли их, уверенные, что берёзы загореться не смогут.

В этих играх ребята открыли удивительное свойство пороховых трубочек, имевших размеры тонкого карандаша. Если отломить две трети такого «карандаша» и поджечь с одного конца, дым с большой силой устремляется в сквозное отверстие и действует по принципу реактивного двигателя. Если зажжённую трубочку подбросить вверх, она начинает выплывать в воздухе замысловатые узоры, оставляя быстро тающую беловатую нить дыма. Если она раньше времени не падала на землю, то напоследок вспыхивала огоньком, как будто ставя точку в своём полёте. Когда зажигали трубочку целиком, она сгорала на одну треть, а оставшаяся часть с чуть слышным треском распадалась, словно её разрезали острым лезвием, на две половинки. Эти странные свойства пороховых трубочек нам никто не мог объяснить — ни штатские бывалые люди, ни военные.

Подражая взрослым, старшие ребята во время пастьбы коров нередко имитировали курение. Если находился обрывок газеты, свёртывали самокрутку из ольховых листьев и дымили, не затягиваясь. Мы, младшие, пытались им подражать. И тогда они решили нас проучить. Позвали к костру и дали свёрнутые сигарки, зарядив в них пороховые трубочки. Когда мы с видом бывалых курильщиков зажгли их от уголька, порох воспламенился, струя горячего дыма ударила в лицо, и эти «заряды», сопровождаемые нашими воплями, полетели на землю. Шутка была не слабой, но она сразу отбила у нас охоту обезьянничать.

В один прекрасный день из дальнего села Сидоровичи в наше Махово пришёл смелый, разбитной, общительный парень по имени Сергей. Он сразу стал для нас «коноводом». Мальчишки постоянно крутились возле него. Он придумал забаву — всей ватагой ребята уходили в поле, и там развлекались, втыкая в отверстие толowego детонатора трубочку пороха. Привязывали ниткой или травинкой, поджигали трубочку и бросали. Заряд взрывался, издавая несильный хлопок. При этом изображалась то партизанская атака, то ещё какой-нибудь бой. Мне довелось лишь один раз участвовать в этих играх, да и то в качестве зрителя. Младшим бывалые ребята ничего большего не разрешали.

Как-то под вечер они направились к озеру, а меня не взяли. В разгар этой игры с детонаторами и порохом Сергей, приготовив заряд, поджёт пороховую трубку. Но то ли что-то недоучёл, то ли промедлил, и взрыв произошёл на взмахе руки около его правого уха. Ребята остолбенели. Придя в себя, кинулись врассыпную. Сергей тоже побежал домой с окровавленной кистью руки.

Через пару недель неугомонный Сергей, смеясь и пугая нас, показывал ампутированные фаланги пальцев. На ухе у него остались красноватые рубцы.

Другой подросток по имени Петя тоже нашёл где-то взрывное устройство. С компанией ребят он развёл костёр и положил этот предмет в огонь. Но костерок угасал, и Петя стал раздувать его ртом, наклонившись к углям. Произошёл взрыв. Мелкие осколки впились в его лицо, но по счастливой случайности не повредили глаза. Видимо, он успел закрыть веки. Позже, когда израненное лицо мальчишки зажило, на нём остались десятки мелких зелёных точек, в том числе и на веках.

В первые месяцы после освобождения нашего района в небольшом придорожном глиняном карьере возле леса было свалено около трёхсот немецких противотанковых мин без взрывателей. Трое наших ребят придумали очередную рискованную игру. Несколько мин они затащили в лес. Их по одной взвалили на разведённый костёр и, спрятавшись за деревьями, стали ждать. Когда минный корпус сильно разогрелся, вспыхнувший тол взорвал крышку и, оплавившись, загорелся. Тогда старшие ребята бросились к костру и за привязанную заранее проволоку оттащили мины на траву. И начали тушить огонь берёзовыми ветками. Потом выбрали кусками тол и сожгли его в костре. Тол был желтоватого цвета. А такая же трубка, окружавшая отверстие для взрывателя, — розовой. Трубка подобно пороху бездымно вспыхнула и быстро сгорела.

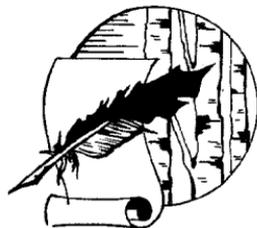
Родители прознали о наших небезопасных затеях и устроили разнос старшим ребятам. Игра с огнём была прекращена. А крышки и корпуса мин, освобождённых от тола, ещё много лет наши мамы использовали в домашнем хозяйстве. Из них кормили кур и цыплят. Позже ребята подшучивали: мол, нас ругали, а мы полезное дело делали.

Но не у всех ребят подобные игры заканчивались благополучно. Однажды всю округу взбудоражила трагическая весть: в соседнем селе Буда группа мальчишек, разбирая неизвестное взрывное устройство, подорвалась на нём. Погибли одиннадцать человек. И нам всем пришлось выслушивать от взрослых дополнительные нравоучения и запреты. Доходили слухи и о других несчастных случаях.

Летом 1941 года жители Заболотья наблюдали несколько воздушных боёв. Во время одного из них сбитый советский истребитель упал рядом с деревней Рунковка. А в начале пятидесятых мои двоюродные братья Ваня и Витя нашли место падения самолёта с останками лётчика. Прежде чем самолётом занялись военные специалисты, ребята взяли себе пистолет ТТ, который потом хранился у них несколько лет. Перед соблазном взять себе боевое оружие не устоял бы ни один уважающий себя мальчишка. Невзирая на запреты взрослых.

Война продолжала напоминать о себе и в дальнейшем. Во время уборки школьного двора накануне октябрьских праздников 1949 года ребята чистили землю под обветшалой изгородью. Велико было их удивление, когда они откопали истлевший промасленный свёрток. В нём был русский наган — проржавевший, с гнилой рукояткой. Револьвер пошёл по рукам, вызвав много вопросов о своём происхождении. Предполагали, что его хозяин погиб. Иначе, по нашим мальчишеским понятиям, он не должен был лишиться себя такого сокровища.

Литературная обработка Людмилы Туровской

СТИХИ ПОЭТОВ РОССИИ

Ольга ДУБОВА

ОНИ ЛЕТЕЛИ НА ВОЙНУ

*Памяти музыкантов
Ансамбля им. Александрова*

Они летели на войну,
Война летела к ним,
Их песни рвали тишину,
Раскатом громовым.
Хранили, строили страну,
Согрев огнём своим.
Они летели на войну,
Война летела к ним.
И вот сошлись война и мир,
Схлестнулись жизнь и смерть,
Прибоя стылого сапфир
Хлестал земную твердь.
Но кто кого на том кону
Сумел переиграть?
Они летели на войну,
А прилетели в рай.

Они летели на войну,
А ты, слепая смерть,
Вменила песню им в вину,
Велела: «Петь не смей!»
Но встанет наш военный хор,

Поднимется страна
И грянет зло наперекор:
«Священная война»!
Пока что, смерть, твоя взяла,
Но знай: нас не сломать,
Мы будем жить, чтобы жила,
Жила Россия-мать!
Мы будем помнить павших кровь,
И верить: смерти нет.
А есть предвечная любовь
И несказанный свет.

Они летели на войну,
Чтоб жили мы с тобой,
Чтобы ночную тишину
Не потревожил бой.
Чтоб мирный свет в родном окне
От взрыва не погас,
Они остались на войне,
Прикрыв собою нас!
Но не стереть их голоса,
Их песен славный ряд,
И мы, взирая в небеса,
Где души их парят,
Мотив любимый подпоём,
Затянем, не спеша,
И с нами вместе запоёт
Их певчая душа!

г. Москва

Валерий ЧЕРКЕСОВ

* * *

Печален день и листьев лёгкий звон.
Ступаю по натопанной тропинке,
И, серебрясь, кружатся паутинки,
И эхо — как протяжный тихий стон.
И каждая травинка говорит
О сущности земной, о смысле вечном
И о пути далёком бесконечном —
До высохших кладбищенских раки.

г. Белгород

Владимир ЛОРИЯ

* * *

Поле русское! Там за рекою
Я войду, как в былое, в жнивье,
Чтоб тревоги свои успокоить.
По душе мне молчанье твое.
Ты ведь помнишь, тебе я впервые
Посвятил свой беспомощный стих,
Там, когда я в дымы дождевые
Затерялся в ромашках твоих.
Подскажи, как же мне научиться
Твои тайные знаки читать,
И о чём твои вещие птицы
Всё пытаются мне рассказать?
Разрешите мне опять возвратиться
В твой звенящий сверчками закат,
В твой рассветный туман, что клубится,
И в алмазный ночной звездопад.
Тени предков прими в своё лоно,
Не покорных всеобщей судьбе,
Что в строю боевых эскадронов
Беззаветно служили тебе.
Моё слово по волнам ковыльным
Донеси до грядущих времён.
Укрепи мою веру, как крылья,
В этот век непонятный, как сон.

ЗНАЧОК

Меняли монеты на марки,
А марки затем на значки.
И не было лучше подарка —
В коробке от спичек сверчки.
Я помню базар небывалый
В той радужной юной поре:
Мальчишки — купцы и менялы —
На школьном майдане-дворе.
Достался значок мне в придачу —
Терновый был венчик с мечом.
Не знал ведь, какую удачу
Я вытянул в жребии том.
Я чистил его, и, как иней,
Мерцал он по тонкой дуге.

Как поздно узнал, что святыню
Держал я, наивный, в руке.
Пропал он в те школьные годы,
Но будто фантомный огонь, —
Значок «Ледяного похода»*
Мою обжигает ладонь.

г. Москва

Галина БОГОПЕКО

ТЫ И У БОГА Я

Ты и убогая, ты и обильная...

А.Н. Некрасов

Ты и у Бога я!
Мы — оба сильные!
Страна моя,
Россия милая!
Ты в топях, в ливнях,
Ты тополиная,
Листвой шумящая:
«Дорогой длинною...»,
Умом искрящая
В безумстве времени,
Тоской слезящая
В тяжёлом бремени...
Зарёй алеющей
Ты обновляешься,
Надеждой тлеющей,
Молясь, меняешься...

И СКОРОСТЬ, СКОРОСТЬ

Невозвратно мимо
По рельсам мчится поезд,
Уже не повторим его
Ритмичный стук,

* Ледяной поход — героический переход
Добровольческой армии с Дона на Кубань зимой 1918 года.

Лишь отдалённый голос...
И скорость, скорость, скорость
Свиданий и объятий,
И горестных разлук...
И я в фонарном свете
Вечернего вокзала,
Пришла сегодня встретить
Как будто бы тебя...
И я не замечала,
Что нет уже вокзала,
Что я иду по шпалам,
Косынку теребя...
Невозвратно мимо
По рельсам мчится поезд,
Уже неповторим его
Ритмичный стук,
Лишь отдалённый голос...
И скорость, скорость, скорость
Свиданий и объятий,
И горестных разлук...

г. Москва

Наталья ШАХНАЗАРОВА

ПРЕВРАЩЕНИЕ

Я устала от полек и твистов,
Я присела, закуталась в плед.
Но вошел молодым гармонистом
В мою детскую комнату дед.

Я пуховый платок развернула,
Я притопнула — эх — каблучком.
Пареньку-старичку подмигнула
И сплясала. Сплясала легко.

Только что это было — не знали
Ни соседи, ни даже друзья.
С дедом мы никому не сказали.
Ведь поверить в такое нельзя.

Дед вернулся к делам и газетам.
Я вернулась к игрушкам и снам.

Он старик, а я девочка — это
С полувзгляда понятно и нам.

Только, вечером пыль вытирая,
Мне бабуля, открыв сундучок,
С удивленьем сказала: «Вчера я
Здесь видала гармонь и платок...»

ИГРА

Убогий заборчик за старым сараем.
Мы детство свое, как всегда, выбираем.
Играть в *партизанов* иль куклы. И что же, —
Мы поняли — всё это в жизни быть может.

На санках я куклу везла по сугробам.
Как будто те санки заменю гроба
Во время блокады — умершим детишкам.
Завернуто тельце *куклёнки* в пальтишко.

И мнится — не кукла — ребенок. И слышу:
Не мертвое тело везу — кукла дышит.
И кукла кричит мне уверенно: «Ма-ма!».
И роем теперь не могилу, а яму.

Окоп. От снарядов там спрячемся вместе.
А может, и правда, на этом вот месте
Когда-то картечью по танкам фашистов
Панфиловцы... пращурьы... артиллеристы.

И важно — что в память об этих героях
Мы крепости снежные сызнова строим.

г. Москва

Анатолий МИРОНЕНКО

* * *

Жила-была Беда на белом свете —
В чужих заокеанах, в залесах.
А может, — на какой-то запланете
Или в каких-нибудь занебесах.

И как она жила — никто не ведал,
Никто в тех далях сроду не бывал.
Как вдруг она свалилась с потусвета,
Как вдруг на нас упала с потускал.

И в Киеве страною села править —
Сладкоязыкая лукавая Беда,
И стали украинцы горе славить,
И нищету призывали в господа.

Всем нравится Беды сладкоголосье,
Золотопенье нравится её.
Из замечтанья призванная гостья
Не жито сеет в поле, а враньё.

Над братством стали люди измываться
Под впечатленьем пения Беды
И насмерть стали меж собою драться,
Счастливые от горя и вражды.

Пришла Беда, и вместе с ней — несчастье,
Безумие, позор и слепота.
Живём во лжи и служим этой власти,
И правит нами пришедшая Беда...

г. Глухов Сумской обл.

Владимир СОРОЧКИН

Анатолию Мироненко

Ветер времени кружится глухо,
Но высоко в небесную синь
Куполами возносится Глухов —
Древний город великой Руси.

Годы канули в Лету сторицей,
Но всегда, как в последнем бою,
Запорожского войска столица
Помнит громкую славу свою.

Издалёка прошедшее брезжит,
И — тревожно дрожит тетива,

Скоропадского прапор трепещет,
Полуботки блестит булава.

Наше прошлое — неборимо.
Вновь шумят молодые сады.
Три святых Анастасьи незримо
Этот город хранят от беды.

И в сегодняшнем дне Украины,
В круговерти извечной борьбы
Ты сияешь, наш Глухов, и ныне
Золотою печатью судьбы.

г. Брянск

Владимир СМЫК

Памяти Михаила Лобанова

1

Шли мы в центре Москвы, был конец февраля,
На расспросы мои о здоровье
Он: «Володя, — ответил мне, — эта земля
Вся пропитана русской кровью».

Осень. Вечер. Над Спасскою башнею гвалт —
То вороны сбиваются в стаи.
«Раньше шел человек здесь, Володя, и знал:
Это Кремль. В нем работает Сталин».

2

Опаленный пылающей Курской дугой,
Ты всегда оставался солдатом,
Не снимался ни разу с передовой,
Хоть давно миновал сорок пятый.

Губы в линию сжаты — сомкнулись уста,
Что чужды были кривде и лести.
Ты поход завершил и ни разу Устав
Не нарушил писательской чести.

С правдой мудрого сердца и веры живой,
С неприступной «лобановской твердью» —

Пусть пробил расставания час роковой —
Нет, не сладить, не справиться смерти.

Что ж страна? Разве много таких сыновей
У нее? Иль пришло указанье
От врагов твоих, чтоб о кончине твоей —
Ничего: гробовое молчанье?

3

Ты к Господним обителям шел не один:
Ангел светлый над облаком реял,
Крепко Кожинов сжал тебе руку Вадим,
Обнял батюшка Дмитрий Сергеич.

Что они говорили, судить не берусь,
Но к небесному выйдя чертогу,
Я уверен, они помолились за Русь.
Поднял ангел молитву их к Богу.

г. Москва

Андрей ИВАНОВ,
доктор исторических наук

«ЛИЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДРУГ КЕРЕНСКОГО»

Александр Иванович Коновалов родился 17 сентября 1875 года в Москве в богатой купеческой семье известных текстильных фабрикантов, вышедших из старообрядческой среды. Раннее детство он провел в Костромской губернии, затем некоторое время учился в Катковском лицее и гимназии Поливанова в Москве, завершив среднее образование в костромской гимназии. Затем Александр поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета (1894), но уже через год ушел из него, продолжив образование в профессионально-технической Школе прядения и ткачества в Мюльгаузене (Германия). Полученные знания Коновалов закреплял, стажирясь на текстильных предприятиях Германии и Франции, затем жил в Англии. Кроме того, Коновалов обучался музыке у профессора Московской консерватории А.И. Зилоти, зарекомендовав себя одаренным музыкантом и талантливым пианистом.

Продолжив семейный бизнес, 22-летний Александр стал председателем правления Товарищества мануфактур «Иван Коновалов с

УРОКИ ИСТОРИИ

сыном» (ранее предприятиями управляла его мать), выпустившего товаров на 11 млн. руб. в год. В 1905—1908 гг. он уже был председателем Костромского комитета торговли и мануфактур, в 1907-м стал инициатором создания Хлопкового комитета при Московской бирже, в 1908—1911 гг. — товарищем председателя Московского биржевого комитета. Коновалов также входил в состав учредителей Московского банка Рябушинских, Русского акционерного льнопромышленного общества, был председателем совета Российского взаимного страхового союза.

Молодой и энергичный предприниматель довольно сильно выделялся среди большинства представителей русского купечества. Он был прекрасно образован, утончен, отличался разносторонностью своих интересов. Коновалов весьма успешно вёл бизнес, внедряя на своих предприятиях передовые технологии. Являясь сторонником патерналистской политики по отношению к рабочим, Коновалов в 1900 г. ввел на своих фабриках 9-часовой рабочий день (при существовавшем 11—12-часовом рабочем дне на других предприятиях), запретил использование труда малолетних. Широко занимаясь благотворительностью, предприниматель часть прибыли тратил на строительство бесплатного жилья для своих работников, ввел ипотеку (по его инициативе были возведены два поселка из отдельных домов, которые продавались работникам в рассрочку на 12 лет). Также Коноваловым были построены двухклассная школа для детей рабочих, бесплатные ясли на 160 детей, библиотека-читальня, богадельня, баня. Были организованы сберегательная касса и потребительское общество, которое снабжало рабочих товарами по более низкой цене, чем у местных торговцев. А в 1912 году к столетию фирмы Коноваловых было построено новое здание больницы и родильного приюта. Таким образом, Коновалов добился гораздо более высокого уровня социальной стабильности на своих предприятиях, чем на других предприятиях той же отрасли. Забастовок на его предприятиях не было, и даже депутат-большевик Н.Р. Шагов отзывался о предпринимателе-миллионере так: *«Светлая личность, очень умный человек и друг рабочих»*.

Революционные события 1905 года толкнули амбициозного предпринимателя в большую политику. Став одним из организаторов небольшой Торгово-промышленной партии, Коновалов затем влился в ряды либеральной Партии мирного обновления, занимавшей нишу между октябристами и кадетами. Являясь членом группы т.н. молодых капиталистов во главе с П.П. Рябушинским, Коновалов участвовал в

проводимых Рябушинским «экономических беседах» с либеральными профессорами. Он стоял у истоков создания и был спонсором одной из самых влиятельных московских газет — «Утро России», стремившейся примирить либерализм с умеренным русским национализмом, тем самым вырвав из рук правых национально-патриотическое знамя. По инициативе Коновалова в феврале 1911 г. в газете «Русские ведомости» был опубликован протест 66 московских промышленников и торговцев против репрессивной политики правительства по отношению к оппозиционно и революционно настроенному студенчеству. Несмотря на свою принадлежность к крупной буржуазии, А.И. Коновалов не только «рвался к власти», чтобы отстаивать интересы бизнеса, но и активно выступал за социальные реформы.

В 1912 году Коновалов от Костромской губернии был избран в IV Государственную думу, в которой вошел во фракцию прогрессистов. Он работал в ряде думских комиссий (по финансам, по торговле и промышленности, по рабочему вопросу), в 1913—1914 г. занимал пост товарища председателя Думы. К этому времени относится и участие Коновалова в думской масонской ложе «Розы» и в Верховном совете Великого востока народов России. В это же время Коновалов стал одним из создателей и лидеров Прогрессивной партии.

Весной 1914 года вместе с Рябушинским Коновалов пытался организовать блок оппозиционных (октябристы, прогрессисты, кадеты) и левых (эсеры, социал-демократы) партий для давления на правительство И.Л. Горемыкина. Во время Первой мировой войны был одним из самых заметных деятелей оппозиционного движения. С конца июля 1915 года он стал товарищем председателя Центрального Военно-промышленного комитета (ЦВПК), а в июне-июле — товарищем председателя Московского ВПК. Когда летом 1915-го либеральная оппозиция стала объединяться в Прогрессивный блок, Коновалов принял самое активное участие в его формировании (член Бюро блока), поддержав лозунг образования «ответственного министерства» (естественно, не перед Императором, а перед оппозиционным думским большинством). На страницах газеты «Утро России» был опубликован список предполагаемого состава «правительства доверия», в котором Коновалову предназначался пост министра торговли и промышленности.

При этом прогрессист Коновалов становился все более радикальным в своих требованиях и действиях. 16 августа 1915 г. на квартире политика состоялось совещание, в кото-

ром приняли участие лидеры кадетов, главноуполномоченные Союзов земств и городов, представители других общественных организаций. Совещание высказалось за создание особых «коалиционных комитетов», которые под руководством Московского центрального коалиционного комитета должны были осуществить повсеместные агитационные мероприятия в целях поддержки думского «Прогрессивного блока». В сентябре 1915 года он выступал против переговоров с царским правительством, ратовал за создание «рабочих групп» при ВПК и за созыв Всероссийского рабочего съезда для формирования массовой легальной организации рабочих, которая позволила бы подвести широкую социальную базу под оппозиционную деятельность либеральных партий.

«... Часть либеральной оппозиции ищет поддержки в рабочих, — писал жандармский генерал А.И. Спиридович. — Раскачать рабочие массы на поддержку Г. Думы должна была Рабочая группа при Военно-промышленном комитете. Ей покровительствовали Гучков и Коновалов. Они наивно верили, что сумеют использовать рабочий класс и при их помощи овладеть властью».

В сентябре 1916-го на совещании московских промышленников А.И. Коновалов заявил, что «на другой день после мира у нас начнется кровопролитная внутренняя война. Это будет анархия, бунт, страшный взрыв пострадавших масс... Спасение в одном — в организации себя, с одной стороны, в организации рабочих — с другой. Если мы будем смотреть на организацию рабочих враждебно, мешать ей, то мы лишь будем содействовать анархии, содействовать собственной гибели». А в декабре 1916 г., выступая с трибуны Государственной думы, депутат открытым текстом заявил, что уже вся Россия осознала, что «с существующим режимом, с существующим правительством победа невозможна, что основным условием победы над внешним врагом должна быть победа над внутренним врагом». Как справедливо отмечает В.В. Шелохаев, «прогрессисты в открытую заговорили, что пришло время «поднимать народную массу», чтобы «обуздать наглую власть». Но вместе с тем, продолжает историк, «эти решительные слова прогрессистских лидеров довольно слабо подкреплялись практическими действиями. Рассчитывая словесными угрозами (в том числе заговором, дворцовым переворотом) запугать «верхи» и заставить их провести коренные реформы, прогрессисты в то же время не хотели вызывать и стихийного революционного взрыва, который, в их представлении, мог смести молодые победы гражданской свободы, парламентаризма, цивилизованности и культуры. Нежелание под-

нимать на борьбу с правительством революционную народную стихию сковывало практические действия прогрессистов».

С первых же дней Февральской революции Коновалов стал ее деятельным участником. Он был избран членом Временного комитета Государственной думы и уже 2 марта получил обещанный ему пост министра торговли и промышленности Временного правительства. *«Личный и политический друг Керенского»*, — так отзывался о Коновалове кадетский лидер П.Н. Милюков. Но при этом добавлял: *«Фабрики фирмы Коноваловых славятся блестящей постановкой рабочего вопроса, и А.И. Коновалов с большим основанием занимает пост министра торговли и промышленности»*.

«В первом составе Временного правительства я не помню, чтобы он играл заметную роль, — вспоминал В.Д. Набоков. — Чаще всего, мне кажется, он жаловался; жаловался на то, что Временное правительство не в достаточной степени занято разрухой промышленности, растущей не по дням, а по часам, — разрухой, ввиду безмерно растущих требований рабочих. Красноречивым он никогда не был, он говорил чрезвычайно просто и искренно, так сказать, бесхитростно, но мне кажется, что раньше всего в его обращениях к Временному правительству зазвучали панические ноты. И в частных разговорах он нередко обращался к этим темам, словно искал одобрения и нравственной помощи».

Оставаясь сторонником компромисса между предпринимателями и рабочими при сохранении свободы частной инициативы в промышленности, министр стремился договориться с социалистами и потому выступал против силового подавления выступлений леворадикальных политических сил. Он обещал приложить все усилия, *«чтобы обеспечить рабочему законодательству развитие, согласно с назревшими потребностями»*, с целью «поддержания социального мира в стране для победы над врагом». Вместе с тем, отстаивая интересы крупной буржуазии, Коновалов был решительным противником усиления государственного регулирования экономики и резкого увеличения налогообложения предпринимателей, которого требовали его оппоненты слева. В итоге из-за разногласий в этих вопросах с министром земледелия кадетом А.И. Шингаревым и министром труда меньшевиком М.И. Скобелевым Коновалов в мае подал в отставку, поскольку был уверен в том, что *«если хозяева не будут полноправными владельцами своих предприятий, то предприятия не смогут нормально работать и тогда неизбежен экономический тупик»*.

В июле 1917 года Коновалов вступил в ряды популярной тогда кадетской партии, вскоре став членом ее Центрального

комитета. Видя, как стремительно растут разрушительные процессы, всегда ранее выступавший за войну до победы, политик стал высказываться за сепаратный мир с Германией, сформулировав дилемму: «*Разумный мир или неминуемое торжество Ленина*». К этому времени либеральный политик уже расстался с некоторыми своими иллюзиями, заявляя: «*Антигосударственные тенденции, маскируя свою истинную сущность под лозунгом, гипнотизирующим народные массы, ведут Россию гигантскими шагами к катастрофе... Бросаемые в рабочую среду лозунги, возбуждающие темные инстинкты толпы, несут за собой разрушение, анархию и разгром общественной и государственной жизни... Свергая старый режим, мы твердо верили, что в условиях свободы страну ожидает мощное развитие производительных сил, но в настоящий момент не столько приходится думать о развитии производительных сил, сколько напрягать все усилия, чтобы спасти от полного разгрома те зачатки промышленной жизни, которые были выращены в тёмной обстановке старого режима*». Как вспоминал кадет В.Д. Набоков, Коновалов «*как министр торговли и промышленности яснее видел экономическую разруху и не надеялся на благоприятный исход событий. (...) Для меня представляется неразрешимой загадкой, как мог А.И. Коновалов пойти вторично во Временное правительство с его председателем Керенским. По-видимому, он считал долгом патриотизма не отказываться и думал, что до Учредительного собрания удастся дотянуть*».

Однако, несмотря на пессимистический взгляд на будущее, А.И. Коновалов вернулся в состав Временного правительства в сентябре 1917 года, став как министром торговли и промышленности, так и заместителем министра-председателя А.Ф. Керенского. Именно ему Керенский утром 25 октября 1917 года поручил организацию вооруженного сопротивления большевикам в столице. Милюков, знавший о масонских связях Коновалова и Керенского, отмечал в воспоминаниях: «*Я хотел бы (...) подчеркнуть еще связь между Керенским и Некрасовым и двумя неназванными министрами, Терещенко и Коноваловым. Все четверо очень различны и по характеру, и по своему прошлому, и по своей политической роли; но их объединяют не одни только радикальные политические взгляды. Помимо этого, они связаны какой-то личной близостью, не только чисто политического, но и своего рода политико-морального характера. Их объединяют как бы даже взаимные обязательства, исходящие из одного и того же источника*». «*...В момент крайней опасности для Керенского Коновалов вбегает оказывается (в третьей коалиции) на посту*

его заместителя, отнюдь не имея для этого поста ни личных, ни политических данных, — пишет далее Милюков. — Дружба идет за пределы общей политики. Из сделанных здесь намеков можно заключить, какая именно связь соединяет центральную группу четырех». Другой кадетский лидер, В.Д. Набоков, отмечая, что о Коновалове он «с точки зрения личной оценки, не мог бы сказать ни одного слова в сколько-нибудь отрицательном смысле», писал о нем: «И на посту министра торговли, и позднее, когда — к своему несчастью — он счел долгом патриотизма согласиться на настояния Керенского и вступил вновь в кабинет, — притом в очень ответственной и очень тягостной роли заместителя Керенского, — он неизменно был мучеником, он глубоко страдал. Я думаю, он ни минуты не верил в возможность благополучного выхода из положения». Справиться с поставленной Керенским задачей Коновалову не удалось — 25 октября власть в Петрограде взяли большевики. Вместе с другими министрами он был арестован и заключен в Петропавловскую крепость.

Полковник-монархист Ф.В. Винберг, также сидевший в это время в Петропавловской крепости, отмечал в дневнике: «... Бывшие министры имели измученный вид (...) Их очень жалко, особенно когда вспомнишь, как они, скрепя сердце, поддавшись уговариваниям Керенского, согласились вступить в ряды министерства на последние три недели власти бывшего в агонии Временного правительства. Нет сомнения, что в то время ими уже не могло руководить никакое честолюбивое соображение или чувство личного тщеславия, ибо было уже вполне ясно, что дело Керенского безнадежно скомпрометировано и будущего иметь не может. Тем не менее они согласились сделать последнюю попытку спасения их общего дела и, вступив в коалицию с министрами-социалистами, своим участием в кабинете испробовали последний козырь бесталанной ставки: пойдя на такой компромисс, они, очевидно, руководствовались сознанием необходимости исполнить свой гражданский долг и тем совершить акт доблести и мужества. (...) Воздавая им должное, не следует, впрочем, закрывать глаза и на обратную сторону медали. Я не могу не вспомнить, что трое из этих четырех министров, Коновалов, Третьяков и Смирнов, увлеченные общим революционным настроением русского общества, нашедшим живой отклик в московской крупной промышленной среде, жертвовали широко свои миллионы на дело подготавливавшегося Февральского переворота. Революционная действительность жестоко обманула их чаяния и иллюзии, показала им, каково бывает тем, кто, не зная и не понимая достаточно умно общей государственной обстановки и сути своего

народа, берется за ломку государства и управление путями народной жизни. Роковое легкомыслие ныне превратило бывших честолюбивых финансистов в разочарованных, потрясенных, виноватых и кающихся грешников, перед самими собой и перед Родиной. (...) Александр Иванович Коновалов кажется мне самым потрясенным из всех: чувствуется, как глубоко Третьяков и он разочарованы. Он рассказывал мне, сколько добра им было сделано своим рабочим на принадлежащих ему фабриках, какие дворцы были им построены для них, с какой заботой он обставил их всем возможным комфортом, всеми мерами обеспечив счастливое существование их и их семейств. Как везде, и его заботы были оплачены черной неблагодарностью. (...) ..Он до крайней меры измучился и изнервничался за всё это тяжелое для него время мытарств и постоянного беспоконья за свою жизнь; еще вчера вечером у него расходились нервы до такой степени, что он разрыдался и долго не мог успокоиться».

Отмечая далее, что отец Александра Ивановича «был во главе очень крупного дела и оставил сыну сорок миллионов», причем это был «московский купец, умный, деловитый, старого закала, которому новые порядки были бы совсем не по душе», Винберг приводил в своем дневнике любопытное стихотворение, посвященное Коновалову-сыну:

*Тень Ивана Коновалова
Появляется в «Крестах»,
Ищет он сыночка шалого
С бранью громкой на устах:
«Ну, когда б чужими кронами
Ты, как Горький, рисковал, —
Нет! Своими же миллионами
Под собою сук ломал!..
И потом еще, святители! —
Сплюнул даже старичок —
К проходимцу в заместители
Затесался, дурачок.
Вместе с «Бабушкой», с Черновыми,
Став в жидовский хоровод,
Повели путями новыми
Одураченный народ...
И до нужника вонючего
Та дорога довела...»
Эх, не смыть стыда горючего
С англоманского мурла!*

В начале 1918 года бывший министр был освобожден и эмигрировал во Францию. В эмиграции он занимался помощью русским беженцам, продолжал участие в деятельности масонских лож и кадетской партии, а после того, как в рядах кадетов произошел раскол, вступил в леволиберальную Республиканско-демократическую группу П.Н. Милюкова. Коновалов также занимался концертной деятельностью как пианист, был одним из основателей в 1932 году и руководителей Русского музыкального общества за границей.

Во время Второй мировой войны, после оккупации северной части Франции немецкими войсками, бывший революционный министр уехал на юг страны, затем в Португалию, откуда в 1941 году перебрался в США, последовательно занимая антифашистскую позицию. В 1947 году он вернулся в Париж, где 28 января 1949 года скончался на 74-м году жизни. Думается, что довольно верную оценку этому талантливому музыканту, успешному предпринимателю и в то же время незадачливому политику дал уже цитировавшийся выше Ф.В. Винберг, так написавший о представителях русских деловых кругов, ринувшихся в революцию: *«Все они хорошие, симпатичные люди, наверно, дельные, толковые и полезные для русской промышленности коммерсанты и фабриканты, но политиками были плачевными; за то и понесли суровое наказание».*

ЭКОНОМИКА ОТ ЛУКАВОГО

— Валентин Юрьевич, для начала попрошу вас объяснить мне как неспециалисту значение термина «экономика».

— Дело в том, что греческое «ойкономиа», дословно — «домашнее устройство» — породило множество понятий. В самом высоком смысле существует понятие Икономии как Божиего управления. Когда мы говорим о Божественном Домостроительстве, под этим подразумевается не только физическая среда обитания, включая землю и вселенную, но собственно Божественный замысел как таковой. Здесь акцент делается не на физической или онтологической стороне вопроса, а именно на том, что задумал Бог, выстраивая проекты под названием «мир», «вселенная», «человек».

Есть также икономиа как род отношений внутри христианского сообщества. Кроме того, существует семейная экономика, в прямом значении греческого слова означающая «домостроительство», домострой. Даже книга такая была у нас на Руси. В некоем более широком социальном плане экономика понимается как отрасль, занимающаяся возведением разных

ЭКСПЕРТЫ

объектов, включая жилые дома, городское обустройство и проч. А в самом широком социальном, общественном смысле экономика — это, собственно говоря, устройство всего нашего общего дома, всей нашей среды обитания (сродни однокоренному слову «экология»).

Но говоря об экономике государства, хочу отметить, что она не ограничивается материальной стороной. У нас совсем забыли о том, ради чего она, экономика, существует — как в широком, так и в узком смыслах. Например, меня журналисты часто мучают вопросами, касающимися цифр и темпов роста-снижения: вот, мол, премьер-министр Медведев или председатель Центробанка Набиуллина говорят, что в этом году мы достигли такого-то значения инфляции. Я отвечаю: знаете, этот показатель совершенно нейтральный. Целью экономики не является инфляция — ни высокая, ни низкая, никакая. А у нас сейчас на этих цифрах зациклились все.

Хотя для начала нам следовало бы понять простые азбучные истины. Что такое экономика сегодняшнего дня? Сейчас самое «тупое» ее понимание, самое примитивное представление о ней, которым потчуют наших студентов, — что это наука о распределении ограниченных ресурсов. Ну, извините, если это так, то это просто математическая оптимизация, а не наука. Тогда здесь экономика вообще исчезает как таковая.

Поэтому, если мы не изменим к ней сугубо рационалистический подход, то в будущем лишь продолжим бесцельный путь по колее неправильных понятий. Здесь нужен верный, надежный фундамент. Экономика — это домостроительство. Возникает вопрос: что является целью экономической деятельности? Именно целью, поскольку в наше время мало кто думает о целеполагании, зато все очень любят порассуждать о средствах. Основания сегодняшней экономики — цифры и формулы. Так сказать, буква дисциплины, но не ее суть. А ведь: *«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»* (Ин. 1, 1). Вот к чему мы должны вернуться! И для того, чтобы нам ответить на 99 из 100 вопросов, нужно понимать не букву экономики, а ее смысл.

Если экономика есть домостроительство, то что составляет ее смысл и цель? Одни говорят: увеличение богатства; другие более конкретно: для России это увеличение производства зерна, добычи нефти и проч.; в лучшем случае скажут: ну, это всё частности, а в общем — это увеличение ВВП! Это совершенно неверная установка. Потому что целью экономики является человек! Если это понять, тогда всё возвращается на свои места. Открывается, что человек — существо

сложное, многоплановое, это не только потребитель, но и производитель, созидатель. Человек создан по образу и подобию Божию, а одна из важнейших характеристик Бога — Творец. Соответственно, чтобы человек уподобился Богу, мы должны что-то созидать — умственно, физически, как угодно, но именно творить. Если человек перестает созидать, он по всем законам переходит в положение разрушителя.

— *Или потребителя.*

Да, который, потребляя, разрушает. И прежде всего себя — вот что самое страшное. Меня еще часто спрашивают: улучшилась ли у нас экономика за год? При этом ссылаются на какие-нибудь показатели — например, реального дохода на душу населения. Объясняю им: ну, реальный доход на душу населения в любой стране — это как средняя температура по больнице, а тем более в России, где уровень социально-имущественной поляризации просто зашкаливает.

Поэтому я и говорю: нельзя от чисел отталкиваться. Целью экономики должен быть человек — как существо не только потребляющее, но и созидающее. А выключенный из производственного и трудового процесса, он становится неполноценным и начинает деградировать. Труд — это ведь не столько обязанность, сколько первая жизненная необходимость, даже физиологическая. В Америке мне довелось это увидеть воочию. Когда в 90-м году я ходил по Гарлему (негритянский квартал Нью-Йорка — **Ред.**), встречал людей, уже в третьем поколении живущих на пособия, — это жалкие, до предела опустившиеся существа. Они просто не понимают, что такое трудиться. И таких примеров в мире — не честь.

А в нашей стране с горечью приходится констатировать: потребность граждан в труде государством не удовлетворена. Хотя, например, справочники Росстата пытаются убедить в обратном (официально у нас лишь 5% безработицы). Но мы же понимаем, какая это натяжка. Могу рассказать, как рисуют статистику, но это и так уже давно всем понятно. В России проживает почти 145 млн. человек, из которых около половины — дети и старики, но 70—80 млн. — это экономически активное, «самодетальное», как говорят, население. Так вот, по данным моих проверенных источников (НИИ статистики), менее его половины — 30—35 млн. — участвует в каком-либо производстве. И надо понимать, что порой их работа не представляет собой никакого созидания — те же «службы безопасности», ЧОПы, в которых задействовано множество наших здоровых мужчин, ничего не создают. Или в торговле сколько рабочих? А ведь это всё, по сути, скрытая

безработица! Потому что мужики-охранники и женщины-продавцы, имея реальную возможность, вероятно, предпочли бы заняться каким-нибудь более осмысленным делом.

— *А была ли, по вашему мнению, в нашей истории адекватная экономическая модель?*

— Россия, наряду с политическими, пережила и несколько экономических этапов или фаз... Давайте условимся, что я не буду оперировать привычными сейчас понятиями, которые мы взяли еще с советского периода: капитализм, феодализм, социализм, коммунизм, — это ведь фактически деление общественно-экономических формаций по Марксу. Как православному человеку мне ближе другая схема. Я не беру всю мировую историю, но вот, например, последние две тысячи лет..

— *Но тоже немало...*

— Да, но так наглядней — «лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии!»! Так вот, первую тысячу лет Европа жила в условиях, скажем так, власти Слова. Это то самое Слово, которое с большой буквы, одна из ипостасей Бога, Бог-Слово, Бог-Логос. Это была настоящая Словократия, потому что западное христианство еще не заразилось папизмом и прочими ересями, приведшими католиков к отпадению от Церкви в 1054 году. В этом примерно тысячелетнем отрезке, эпохе Словократии, и можно и нужно искать образчики христианской православной экономики. И особенно, конечно, — в Византии.

Дальше — Русь, которая продолжила эту линию. С крещением князем Владимиром Руси мы как бы перехватили эстафету Словократии. В Европе этот период закончился, а у нас начался. И с некоторыми оговорками она существовала на Руси до Великой смуты (1613 г.). Далее началось отступление, особенно усугубившееся после реформ Петра I. Ликвидация Патриаршества нанесла, конечно, серьезнейший удар по нашему жизненному укладу. Я бы назвал следующий период эпохой усеченного Слова. Но и она завершила существование в середине XIX века, когда на трон взошел Александр II. Ликвидация крепостного права — самая известная его реформа — была лишь частью системы переустройств, затронувших также судебную, финансовую, образовательную и военную сферы. Если сказать коротко, то в результате Россия вступила на путь числократии. Мы много беседуем и пишем об этом в РЭОШ (возглавляемое В.Ю. Катасоновым «Русское экономическое общество имени С.Ф. Шарапова». — **Ред.**); одна из последних моих книг также посвящена этому вопросу.

Эпоха капитализма фактически началась еще тогда, и не надо об этом умалчивать. Такое развитие событий запрограммировало Россию на катастрофу. Об этом говорили многие мыслители — К. Леонтьев, Ф. Достоевский, даже драматург Островский. Угроза витала в воздухе в течение полувека т.н. русского капитализма, сгущалась, росла, пока внезапно не разразилась обвалом 1917 года. Он стал последствием того, что в моей схеме называется числократией, властью чисел, ориентиром на голое наращивание цифр. Не будем сейчас углубляться, откуда взялась такая страсть... Но она закончилась в 17-м году. А на смену пришла власть лжеслова...

— *Т.е. основой Русской цивилизации было Слово?*

— Да, потому что ядром всякого суверенитета является язык. А единица языка — слово. И любое конкретное слово производно от того большого Слова, Бога-Логоса. Об этом хорошо писал А.С. Шишков — был такой русский адмирал, президент Академии наук и, как он сам себя называл, словесник (а не литератор, потому что в корне последнего термина, опять же, «литера» — буква, а у нас на Руси в корне «слово»!). Он предупреждал: редуцируя до буквы, вы разрушаете цивилизацию!

— *Надо же, как тонко! Но немного неожиданно слышать рассуждения о словесности из уст экономиста...*

— Однако они не случайны. Потому что с окончанием власти Слова образовалась некая пародия, даже карикатура на экономику. Эпоха лжеслова продолжалась весь советский период, 70 лет. Нагляднее всего ее суть можно показать на примере «Морального кодекса строителя коммунизма». Что это, как не перелицованная Нагорная проповедь Спасителя?! Я даже раскопал в архивах, откуда появился сей манифест. В 1961 году в Подмосковье собрались консультанты ЦК КПСС. Неожиданно звонок из Москвы: тут М. Суслову пришла идея, нам нужен манифест, чтобы, как говорится, человеческий фактор заработал. И вот, опуская подробности, через несколько часов и был состряпан «Моральный кодекс...».

— *Но ведь знали, от чего отталкиваться, т.е. видели в христианстве основу основ, силу!*

— Знали совершенно точно. Понимаете, диавол — это же «обезьяна Бога», по выражению Святых Отцов. И Отцы настаивают, что самый главный дар — даже не чудотворения или исцеления, а рассуждение, различение духов — где от Бога, а где от диавола. А русские люди за 200 лет «усеченного Слова», к сожалению, такое понимание в большинстве своем утратили. На эту тему писали многие духовные авторы, в

том числе священномученик Иларион Верейский. Он очень смело говорил, что XVIII—XIX века были тяжелейшими для Церкви — из-за целенаправленной разрушительной деятельности иезуитов она понесла большие потери. И еще он указывал на то, что в начале XX века, со времени прихода к власти Николая II появились первые признаки некоего возвращения к истокам...

— *Уточните, пожалуйста.*

— Например, уже витала в воздухе идея восстановления Патриаршества, от чего враги фактически расползались по щелям...

— *Но с другой стороны — революция...*

— И это парадоксально, как и многое в нашей истории... Как говорится, умом Россию не понять... Но таков был, очевидно, замысел, опять же, Домостроительства Божия.

— *А что вообще вы думаете о Патриаршестве в контексте обозначенной связи небесного и земного?*

— Здесь я как профессор позволю себе, с вашего разрешения, небольшое отступление. Когда я учился, 50 лет назад, нам преподавали «Капитал» и всё время цитировали Маркса, который говорил, что клеточкой капиталистической экономики служит товар. Глупость полная! Клеточка экономики, как мы выяснили, — человек. Экономика — это организм со своим метаболизмом (обменом веществ), т.е. в данном случае движением каких-то ресурсов, денежной системой как кровяным обращением и т.д. И понятно же, если клетка болеет, то как может быть здоровым организм?!

А что происходило с «клетками»? Люди начали воспринимать христианство не как главный смысл, а как некий ритуал. И Бога перестали бояться, и потеряли веру в бессмертие... Т.е., утратив домоуправление церковное, загубили домоуправление и обычное, земное. И началось это именно с Церкви. Так, митрополит Вениамин (Федченков) откровенно писал, что половина революционеров были выпускниками семинарий. Поэтому правильное иерархическое управление в Православии крайне важно — чтобы в церковном лоне вызревали нормальные, здоровые «клетки»!.. Обратите внимание, в России до середины XIX века никто специально не изучал экономику в университетах — ее просто не было. Это «дохлая кошка», которую нам подбросили с Запада!

— *А что тогда было — хозяйствование? Откуда люди черпали познания в этой области?*

— Был «Домострой»! Там всё прописано — и как детей воспитывать...

— *Т.е. ничего нового изобретать не следовало?*

— Конечно, это всё от лукавого! Наш русский человек доверчив. Он думает: если что-то непонятно, значит, очень умно, а если очень умно, то, наверное, нельзя упустить, надо послушать... Помните, как в Евангелии после исцеления слепорожденного юноши фарисеи возмутились его простым ответом и сказали: «Да ты невежда в законе!». Понимаете, вот эта «наука», т.е. псевдонаука, именуемая современной экономикой, — это в целом способ возвыситься над людьми и управлять ими. А люди дают возможность управлять собой потому, что забыли главную истину — над ними есть Бог, и только Ему можно подчиняться, а не «премудрым» самозванцам. И человек, который перестает доверять Богу, сразу попадает под контроль таких самозванцев. А их тьма-тьмуца, это лжепророки наших времен. У меня сейчас даже книга об этом готовится к выходу — о науке и дарвинизме как религии. Т.е. нам навязывают эрзац-религию и эрзац-науку, и всеми этими подменами заправляет «обезьяна Бога». Но люди стали слепы, поэтому клюют на такие удочки.

Однако не исключаю, что за последнюю четверть века все уже наелись этой числократии и опять хотят Слова. Но вместо Слова нам вновь попытаются подsunуть лжеслово. Поэтому сегодняшняя миссия Церкви судьбоносна. Но, к сожалению, как вы понимаете, в ее лоне тоже присутствуют...

— *Да, и в Церковь проникают силы, не заинтересованные в раскрытии той правды, о которой вы говорите.*

— Совершенно верно!

— *Та же «Экономика в условиях глобализации» — документ, который вы анализировали, — яркое тому подтверждение.*

— В истории с этой «Экономикой...» интересна одна деталь. Вы, наверное, слышали о том, что папа римский Франциск обнародовал некий документ, распиаренный СМИ, правда, надо отдать должное, с негативным оттенком. Так вот, папа предложил создать Всемирный центральный банк! Я нашел этот циркуляр на итальянском, французском, английском; прочитал его ночью, а утром меня осенило — где-то нечто подобное уже встречалось... Да это же документ РПЦ «Экономика в условиях глобализации»!..

— *Скажите, вот вы обличили экономику, которую нам «подбросили с Запада»...*

— Да, но речь шла о т.н. экономической науке. Я говорил о таком немецком, рационально-протестантском понимании — деятельности, основанной на расчетах для выгоды, когда всё предельно логично и цинично. А сама по себе экономика — это творчество, которое выше любой науки.

— *И как же вы пришли к пониманию экономики в возвышенном смысле?*

— Я крестился только в 40 лет — пути Господни неисповедимы. Но я всю жизнь старался до всего докапываться. Как говорят: полужнание удаляет от Бога, а глубокое знание приближает к Нему. У ребенка обыкновенно живо заложенное Богом желание дойти до первопричины, а взрослым свойственно всячески приспособливаться и останавливаться. Они зачастую перестают проявлять любознательность, любопытство в хорошем смысле слова. Но у меня как-то сохранилось это стремление углубляться до сути, и оно постоянно подталкивало к поискам. В советское время я преподавал в достаточно серьезных структурах. Там получали второе высшее образование люди, которые планировали затем ехать за границу — решать важные задачи. И тем не менее я уже тогда им многие вещи объяснял смело, что отчасти позволялось руководством, понимавшим, что моим слушателям предстоит работать в суровых условиях. Например, я говорил им, в том числе партийным работникам: все-таки в экономике материя вторична, а первичен дух!..

— *А чьи труды для вас послужили духовными ориентирами? Читали ли вы, допустим, митрополита Иоанна (Снычева)?*

— Конечно. «Русская Симфония» — очень ценная историсофия. Но таких авторов, к сожалению, немного. Я даже издал книгу «Метафизика истории», где попытался собрать воедино все источники — по той причине, что не нашел ответы на многие исторические вопросы. Классиком в данной области считаю Льва Тихомирова. Его «Религиозно-философские основы истории» — моя настольная книга, некогда вдохновившая к написанию «Религиозно-философских основ экономики»...

— *Валентин Юрьевич, что вы можете сказать об экономике современной России? Откуда эта разруха сельского хозяйства, производства, зависимость от импорта и иностранного капитала и т.д.?*

— Просто русские люди ослабли духом. У нас есть все необходимое и достаточное для построения мощной, развитой экономики — территория, природные ресурсы, даже старые специалисты еще живы, которые знают и помнят тонкости экономического успеха, но... нет духа! Созидает и животворит дух, а без него все эти земли и богатства — лишь мертвая материя, способная только разрушаться. Господь говорит об этом в евангельской притче про обуюющую соль. Соль нужна для того, чтобы препятствовать процессам гниения и разложения в продуктах. А сегодня в нашем обществе «соли» практически нет. Поэтому и происходит всеобщий распад. Все, что было создано нашими предками, мы не можем удержать

от разрушения — образно говоря, оно тает, как мартовский снег. А мы на это молча и безучастно смотрим. Мы — не созидатели.

К слову о созидании, об идеологии, за обретение которой сейчас так ратуют. У патриарха Кирилла есть правильные слова о том, чем идеология отличается от христианского мировоззрения. Последнее — вечно, всегда свежо и актуально, а любая идеология рано или поздно — обычно уже через 20—30 лет — «протухает». Вот я и боюсь, что сейчас насытившимся либерализмом и рыночной экономикой людям могут явиться новые лжепророки со словами обольщения: «Вы, конечно, устали от старых идей, от «рынка»... Мы предлагаем вам справедливость...»

— *И под песни о «новой идеологии» начнут претворять в жизнь свои глобализационные планы! Цифровое общество, электронные государственные услуги, безналичные расчеты, нумерация людей как элементов Сети — всё это сегодня преподносится как технологический прогресс, сугубое удобство и величайшее благо...*

— Да, цифровая экономика — это уже фактически четвертая фаза, она же и последняя — переход от числократии к *цифрократии*. Цифра в числе — как буква в слове. Изначально цифры выполняли конкретную функцию — числообразования, так сказать. А сегодня цифра — это идентификатор, набор цифр имеет идентификационную функцию. Смысл ведь не в числе, а именно в комбинации цифр как номере, подтверждающем, что мы имеем дело с определенной личностью, а не с какой-то иной. Вот это и есть цифрократия.

Другая ее особенность заключается в том, что цифра становится элементом управления. Слово «цифра» в английском языке имеет два варианта: «figure» и «digit». Первый — классическое обозначение цифры в числе, а второй — он сегодня тоже часто встречается — это просто управляющий сигнал. Набор «диджитов» позволяет идентифицировать личность и производить с ней операции. И понятно, что управляет всем этим «цифровым хозяйством», «диджитами» «большой брат», по Оруэллу. А кто управляет «большим братом»? Та самая «обезьяна Бога», дьявол, по Святым Отцам.

Те. всё предельно просто, но объяснить это светским людям бывает трудно. Иногда говорят: «Что же вы хотите, это же объективные процессы — развитие науки и техники...» Но, извините, если действительно рассматривать человека как творческое существо, то надо понимать, что он способен решать огромный спектр задач. В молодости я увлекался прогнозированием научно-технического прогресса, читал

всякие американские книги, интересовался разработками, футурологией... Ведь перед людьми открыто еще столько направлений для развития — например, энергетика. Уже сегодня есть технологии, которые позволяют пользоваться неисчерпаемыми и бесплатными источниками энергии...

— *Только разрабатывать и внедрять их почему-то не спешат...*

— Вот именно! При том, что всё необходимое есть. Но действуют, как говорится, «политические барьеры». А точнее — шкурные интересы! Т.е. некие «менеджеры» выбрали для научно-технического прогресса только отдельные направления.

Знаете, я никогда не увлекался научно-технической фантастикой. Но недавно президент, выступая перед Федеральным собранием, использовал термин «цифровая экономика» и, более того, даже сказал, что на этом направлении мы можем обеспечить себе прорыв. Позже ко мне подошел советник ВВП (один из немногих, с кем я доверительно общаюсь) с вопросом: «А вы могли бы проконсультировать по части цифровой экономики?» Вот тогда я уже задумался над некоторыми метафизическими вопросами этого явления. Почему же из всех направлений научно-технического прогресса свет клином сошелся именно на КТК, на компьютерных телекоммуникациях, а всё остальное мировых политиков не интересует?! Начал свое исследование с Жюль Верна, прямо розыск устроил: какие были романы на эту тему написаны, какие там прогнозы? От Жюль Верна перешел к англичанину Герберту Уэлсу, потом — к Евгению Замятину, его антиутопии «Мы». Далее, естественно, к Джорджу Оруэллу, затем — к Олдосу Хаксли... Они же все «посвященные» «ребята», между прочим! И, наконец, последний — это Рэй Брэдбери, «451 градус по Фаренгейту», «Ребята», надо сказать, писали давно, а видели нынешний день! Ну, например, Замятин — 1920 год, а у него уже есть «человек-номер»! Вот откуда им всё это могло прийти еще тогда?!

— *И откуда?!*

— Как я уже заметил, это были «посвященные» люди. Я намеренно изучил некоторые их связи, их биографию — и Оруэлл человек тоже непростой, а уж про Хаксли вообще не говорю — это черная аристократия в каком-то поколении. Кстати, он — один из потомков Гексли, активного пропагандиста эволюционной теории. Это масоны 33-го градуса, иллюминаты, которые прошли все инициации, и, безусловно, их вдохновляла та самая «обезьяна». И хотя «обезьяна» не имеет дара предвидения, но может направлять умы человеческие — об этом пишет, например, святитель Игнатий

(Брянчанинов). И особенно дьявол любит работать с т.н. технической интеллигенцией — она очень внушаема. Так, если представителю этой категории подбросить романчик Замятина «Мы», а еще и дать почитать Брэдли, то он загорится. Ни пить, ни есть, ни спать не будет — начнет фанатично создавать эту цифровую экономику!

Сделаю небольшое отступление. Один мой знакомый, будучи человеком православным, как-то заинтересовался каббалистикой. Я же всегда считал себя выше этого. Когда в Америке, например, книжные магазины были завалены каббалистической литературой, я принципиально проходил мимо, даже не останавливался возле этих полок. Но знакомый, когда узнал мою позицию, заметил: «А зря!» И вот после событий 11 сентября 2001 года, которые меня сильно заделли своей неопределенностью, я начал «копать» в этом направлении. Естественно, вышел на тот уровень, где люди обладают каббалистическим сознанием. Да, размышляя я, может быть, атаку на башни совершили какие-то террористы, через которых заказчикам надо было создать управляемый хаос, что и произошло. В истории человечества это уже было, Перл-Харбор — провокация подобного рода. Есть заказчики, есть исполнители. А этих ребят я называю «обезьяна с гранатой». Это исполнители и заказчики в одном лице, типаж современного мира. Например, какой-нибудь фанатик-каббалист рассуждает так: «Ага, сегодня у нас такое-то февраля 2017 года. По прогнозам должно произойти то-то и то-то. А чтобы это точно произошло, давай-ка я сам этот прогноз и осуществлю (взорву себя или заплачу каким-нибудь саудовцам-смертникам)». Вот примерно их логика!

По событиям «9/11» я «докопался» до этих каббалистов и понял, что они пытаются управлять миром через, как мы это называем, самореализующиеся прогнозы, самореализующуюся каббалистику. Учитывая, что они вооружены очень хорошими «гранатами», — Вы понимаете, что в переносном смысле, — они это могут делать запросто. Отсюда и такое широкое распространение терроризма.

И теперь, возвращаясь к нашему разговору о цифровой экономике, — я считаю, что это как раз особая, если говорить с некоторым оттенком условности, конспирологическая цепочка, которая объясняет, зачем нужна и почему используется именно цифра. Так, мы знаем, что *«и бесы веруют и трепещут»* (Иак. 2, 19). Но бесы лучше нас знают Священное Писание, Апокалипсис, о печати антихриста на чело или правую руку человека — и они работают на этот проект! Работают, чтобы «осуществился прогноз», цифровой сценарий.

Их проект называется «электронно-банковский концлагерь». Я, естественно, описываю всё это, исходя из своих представлений: как исчезают наличные деньги, перестраиваются банки и т.д.

— *А почему апокалиптическая система требует упразднения «налички»?*

— Потому что в противном случае адепты цифры не могут внедрить «начертание зверя». И смотрите, как все события стягиваются к одной точке, — сейчас всё решают буквально дни, месяцы, годы... Вот, федеральная резервная система дышит на ладан... Глобализация готова на 95%. В этой системе уже не будут нужны ни денежные станки, ни банки. Но пока еще глобалистам требуется долларовый станок, они тянут время — понимая при этом, что долговая пирамида может обрушиться. Есть и другие факторы. Поэтому все на нервах. Одно резкое движение — и система посыпется. Ты, грубо говоря, поднял руку на Китай, а он в ответ выбросит один триллион долларов американских долговых обязательств. И тогда американский доллар рухнет, а США потеряют инструмент глобализации. А им нужно дойти до финиша с помощью своих проверенных орудий (долларов), завершить глобальный проект. Иначе как же планы Мошиаха, антихриста?! Ведь цель этого проекта — посадить на мировой трон Мошиаха. А хозяева денег считают себя его предтечами. Они — люди глубоко религиозные и убеждены, что выполняют крайне важную и ответственную миссию. Это не наши олигархи, у которых всё кончится на нолях. К моменту прихода Мошиаха уже должна быть цифровая экономика, цифровое общество — деньги как таковые исчезнут, окончательно сформируется электронный концлагерь. Но пока глобализация еще не завершена. Представьте, они усаживают Мошиаха, а он выясняет, что не является хозяином мира, потому что где-то там какая-то автономия, кто-то еще себя считает суверенным (Новороссия, например, не вписывается в их планы), — понимаете, это не по сценарию! Поэтому им надо «дожать» глобализацию. Чтобы «дожать», используется главный инструмент — доллар. А станок его раскалился, он может в любой момент развалиться. Поэтому сейчас у всех, кто в курсе дела, нервы предельно напряжены! Мошиах уже сидит и ждет, а его всё никак не приглашают!..

— *Возникает вопрос: можем ли мы как-то отсрочить его воцарение? Насколько эти деструктивные процессы, в частности, в области экономики, необратимы?*

— Ну, если мы будем ко всему подходить материалистически, с внешней стороны — то, конечно, ничего не сделаем.

Останемся наблюдателями, напрасно теряющими нервные клетки. Молиться надо! Каяться, понимая, сколько дров мы наломали. Потому что какой смысл в очередной отсрочке, если мы не сможем ею воспользоваться и придем к тому же? Для того чтобы восстановить экономику — нормальную, здоровую — нужны не больные клетки. А мы пока еще больны. И что нам даст тогда новый шанс, если мы окажемся в том же болоте?!..

— *Как же исправить ситуацию? На фундаменте недоделанного, разрушенного начать строить, как надо, или взять за основу что-то иное — проверенное — из истории?*

— Эх, сосчитать бы, сколько мы понесли, мягко выражаясь, издержек! Методом проб и ошибок мы очень долго ищем подходящую модель экономики... Под издержками, кроме прочего, подразумеваются и человеческие жизни. И что, опять будем экспериментировать?! Полагаю, в нынешнем волчьем окружении Россия сможет выжить только с моделью мобилизационной экономики, которая была создана Сталиным, и нам следует взять уже готовые чертежи. А современные «изобретатели», считающие себя суперумными, прямо-таки новыми Кулибиными, как правило, оказываются людьми невежественными, не знающими прошлого. Ко мне много таких приходит — на грани пациентов палаты №6, с формулами по спасению российской экономики и всего человечества. А всё почему? Завышенная самооценка. Они не хотят учиться, не понимают, что у нас тысячелетнее богатейшее наследие. Вот наше Экономическое общество носит имя С.Ф. Шарапова — они бы хоть почитали, что он делал, что предлагал перед революцией. Большевики, кстати, читали Шарапова и часть его идей взяли, когда создавали свою мобилизационную модель.

— *А почему из всего огромного наследия вы отдаете предпочтение именно идеям Сталина? Как насчет, например, имперской экономики начала XIX века, до появления банкротии?*

— Потому что они наиболее соответствуют текущему моменту. Хотя и эти формулы необходимо адаптировать к нынешним условиям. А при царской России мир был совсем иным. Можно, конечно, предложить что-нибудь и из Древнего Рима или из Византии. Но не работает — жизнь изменилась кардинально.

— *Однако здесь возникает проблема идеологической совместимости. Вот та же Новороссия: люди создают некое подобие социалистического государства, вроде бы не отвергая и Церковь... Поэтому не совсем понятно, насколько сталинская модель сочетается с Православием.*

— Разумеется, и к ней есть немало претензий — это далеко не идеал. Я лично не раз дискутировал с Зюгановым и его окружением, у которых не наш алгоритм. Христианство для них — это так, бантик сбоку, — они абсолютно не понимают его смысл. А человеку, который пытается жить по-христиански, имеет какой-то минимальный духовный опыт, не надо объяснять простые вещи: блаженнее давать, чем принимать; если чем-то пожертвуешь, то это возвратится в десятикратном размере, и т.д. Но, к сожалению, в мире экономики эти евангельские истины открыты лишь единицам. И если я начну говорить о них перед какой-нибудь высокой светской аудиторией, на меня посмотрят с недоумением и покрутят пальцем у виска. Поэтому часто приходится изъясняться притчами, с помощью аналогий. Например: «Чертежи у нас готовы, чудо-автомобиль есть, а бензина к нему — нет!..» Меня спрашивают: «Вы экономист, скажите, кто из министров или какое из министерств наносит наибольший урон российской экономике — Минэкономразвития, Минпром, Минсвязь, Минсельхоз или, может, ЦБ?» Отвечаю: «Образование!» Эта система на три порядка страшнее, чем остальные вместе взятые! Вдруг еще бензин производить начнут — машина заведется!..

— *Каким вы видите путь человека, начинающего осознавать необходимость покаяния, перемены образа мыслей и жизни ради личного спасения и возрождения Отечества? Как ему уклониться от соучастия в построении глобальной системы антихриста?*

— Без трудностей, естественно, ничего не бывает. Но нет проблем непреодолимых. Многого достигается путем проб и ошибок, я и сам не исключение. Готовых рецептов у меня нет. Но вектор у нас один — всегда и везде, в любое время и в любом месте: «*Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам*» (Мф. 6, 33).

Беседовала Анастасия Державина

Русская народная линия

МАРАЗМ ЕВРОПАРЛАМЕНТА

15 января 2017 года РИА Новости сообщили: «Российский сенатор Алексей Пушков назвал «маразмом» идею европарламентариев наделить роботов юридическим статусом и возложить на них ответственность за совершённые действия». На самом деле всё не так просто.

Социалист из Люксембурга Мади Дельво-Стер действительно, внёс в Европарламент законопроект о предоставлении роботам правового статуса «электронных лиц». Депутат заявил, что из-за внедрения роботов, андроидов и других форм искусственного интеллекта сейчас в мире происходит технологическая революция, и Евросоюзу необходимо установить базовые этические принципы и юридические рамки, регулирующие работу электронных устройств, созданных по принципу живого организма.

По мнению автора документа, по мере того, как роботы начинают действовать всё более автономно, становится сложнее считать их «лишь орудиями в руках других субъектов» — производителя, владельца или пользователя. Эти устройства должны быть наделены правами и обязанностями, считает Дельво-Стер.

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

В частности, в тексте законопроекта говорится: «Обычные нормы ответственности становятся неэффективными, и появляется необходимость создать новые нормы, которые, в первую очередь, определят, как аппараты могут быть привлечены к ответственности — полной или частичной — за свои действия или бездействие».

По всему видно, что Мади Дельво-Стер предлагает свою законодательную инициативу с дальним прицелом. Законопроект люксембургского депутата получил одобрение Комитета по юридическим вопросам Европарламента.

Идея создания человекоподобных роботов из фантастических бестселлеров давно уже перекочевала в практическую область. Причем этот процесс имеет два встречных направления.

Первое — создание умных машин, обладающих человеческими чувствами и разумом, но действующих по заранее заложенной программе, а затем и самообучающихся. Эти устройства со временем могут потребовать себе человеческие права и даже потеснить человека на тех поприщах, которые были для роботов недоступными.

Второе направление — создание e-Номо (электронного человека) на базе Номо sapiens (человека разумного). По мнению генерального директора Российского НИИ искусственного интеллекта академика Александра Нариньяни, «человечество вступило в новую фазу эволюции. Мы стремительно растаем в информационные технологии (IT), а они — врастают в нас. Наступает новый этап цивилизации, касающийся как всего человечества, так и каждого человека — его личности, тела, образа жизни и даже души!»

Это новый вид существ, поначалу сохраняющий биологическую принадлежность к человеку разумному, но качественно отличающийся от него за счет симбиоза с электроникой, продуктами сверхвысоких технологий, Интернетом. Постепенно начнется всё более широкое внедрение в организм человека датчиков и других приборов, получивших уже название молекулярных роботов.

Тело человека будет становиться всё более прозрачным и управляемым. Новые технологии будут использоваться для коррекции психики e-Номо — ограничения агрессии, блокирования боли, мобилизации сил и других качеств. Предполагают, что к середине XXI века e-Номо с самого момента рождения будет находиться в своего рода коконе — технологической оболочке, выполняющей функции его воспитателя, учителя, а затем его секретаря и помощника...

И здесь границы между воздействием в интересах личности, общества или «третьей стороны» очень условны, ибо пред-

ставляют всё более широкий простор для манипулирования сознанием и организмом человека. В е-цивилизации явно проступают элементы антиутопии: трансформация Номо в е-Номо обеспечивает прозрачность члена общества, делая его идеальным объектом морально-психологического воздействия в любую «правильную сторону». В конечном итоге это будет не человек разумный, а управляемое существо. Вопрос лишь в том, кто будет им управлять.

По мнению автора идеи «электронного бессмертия» научного сотрудника NASA профессора Александра Болонкина (1933—1987), е-Номо будет состоять из чипов и сверхпрочных материалов. Мозг его будет питаться от радиоактивных батареек (способных работать десятки лет), а мышцы — от малогабаритных ядерных двигателей. Причем клонировать е-Номо профессор Болонкин предлагал из тех самых капелек крови, которые будут содержаться в генетических базах данных: «Не тратя времени на детство, взросление и процесс обучения, испытывая в виртуальном мире все мыслимые и немыслимые наслаждения за долю секунды, бывший человек — е-Номо — не будет нуждаться в пище, воздухе, жилище, сне, отдыхе, экологически чистой среде. Он сможет менять свой облик, обладать невероятной силой, видеть сквозь стены, общаться на огромных расстояниях, переписывать мгновенно в свой мозг любые знания, внетелесно перемещаться на гигантские расстояния, самостоятельно размножаться (копировать себя. — **Авт.**) и хранить свои копии отдельно, арендовать другое тело...»

Увы, отнюдь не «властелина Вселенной» описал профессор, но — беса! Недаром святые отцы предупреждали, что все темные силы, все духи злобы поднебесной в последние времена выйдут из мрачной утробы ада и материализуются, найдут себе обиталище в телах людей, утративших имя, веру, образ и подобие Божие.

Идеи профессора Болонкина получили свое дальнейшее развитие. В 2011 году было сформировано «стратегическое научное» общественное движение «Россия 2045», имеющее трансгуманистическую направленность и выступающее за «развитие человека», в том числе за счет ускорения технического прогресса и интеграции продуктов современных технологий в тело человека.

Инициативную группу возглавил президент холдинга New Media Stars Дмитрий Ицков. На 16 ноября 2015 года в состав движения вошли более 40 000 человек из России, США, Европы и других регионов планеты.

Число «2045» в названии движения означает год наступления технологической сингулярности. Представители

движения считают, что не позднее этого года искусственное тело e-Ното «не только значительно превзойдет по своим функциональным возможностям существующее, но и достигнет совершенства формы и сможет выглядеть лучше человеческого».

Так враг спасения и вечный противник Бога мечтает превратить венец творения — человека — в роботизированное, послушное, безвольное, бездумное и безумное существо, неправедным оболыщением уведя его от Создателя, сделать своей безликой, жалкой, безобразной вещью.

Андрей ЛУКЬЯНЧИКОВ

НЕОЛИБЕРАЛЬНОЕ СВЯТОТАТСТВО

То, что сегодня происходит в российской экономике — можно однозначным образом охарактеризовать как глубокий и затянувшийся кризис со всеми соответствующими выводами и вытекающими обстоятельствами.

Казалось бы, экономическая активность никуда не делась, «экономика трубы» круглосуточно и почти безупречно работает, принося огромные доходы, но общая экономическая система государства не развивается, а из года в год системно и структурно деградирует.

Все пропагандистские заявления о наконец-то появляющихся успехах — от лукавого. Дикторы и корреспонденты новостных телепередач просто передают в эфир то, что им уготовлено передавать, да и многие авторы достаточно популярных в народе печатных изданий не очень-то далеко ушли. Что-то приукрасят, где-то исказят, и в итоге получается совсем неплохая «картинка».

С одной стороны, понять российских издателей и вещателей в какой-то мере можно. Всегда существует риск так на-

зываемых мер карательного воздействия. Например, очень легко лишиться лицензии и прекратить свое коммерческое существование. Не хочется, видимо, и постоянно критиковать многоуровневые властные структуры за их ошибки и просчеты, тем более тогда, когда этих противоречий и проблем накопилось слишком много. Всегда хочется поддержать, помочь, дать очередной шанс — это также вполне убедительный аргумент в пользу медийного подыгрывания.

При всем при этом, фальсифицированное властно-информационное сотрудничество, а такие случаи часто встречаются, имеют далеко идущие негативные последствия — и экономические, и социальные. Дезинформация всегда и везде самым отрицательным образом влияла на состояние общества, на перспективы поступательного развития государства. Именно в таких случаях формируются элементы несогласия и недоверия.

Все без исключения представители средств массовой информации должны понять и осознать главное — только посредством разумного критического анализа можно выявлять, признавать и разбирать ранее совершенные ошибки или недоработки. Если президент России открыто говорит о трудностях и негативных процессах в отечественной экономике, то телевизионщикам и газетчикам просто было бы стыдно делать «липовые» информационные вбросы об «огромных успехах» и «уникальных достижениях» в «успешно развивающейся» российской экономике.

Жизнь современного человека абсолютно немыслима без телевидения. Оно информирует, учит, воспитывает. Следовательно, это средство массовой информации несет в себе огромную духовную миссию для общества и для каждого отдельно взятого человека. Руководство любого телеканала (коммерческого предприятия) должно осознать и постоянно ощущать огромный груз моральной ответственности за свою работу, за каждый предложенный своему потребителю информационный продукт. А государство, вне всякого сомнения, должно самым надлежащим образом умело координировать и строго контролировать деятельность всех предприятий и структур, работающих в сфере телевидения.

Абстрактные рейтинги, потоки рекламы и коммерческая выгода не должны быть мерилем успешности того или иного канала. Надо работать на интересы общества и человека (и государства!), а не осваивать и отрабатывать деньги разного рода спонсоров и рекламодателей. Нужны ответственные и талантливые профессионалы, нужен серьезный творческий

подход. Тогда и передачи станут тематически более разнообразными, интересными и полезными.

Сегодня, к сожалению, получается все наоборот. На бизнес-доходы своих владельцев и повелителей, на средства российских и зарубежных рекламодателей, на частные пожертвования и государственные субсидии припеваючи живет и работает нынешняя огромная информационно-развлекательная машина российского телевидения. О качестве работы судить трудно, его, к сожалению, не видно. Как и не видно критериев оценки этого качества. Принцип современного телемагната предельно прост: вы дайте нам деньги, а мы будем показывать всем вам то, что сможем показать. Советы со стороны и рекомендации тематических специалистов воспринимаются болезненно. Мы, дескать, тут самые одаренные, самые талантливые и самые умные. Не надо нас поучать.

Просьбы телезрителей, то есть тех, для кого телевидение изначально было предназначено, давно «канули в Лету». Запросы рядового потребителя практически не учитываются, за крайне редким исключением.

Вот и показывают телезрителям каждый день по всем имеющимся «кнопкам» откровенно низкопробные телесериалы — пародии на кинокартины. Как результат, степенный обыватель каждый вечер наблюдает откровенную кустарщину, дешевку. А специально приглашенные на телевидение «эксперты» традиционно восхищаются на сей счет: «Потрясающе! Какой шедевр!»

Совершенно очевидно, что уже давным-давно никакие шедевры не выходили на российские телеэкраны — всё это сушие домыслы отдельно взятых товарищей «по цеху».

Удивляет такая довольно странная и беспринципная позиция всех этих «выдающихся» режиссеров, снимающих пустые и неприглядные сериалы, но по-прежнему высокомерно полагающих, что они предложили зрителю «новое прочтение» выдающейся литературной классики. Вывод очевиден: планка отечественного кинематографа опущена почти до пола.

Еще более возмутительным является факт практически полного отсутствия добрых и умных детских кинофильмов и телепрограмм. А ведь на них когда-то росли и воспитывались целые поколения наших молодых граждан: будущие инженеры, учителя, офицеры, врачи, строители, ученые, руководители крестьянских хозяйств и многие-многие другие.

Чему хорошему и полезному могут научить такие передачи, как «Давай поженимся», «Наша Раша», «Камеди клуб»,

«Дом-2», «Вечерний Ургант», «МаксимМаксим» и многие другие. Ни ума, ни фантазии. Мало того, некоторые из этих «шедевров» являются банальными американскими римейками. Весь их дешевый смысл, если это можно назвать смыслом, — это кривляние и оболванивание людей.

Время идет, но по-прежнему без ответов остается огромное множество важных и актуальных вопросов. Почему в стране и регионах не создают качественные детские познавательные передачи? Почему нет хороших, в воспитательном плане прежде всего, художественных фильмов для детей школьного и юношеского возраста? Почему вместо интересных и добрых отечественных мультфильмов дошколятам показывают спорную по содержанию заморскую белиберду? Почему главным «героем» нашего времени является паяц?

Воспитание настоящего человека и развитие здорового общества — вот с чего надо сегодня начинать на высоком государственном уровне. А параллельно с этим продолжать тотальную борьбу с коррупцией и финансовой спекуляцией, а также осуществлять деофшоризацию экономики и поднимать промышленность. Лишь тогда появится реальный шанс по-настоящему разработать программу дальнейшего развития отечественной экономики. Для осуществления всех этих насущных социально-экономических задач потребуются стойкие, смелые, порядочные, хорошо образованные и честные молодые люди.

Татьяна ШАБАЕВА

БОЛЬШАЯ ИСТОРИЯ В ГОРОДЕ АВДЕЕВКЕ

Вспоминая время накануне 1917 года, прокурор, председатель Петербургской судебной палаты С.В. Завадский писал о том, как скоро потускнело обаяние царского имени в представлении широких масс.

Если после революции 1905 года помещиков на митингах ругали много и охотно, а за сомнения в нужности царя там

же, на митинге, могли и побить, то спустя десятилетие процессы об оскорблении монаршего имени и царской семьи стали обычным делом.

Если вам говорят, что «русский народ по природе монархист», «русский народ не представляет жизни без царя» — не нужно в это верить.

Землевладелец и депутат А.В. Еропкин, наблюдая, как грабят его имение в Рязанской губернии, с горечью писал, что умилённые славянофилы-почвенники понимали народ хуже, чем даже большевики (к которым, понятно, Еропкин не питал никакой симпатии), сумевшие вовремя воспользоваться народной мечтой о «земле и воле».

Это правда. Но и глубокое почтение к царскому имени всего за десять лет до того — правда тоже.

Зачастую это правда одних и тех же людей, потому что людям свойственно хотеть чего-то, исходя из кратковременных обстоятельств, не заглядывая в будущее. И люди не любят признаваться в надеждах на то, что считают невозможным, потому что не хотят казаться дураками.

Мне посчастливилось побывать в Крыму в самом начале марта 2014 года — еще до того, как в Москве было принято решение присоединить Крым. Ну, или — в зависимости от точки зрения — разрешить Крыму просить о присоединении. Я говорю — посчастливилось, потому что та поездка навсегда опрокинула мою веру в сощопросы.

За исключением нескольких севастопольских гражданских активистов, все крымчане, с кем я разговаривала тогда и кого слушала (не как журналист — как случайный собеседник), выражали уверенность в том, что присоединение Крыма к России «хорошо бы, но невозможно».

Или даже так: «Путину мы не нужны». Верхом мечтаний было — восстановление крымской конституции 1992 года. И крымские газеты — даже севастопольские газеты — в первые дни марта 2014 года писали именно об этом, а не о том, что наш дом — Россия. А крымское телевидение разъясняло, почему референдум, назначенный на конец марта, перенести поближе ну никак не возможно — «по техническим причинам».

Всё перевернулось в один день, 6 марта 2014 года. Представьте: утром этого дня я ехала в Симферополь на долгой старой электричке, читая в местных газетах о том, что даже если референдум в Крыму состоится, он будет незаконным. И о том, что если только нам очень повезет, может быть, удастся выбить у Украины прежние права автономии и вернуться к конституции 1992 года.

Вечером того же дня люди, которые вчера говорили мне, что они «не против Украины», с нескрываемой радостью говорили, что всегда мечтали, чтобы Крым был с Россией. И не врали ни тогда, ни сейчас — просто вчера они не считали возможным надеяться на то, на что надеялись сегодня.

Да, 6 марта 2014 года Россия дала Крыму понять, что приглашается принять его как свою часть. В тот же день «непереносимый» референдум был перенесен на две недели.

Я никогда этого не забуду, как не забуду и 8 марта — чистого восторга запруженной народом площади Нахимова, где даже десятилетние мальчишки светились от радости, крича: «Ра-си-я! Ра-си-я!». Без преувеличения: это был один из самых счастливых дней в моей жизни.

Но наши решения часто имеют больше одного последствия. И мы вряд ли понимаем, что тогда, в марте 2014 года, дав зеленый свет Крыму, Россия поманила Донбасс.

Мы дали Донбассу понять, что великая потаенная надежда русских Украины вот-вот станет явью. И всё, что произошло с Донбассом потом, всё, что происходит с Донбассом сейчас, — продолжающиеся, несмотря на «минские соглашения», обстрелы его школ, больниц, жилых домов — наша ответственность, если только мы не готовы признать себя таким же находящимся под внешним управлением недогосударством, как Украина. Или как ЛНР-ДНР.

Побывав в Луганске и Донецке, я могу констатировать, что люди там крымчан ничуть не хуже: ничуть не меньше хотели быть с Россией, ничуть не меньше боялись неприятностей, не хотели войны (ее никто не хочет, но она бывает, как бывает смерть) — и прятали свои надежды, пока им не дали понять, что в эти весенние дни нет ничего невозможного.

Сегодня, когда снова говорят «Авдеевку обстреливают, Донецк обстреливают, погибли мирные жители», мне представляется это не новостью, а образом — образом вымершей улицы Стратонавтов рядом с донецким аэропортом, где тянутся многие десятки, сотни развороченных жилых домов — таких же, как в любом из российских предместий, только разрушенных, мертвых.

Зачем всё это было?

И когда измученные бомбежками дончане говорят, что «понижают Россию», — это неправда, они не понимают, почему должны умирать в собственных домах, если в тылу у них одна из самых мощных держав мира, говорящая с ними на одном языке и отправляющая своих военных аж в Средиземномо-

рье.

Но сказать, что Россия их предала, — всё равно что называть самих себя глупцами и признать, что всё было напрасно. Об этом больно даже думать.

И когда дончане говорят, что «никогда не простят Украину», — это неправда тоже: если придется — они простят и забудут. Ну а мы уже простили, и забыли, да и, кажется, никогда не прекращали риторику про «*братский народ, который сбился с пути*».

С другой стороны, это не значит, что так будет всегда. В иное время будут иные актуализации смыслов.

«Вечных русских истин» — истин, справедливых всегда, именно и только для «русского менталитета» — не существует, но это намного менее важно, чем то, что сами границы русских сегодня не определены, и одно это определение может стать великой национальной идеей.

Впрочем, может и не стать: быть субъектами истории суждено не всем, а сами по себе люди к большой истории обычно равнодушны.

С большой историей работает пропаганда. Иногда она так и говорит: «Не вмешивайтесь!»

В собственную пропаганду начинают верить даже правители. Накануне Февральской революции министр внутренних дел А.Д. Протопопов писал в докладных записках монаршей семье, что всякая революционная попытка будет смыта волной народного негодования.

Это были благонамеренные слова высшего чиновника, обращавшегося к высшей власти, но с точки зрения практического смысла они были ничтожнее, чем мимолетный разговор на российской таможне в том же блестящем марте 2014 года:

— Иностранцы в вагоне есть?

Проводник:

— Нет!

Таможенница:

— Что, все граждане России?

Проводник:

— Девять граждан России и двадцать один Украины. Иностранцев нет.

Это говорил человек, разбуженный русской историей. И пусть потом мы снова заснули, убаюканные пропагандой невмешательства, благословение короткой памяти еще даст нам возможность начать сначала.

ПУШКИН И 37-й

Сколько бы нас ни завораживал столетний юбилей революции, он не должен закрывать других важных дат. Например, 80-летие знаменательного 1937 года, на который именно сегодня стоит посмотреть под несколько иным углом зрения.

Ведь 1937-й — это не только год, когда размах сталинской зачистки ленинско-троцкистской гвардии достиг своего пика. Это также год столетнего юбилея гибели Пушкина, отмеченного в Советской России с небывалым размахом.

Более того, фигура Пушкина, до этого момента находившаяся в СССР в тени, в ходе февральских торжеств 1937-го заняла совершенно феноменальное место в советском пантеоне.

Сияние вновь прославленного поэта не просто затмило лики прочих советских культурных икон, но едва не сравнилось с сиянием «вечно живого» и «самого человеческого человека»...

Но главное даже не это, а то, что с момента прославления Пушкина сама культура заняла в советской реальности еще не виданное ею место. Культура (более того — национальная, русская культура) встала фактически в самый центр свершающихся социалистических преобразований. Что с точки зрения марксизма было, конечно, абсолютным нонсенсом.

Ведь «научный марксизм» отрицает культуру, тем более культуру предшествующих формаций как принадлежащую отжившим классам. С точки зрения ортодоксального марксизма Пушкин — элемент буржуазно-аристократического мира и как таковой подлежит устранению.

Однако на протяжении всех 30-х годов советская реальность являла нечто вопиюще противоположное марксизму. Можно смело сказать — в момент прославления Пушкина окончательно свершилось преобразование самого советского большевизма.

Незадолго до эпохального юбилея Г.П. Федотов в статье «Поэт Империи и Свободы», с изумлением глядя из Франции на расцветающий культ Поэта в СССР, емко подытожил: *«Возвращается Империя, возвращается и поэт Империи».*

Действительно, на месте безнационального марксизма, отрицающего культуру, народность, традиционную государственность, нацию и духовность, миру предстала почти классическая культуроцентричная империя с всечеловеком Пушкиным в центре. Да, разумеется, империя новая, слепленная из элементов традиции и модерна, но тем не менее...

В эти удивительные февральские дни 1937-го советская цивилизация претерпевала поистине фундаментальные изменения — под кумачом марксизма-ленинизма вдруг засиял лик традиционного «консервативного социализма».

Всё это нам еще предстоит осознать (и столетний юбилей революции — прекрасный для этого повод). Сегодня же хотелось бы взглянуть в те удивительные дни чуть более пристально.

Решение прославить Пушкина в лике социалистического святого целиком и полностью принадлежит Сталину. Сегодня это решение может показаться чем-то очевидным, само собой разумеющимся. Но в 1937 году оно едва ли казалось таковым.

Чтобы оценить всю нетривиальность почина, стоит вспомнить, что в XIX веке Пушкин был поэтом исключительно интеллектуальной элиты, поэтом аристократов духа. В списке книг для чтения революционной интеллигенции Пушкин не значился. В глазах последней он был чем-то слишком далеким, невесомым, витающим в эмпиреях и отвлеченным от насущных нужд народа. А такие интеллигентские кумиры, как Писарев, буквально уничтожали добрую память о поэте.

На поэтический олимп Пушкина отчасти вернули Достоевский и символисты. Но даже и в их глазах первый поэт России продолжал оставаться далеким, холодным, мерцающим идеалом. А новое сердитое поколение футуристов уже бросало Пушкина (вместе с Достоевским, Толстым и прочими) с парохода современности.

В возвращении Пушкина нельзя не отметить также огромной (если не основополагающей) роли Луначарского. Луначарский был большим другом и учеником А. Богданова, полностью разделявшим убеждения последнего. Богданов же, будучи в 1905—1908 гг. фактически вторым человеком в РСДРП (б), исповедовал не ленинскую версию большевизма, но, скорее, своеобразную версию русского всеединства, в центре которого находилась именно культура.

Но вернемся к Сталину.

Сталин прекрасно знал классическую русскую литературу и любил не только революционного Чернышевского, но и Достоевского с Пушкиным. Его также волновали последние

философские вопросы (советскую атеистическую пропаганду Сталин однозначно называл макулатурой).

В любопытной книге проф. Б.Илизарова «Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историко-философии Сталина» (М.: «Вече», 2003) исследуются тома из библиотеки вождя, с многочисленными пометками на них, сделанными его рукой. Среди них мы находим, например, такие: на полях «Воскресения» Толстого, напротив слов о Нагорной проповеди, благодаря которой «само собой» уничтожится насилие, стоит емкий сталинский отзыв: «ха-ха».

В другом месте, на полях «Братьев Карамазовых», Сталин подчеркивает: *«Государство обращается в церковь... От Востока звезда сия воссияет»*. Одним словом, Сталин всерьез относился к историческим идеям классиков. Хотя, конечно, бессмысленно делать из Сталина тайного христианина. Последние вопросы бытия Сталин разрешал как типичное дитя века просвещения, чему исследование Илизарова тоже дает массу подтверждений.

Пушкин в СССР стал ренессансным поэтом — гуманистом, атеистом, жизнелюбом, декабристом, революционером, демократом и врагом монархии. Но что любопытно: в этом перечне всё неправда. Однако ж это и не карикатура. Это сильно искаженный, но всё же довольно живой образ.

Есть некое чудо в самом явлении Пушкина, который всякий раз становится просветленным образом того, кто его читает. То же произошло и с советским Пушкиным. И едва ли можно переоценить значение того, что пушкинский лик засиял на знамени новой советской империи. Это не просто изменило облик советской России, но во многом **спасло** Россию.

Оружие, которое советская пропаганда вырвала из рук Зарубежья, оказалось в итоге гораздо более мощным, нежели могли предположить большевистские вожди: сияющий пушкинский лик затмил их собственные лики и изменил лицо самого большевизма.

Пушкинский культ, говоря словами Антонио Грамши, «сцентрировал народные силы», связав в едином культурном пространстве многонациональную страну и став, таким образом, мощнейшей имперско-объединяющей силой.

Удалось бы СССР без такого культурного цемента выиграть войну? Стали бы люди воевать за неукоренённый в национальной природе большевизм? Но за страну Пушкина, Толстого и Достоевского воевать стало уже возможным и даже необходимым...

Нина БОЙКО

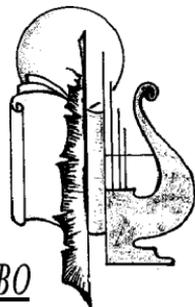
РАССКАЗЫ О РУССКИХ ХУДОЖНИКАХ

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ ФЕДОТОВ
(1815 — 1852)

Отец Павла Федотова — солдат поротый, колотый, рубленый, стреляный — пробился-таки в поручики, но последняя рана погнала в отставку. С женой турчанкой, вывезенной из молдавской кампании, он оказался в Москве, где поступил секретарем в Московскую управу благочиния. Куда делась экзотическая жена, неизвестно, но через четыре года Андрей Илларионович женился снова — на купеческой вдове Наталье Алексеевне Калашниковой. Детей народили много.

От отца Павлу перешла бескомпромиссная честность, от матери — душевная отзывчивость и деликатность.

Неполных двенадцати лет родители отдали Павлушу в Московский кадетский корпус на казенное обеспечение. «Меня судьба, отец и мать назначили маршировать», — скажет он впоследствии. Директор корпуса Кригер заявлял: «Русских надо менее учить, а более палкой бить!» Муштра была страшная.

ИСКУССТВО

В этой машине, долженствующей сделать из Павла Федотова человека, нужного государству, он пробыл семь лет. Здесь, в корпусе, пристрастился рисовать безобидные карикатуры на своих товарищей, — сходство было сильное. Кроме того, он хорошо пел, играл на гитаре и скрипке, сочинял стихи.

Состоялся выпуск. Федотов окончил курс первым учеником, и, по заведенному обычаю, его имя было высечено на почетной мраморной доске. Павел Андреевич получил офицерское звание, погостил в родительском доме, а затем, согласно предписанию, отправился в Петербург в Лейб-гвардии Финляндский полк.

Казалось бы, невелика разница: из одной казармы в другую, но жизнь была совсем иная. На всё требовались деньги — на предвиденные и непредвиденные расходы. А в гвардии — во что бы то ни стало! — надо держать тон. Для «тона» был нужен хорошо обустроенный быт, собственный денщик, блестящий внешний вид. Офицерского жалованья на это никак не хватало, а деревенок с крепостными у Павла не было. Вот когда Федотов ощутил свою унижительную бедность! Он экономил на еде, душу отводил на стихотворных зарисовках, «позубоскалили, отвели душу — и легче».

В полку, кроме карандашных карикатур, Федотов писал портреты, причем в громадном количестве. Именно портретирование открыло ему ту радость, то неповторимое наслаждение, которое дает рисование с натуры: наслаждение зорко вглядываться в человека, сидящего перед тобой и переставшего быть просто твоим знакомцем — он уже обратился в некий *мир*, который надо постичь.

Репутация полкового Рафаэля ласкала самолюбие Федотова, но ни к чему серьезно не обязывала. Чтобы вырваться из этого сладкого плена, он стал посещать вечерние классы Брюллова в Академии художеств. У него был талант, был и характер. Он взялся за дело серьезно.

Но молодость — это молодость. «Как румяны рассветы, как ясен свет дня — родилась на свет моя Катенька! На первом имени, каком я научился вдохновляться, душой стремиться, развиваться, то имя — Катенька! Ей, ей, за весь успех мой обязан. Сердце мое Катенька связала цепью сладкой!» Эту трогательную наивность Федотов сохранил до конца своих дней. Другьям, даже близким, о любви своей ничего не говорил.

Головачевы были соседями Федотовых по Москве. Катя была на четыре года моложе Павла, он играл с ней, расчесывал кудри, на руках пытался носить... Когда уехал в Петер-

бург, Головачевы через три года тоже оказались там. Родители Кати решили, что ей пора выходить в свет, Кате было уже восемнадцать. Любовь началась вроде бы шутя, играючи, но вскоре влюбленные уже не мыслили себя друг без друга. Предполагалось, что Головачевы скоро уедут, но опять вернуться. И будущее Павла с Катей стало туманным.

Беспокойный был год. К счастью, Федотову дали четырехмесячный отпуск, и он выехал в Москву.

Дома нищета, но рядом — Катя! Встречи были ежедневны, разговоры нескончаемы. Положение обоим представлялось простым, и надо было только набраться терпения: сначала до следующей встречи, а потом, бог даст, и до того момента, когда обстоятельства окажутся вполне благоприятными.

*Я наряжу тебя в пышной фантазии
Лучше, чем жен своих деспоты Азии, —
Солнце пришью ко груди,
В косу — луну диадемой вверх рожками,
Старшие звезды — сережками, брошками...*

Так мечталось Федотову, и об этом он писал Кате в стихах. Но Катина маменька строила совсем иные планы. Снова повезла дочь в Петербург показывать свету и заманивать женихов. Федотов, по мнению маменьки, в мужья Кате не годился. Что проку от мужа, у которого на руках многочисленное семейство, и он вынужден даже свое небольшое жалованье делить пополам — им и себе? Что за жизнь будет у Катеньки, когда каждый кусок, каждая ленточка на счету?

Катеньке же был нужен только Павлуша! Однако мамушки, кумушки и свахи так заговорили бедную девушку, так напугали будущим, что ей стало страшно. Она согласилась выйти замуж за человека с более устойчивым материальным положением. Но как соглашалась! Картина «Сватовство майора», написанная Федотовым в 1848 году, лучше всего передает это. Родители сбывают дочку с рук. Невеста, как большая светлая птица (хотя, увы, не без жеманства, уже привитого светом), рвется к спасительной двери. В чертах невесты — черты Катеньки Головачевой.

Свадьба Кати состоялась 9 ноября. Отчаянию Федотова не было границ.

*...Со вчерашнего дня
Ее нет для меня. —
Уж с другим под венцом
Поменялась кольцом;*

*Ему верною быть,
Его нежно любить
Клятву Богу дала —
Перед Богом лгала.*

Для Федотова свадьба Кати рушила все надежды на счастье!

Но громадный дар, отпущенный ему природой, рос с каждым днем. Еще в 1844 году Павел Андреевич простился с полком, ибо совмещать военную службу с серьезными занятиями искусством было невозможно. Вместе с ним получил отставку и верный его слуга Аркадий Коршунов. Поселились они на Васильевском острове в тесной квартирке. Без сожаления круто изменил Федотов порядок своей жизни, целиком отдавшись живописи. С раннего утра Павел Андреевич усаживался за свои эскизы и этюды, кутаясь от холода в тулупчик. До друзей порой доходили слухи, что он работает утром, вечером, ночью, работает так, что «смотреть страшно!».

Федотову виделась жизнь подобием гигантского муравейника: никто не живет по-настоящему, все играют заданные роли. Одним роль — пускать пыль в глаза; другим — с жиру беситься; третьим — прозябать, но ни в коем случае не признаваться в этом... Воплощая свои наблюдения в рисунках, картинах, он как бы отворял зрителю дверь в современную Россию.

На его картине «Свежий кавалер» — промотавшийся дворянин, получивший третьестепенный орден. С утра, с завитыми на газету волосами, толком не проспавшись после попойки, он надевает орден на засаленный халат и, хвастая перед служанкой, надувается, как индюк! Служанка не склонна им любоваться. Она насмешливо подает «благородию» брошенные им за дверью дырявые сапоги, а под столом — с муками пробуждается вчерашний собутыльник «благородия».

Картину «Свежий кавалер» Федотов отправил на суд своему учителю и кумиру Карлу Павловичу Брюллову. Через несколько дней — был приглашен к нему. Больной, бледный, мрачный сидел Брюллов в вольтеровском кресле.

— Что вас давно не видно? — был первый его вопрос.

— Я не смел беспокоить.

— Напротив. Ваша картина доставила мне большое удовольствие, а, стало быть, и облегчение. И поздравляю вас, вы меня обогнали. Отчего вы никогда ничего не показывали?

— Я мало учился и еще никого не копировал.

— Это-то, что не копировали, и счастье ваше! Вы открыли новое направление в живописи — социальную сатиру; подобных работ русское искусство до вас не знало.

Через год на Академической выставке Федотов представил несколько своих полотен, рисунков и сепий. Публика была в восторге! Все почувствовали новаторство художника и в обращении к совершенно новым темам, и в критическом отношении к действительности, и в новом творческом методе, благодаря чему жанровая живопись поднялась до уровня искусства большой социальной значимости. Совет Академии художеств единогласно признал Федотова академиком.

На выставке в Москве толпы зрителей стояли перед его произведениями, невиданными еще в русской живописи, целиком выхваченными из жизни, полными мысли и здорового юмора. В кругу художников на Федотова стали смотреть как на честь и гордость русской школы. Газеты и журналы затрубили ему восторженную хвалу, сопоставляя творчество Павла Андреевича с творчеством Гоголя. От аристократических гостиных до каморок рыночных торговцев только и разговоров было, что о работах Федотова.

Однако отношение к его творчеству вскоре переменялось. Критики стали усматривать в произведениях Федотова «злобу и сатирическую насмешку над изображаемыми лицами». В прессе началась травля художника. Особенно старался журнал «Москвитянин», называя живопись Федотова «временной», заявляя, что ей «не может быть места в христианском обществе».

В результате у Федотова не стало заказов на рисунки. Гравюры с картин, чтобы растиражировать и продать, он сделать не мог — не разрешал Цензурный комитет. Это очень сильно подействовало на умонастроение художника: мир не желал исправляться, напротив, он становился всё непригляднее.

И всё же Павел Андреевич находился во власти замыслов! Иногда он рассказывал друзьям о темах будущих картин — и это были изумительные по мысли и вдохновению темы.

Между тем на душе было тревожно. Хорошо, что рядом Аркадий Коршунов! Хитроватый, ворчливый, экономный, предприимчивый, он являл собой простого русского человека в его лучшем виде. Он горячо проникся личностью своего хозяина, его интересами и заботами, и Федотов платил ему той же преданностью. Когда Коршунов заболел, Павел Андреевич, никогда не бравший денег в долг, впервые взял, чтобы выкупить дорогое лекарство.

Денег не хватало панически. Как-то раз Федотов в садике возле дома играл на гитаре. Любопытные прохожие останавливались, слушали, и скоро их набралось много. Федотов не замечал. Зато заметил Коршунов и сразу сообразил, как извлечь из этого пользу. Он впустил зевак в садик: пусть слушают музыку хозяина, но чтобы дали за это денщику «на чай». К обеду он подал Павлу Андреевичу хорошее вино и закуску. Федотов не был столь мечтателен и отрешен от жизни, чтобы не удивиться яству. Пришлось Коршунову выкладывать правду. Федотов прекратил посещение любителей его игры. Не помогли и ссылки Коршунова на то, что именно он вытягивает хозяйство, и незачем барину командовать.

Стараясь поправить денежное положение, Павел Андреевич решил издавать иллюстрированный сатирический журнал. Однако первая же его попытка в этом направлении была пресечена правительством. В свою записную книжку художник внес горькие строки: «Я боюсь всего, остерегаюсь всего, никому не доверяю, как врагу...»

Друзья предлагали ему жениться на богатой невесте, чтобы поправить финансы, но Павел Андреевич наотрез отказался. Сам же когда-то писал: «Как иные на чужой счет жуют: работать ленятся, так на богатых женятся».

Бедности он не стыдился, хуже скрывать нужду. Как раз в это время появился фельетон И.А. Гончарова о богемной жизни, какую вела тогда золотая молодежь Петербурга, начиная с гвардейских офицеров и заканчивая промотавшимися помещиками. Аристократическое нищенство! Затеи-ливые похождения, широкие жесты, швыряние денег на удовольствия, карты, постоянная ложь о получении большого наследства... и огромные займы под явную неуплату. «А пробовал ли ты нечаянно приезжать к таким людям домой и заставить их врасплох?» — спрашивал Гончаров, зная, что эта «богема» порой не имеет даже обычного куска хлеба.

Федотов тоже не раз вышучивал жизнь напоказ. Под впечатлением фельетона он начал картину «Завтрак аристократа». Изобразил момент, когда хозяин сидит в роскошно-показном интерьере, но, услышав шаги незваного гостя, прячет кусок черного хлеба, составлявший весь его завтрак. Смешно и нелепо выглядит рядом с «аристократическим завтраком» реклама устриц, оставленная, как бы случайно, на стуле.

Картина не несет сатирического оттенка, она иронична. Аристократическое нищенство было порождением широкой

русской природы. Среди нищих аристократов имелись и друзья художника: офицеры, писатели, чиновники — безалаберные и бескорыстные. Федотов работал над картиной без напряжения, что дало ему некоторую передышку: организм словно готовил его к чему-то высокому, сложному, где будут нужны и нервы и силы.

Финансовое положение оставалось по-прежнему тяжелым. Да тут еще родные из Москвы написали, что у сестры умер муж, осталась одна с маленькими детьми. Да и отцу шел девятый десяток. Необходимо было помочь им, и в отчаянии Федотов принялся копировать собственные картины для продажи. Это было легче, чем писать новые: не приходилось обдумывать сюжет, не спать по ночам в поисках творческого решения... Но копии отнимали драгоценное время, и художник решил на то, на что всё еще не решался: продать «Сватовство майора» генералу Прянишникову, который давно хотел иметь ее у себя.

Генерал, пользуясь безвыходностью художника, выторговал «Сватовство майора» за полцены, и от этой сделки у Федотова появилось уже ощущение полной беспросветности. Написал в своей тетрадке:

*Всё план за планом в голове...
Но жребий рушит эти планы...
О, не одна нам жизнь, а две
И суждены, и даны.*

А тут еще знакомый по корпусу рассказал, что всю зиму промаялся в деревенской глуши. В избах — по двое, трое. Графин водки, постепенно осушаемый за день, вечерние сборища поочередно друг у друга или у полкового командира — с картами, ромом, от которого наутро нестерпимо болит голова. Пустая болтовня, пересказывание былей и небылиц, пьяные забавы, стычки, — монотонность повторяемых будней делается постепенно кошмаром, гибнет человеческая душа, обреченная на ничто.

Под впечатлением этого рассказа Федотов взялся за картину «Анкор, еще анкор!» Представил зрителю два мира одновременно. В одном — огонек из соседнего дома, торжественный покой зимней ночи, в другом — зловещая прокуренная каморка с пьяным офицером, гоняющим несчастного пса, и безысходность скуки. Горящие краски превратили каморку в преисподнюю, где в тоске мается человек, не менее несчастный, чем загнанная собака.

Такой силы социального обличения, такой остроты критической мысли Федотов никогда еще не достигал! Во всей мировой живописи нет другой картины, в которой были бы показаны глубочайшая тоска и бесполезность жизни, способные довести человека до сумасшествия.

«А я похож на этого бедного пуделя, — думал художник. — “Анкор, еще анкор!” — говорит мне судьба, и я покорно принимаюсь перепрыгивать через очередное препятствие. Как я устал!»

Замах был слишком велик. Федотов далеко обогнал своих современников, шагнув в искусство сразу XX века. Он совершил слишком много для человека, у которого только одна голова, одна пара рук и одна жизнь. Кроме того, Федотов был явлением... неожиданным и единым. Когда он... «стал угрожать», на него восстали, и он был раздавлен.

18 ноября 1852 года денщик Федотова Коршунов проводил Павла Андреевича до самой могилы на Смоленском кладбище, безутешно рыдал, а затем сгинул неизвестно куда.

Вышла в свет новая книга Валерия Хатюшина «Шестнадцатый год», в которую вошли стихи и «Протуберанцы», написанные в 2016 году. Книгу можно приобрести в редакции журнала «Молодая гвардия» и в книжном киоске Союза писателей России («Комсомольский пр-т, 13).